

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2020 13 (842)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

1930

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

13

выпуск 842

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

1930

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2020

13
Issue 842

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор **Г.Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.

Порохنيцкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аль-Рифаи Ф.

Изучение форм К.Т, Г.Т, СН.Т во французском языке
как вариантов фонологической матрицы Т.К, Т.СН 9

Голубева А. С.

Вербальное выражение мимики и жестов
как коммуникативных средств в художественной литературе 18

Дедюрина Е. Ю.

Стратегии воздействия во франкоязычной социальной рекламе 31

Евдокимова А. А., Гринина Е. А.

Социолингвистическая ситуация в Галисии через призму статистики 39

Имбер С. Ю.

Оценочность комментариев в социальной сети: на примере новостного
сообщества SPIEGEL ONLINE на «Facebook» 48

Калашикова Е. В.

Лингвистика изображения в исследованиях современных
немецких лингвистов 57

Коголова Е. А.

Особенности произношения молодежи в конце XX века:
сегментный уровень (на материале французского языка) 68

Манухина А. О.

Специфика средневекового поэтического дискурса через соотношение
стереотипного и индивидуального (на материале старофранцузской
песни «Seigneurs, sachiez...» (1239) Тибо IV Шампанского) 77

Моисеенко Л. В., Ускова Т. В., Думина Е. В., Викулина М. А.

Особенности осетинского билингвизма 90

Никулина М. А.

Особенности становления и развития русскоязычных терминологических
систем «Нового времени» (на примере терминосистемы рыночной
экономики) 102

Середенко В. М.

Особенности научных позиций западных психолингвистических школ 116

Соловьева А. Е., Шишкина Т. Г.

Значение теоретических положений советского терминоведения
для анализа английской военно-авиационной терминологии 125

Тайдонова С. С.

Анализ существующих переводов эндемической лексики
на немецкий и английский языки в художественных произведениях 139

Фаизова Ф. Ш.

Трудности перевода конструкций с причастиями в древнерусских
памятниках делового письма 149

Хорькова И. В.

Юридическая риторика Аврелия Августина в осуждение суицида 160

Шалова Е. Н.

Анализ глобальной структуры дискурса судебного решения
(на примере решений Федерального Конституционного суда ФРГ) 170

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Косихина С. В.

Творческая лаборатория переводчика (И. Ф. Анненский) 183

Усенок Д. Д.

«Дневник “фальшивомонетчиков”» А. Жида как продолжение романа 193

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Сдобнова Ю. Н., Манухина А. О.

Academia как научная организация: историческая связь
Франции и России в области науки и языка 206

Куликова К. С.

Культурологический потенциал англоязычного визуального
нарратива на примере анимационного художественного фильма
«Принцесса и лягушка» 215

СОДЕРЖАНИЕ

LINGUISTICS

Al-Rifaai F.

The Study of Forms K.T, G.T, CH.T in the French Language as Variants
of the Phonological Matrix T.K., T.CH 9

Golubeva A. S.

Language Representation of Mimics and Gestures as Communicative
Means in Fiction 18

Dediurina E. Yu.

Impact Strategies In French Social Advertising 31

Evdokimova A. A., Grinina E. A.

Sociolinguistic Situation in Galicia through the Prism of Statistics 39

Imber S. Y.

Web Comments as Evaluative Statements:
Spiegel Online News Group on Facebook 48

Kalashnikova E. V.

Linguistics of Images in Studies of Modern German Linguists 57

Kogalova E. A.

Features of Pronunciation of Young People in the Late Twentieth Century:
Segment Level (based on the material of the French language) 68

Manuhina A. O.

Specificity of Medieval Poetic Discourse through the Relation
of the Stereotypical and Individual (based on the Old French song
«Seigneurs, Sachiez...» (1239) by Thibaut IV of Champagne) 77

Moiseenko L. V., Uskova T. V., Dumina E. V., Vikulina M. A.

Specific Features of the Ossetian Bilingualism 90

Nikulina M. A.

Specific Features of Evolution of Modern Russian Terminology
(on the example of terminology of market economy) 102

Seredenko V. M.

Features of Scientific Positions of Western Psycholinguistic Schools 116

Solovieva A. E., Shishkina T. G.

The Importance of Theoretical Concepts of Soviet Terminology Studies
for Analyzing English Military Aviation Terms 125

<i>Taydonova S. S.</i> Analysis of Existing Translations of Endemic Vocabulary into German and English in Fiction Books	139
<i>Faizova F. Sh.</i> Difficulties in Translating Constructions with Participles in Ancient Russian Monuments of Business Writing	149
<i>Khorkova I. V.</i> Legal Rhetoric of Aurelius Augustine in Condemnation of Suicide	160
<i>Shalova E. N.</i> Analysis of the Discourse Structures of the Court Decision (based on the decisions of the Federal Constitutional Court of Germany)	170

LITERARY STUDIES

<i>Kosikhina S. V.</i> Creative Laboratory of a Translator (I. F. Annenskiy)	183
<i>Usenok D. D.</i> «The Diary of “les faux-monnayeurs”» by André Gide as a Sequel to the Novel	193

CULTUROLOGY

<i>Sdobnova Yu. N., Manuhina A. O.</i> Academia as a Scientific Organization: Historical Relations between France and Russia in the Field of Science and Language	206
<i>Kulikova Ks. S.</i> Cultural Potential of the English Visual Narrative on the Example of the Animated Feature “The Princess and the Frog”	215

УДК 81

Ф. Аль-Рифаи

аспирант кафедры фонетики и грамматики французского языка
факультета французского языка, Московский государственный лингвистический
университет; e-mail: fato3arr@gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ ФОРМ К.Т, Г.Т, СН.Т ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ВАРИАНТОВ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ Т.К, Т.СН

В статье рассматриваются формы, составляющие варианты фонологической матрицы Т.К, Т.СН, выявленные в исследовании П. Гиро. В работе рассматриваются бинарные формы согласных, К.Т, Г.Т и СН.Т, базовое значение которых восходит к семам «движение» и «удар». П. Гиро изучал форму Т. К, которая реализует преимущественно эту матрицу, затем он обнаружил существование других альтернативных форм. Цель – обосновать, что формы КТ, GT, СН.Т также могут быть переменными элементами этой матрицы, будь то на формальном уровне (фонетическая форма) или на семантическом уровне (примитивный смысл).

Ключевые слова: матрица; фонетические свойства; зубные смычные согласные; переднеязычные и заднеязычные смычные согласные; примитивный смысл; общие фоносемантические знаменатели.

F. Al-Rifaa

Post-graduate Student, Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: fato3arr@gmail.com

THE STUDY OF FORMS K.T, G.T, CH.T IN THE FRENCH LANGUAGE AS VARIANTS OF THE PHONOLOGICAL MATRIX T.K., T.CH

The article considers the forms that make up variants of the phonological matrix T.K, T.CH, identified in the study by P. Giro. The study examines the binary forms of consonants, K.T, G.T and CH.T, the basic meaning of which goes back to the semes «movement» and blow». p. Giro studied the form T. K, which implements mainly this matrix, then he discovered the existence of other alternative forms. The purpose of the article is to prove that the forms КТ, GT, СН.Т can also be variable elements of this matrix, whether at the formal level (phonetic form) or at the semantic level (primitive meaning).

Key words: matrix; phonetic properties; apico-dental consonants; dorso-velar consonants; primitive sense; common phono-semantic denominators.

Введение

Постулат о необходимых отношениях, связывающих фонетическую форму слова и его значение, ставит под сомнение произвольность знака, теорию, отраженную Ф. Де Соссюром в *Cours de linguistique générale*, которая доминировала в лингвистике двадцатого века. Тем не менее эта «теория произвола» так никогда полностью и не возобладала: многие лингвисты, например, Платон, Якобсон Фант и Галле (Jakobson Fant et Halle 1951), Фонаги (Fonagy 1983), С. В. Воронин (1982, 1990) и многие другие пытались найти связь между формальным и семантическим аспектами слов или сгруппировать слова данного языка в классы, будь то формальный, семантический или одновременно формальный и семантический.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы изучить вклад П. Гиро [Guiraud 1967] в этой фоносемантической области применительно к французскому языку.

Гиро всегда пытался обосновать существование фоносемантических отношений между французскими словами с формами Т.К, Т.СН и т. д. С помощью тех же подходов наше исследование направлено на обнаружение существующих фоносемантических сближений между формами К.Т, G.Т или СН.Т, поскольку изучаемые нами в статье слова имеют общие фоносемантические знаменатели, которые основаны на той же матрице: {[зубной смычный], [переднеязычный задненёбный смычный]}, при этом слова имеют изначальный смысл «удар, разрез и т. д.». Джорж Богас [George Bohas 1997, 2000] провел глубокий анализ форм, дав описания, очень похожие на описания Гиро, на материале семитских языков. Теория Дж. Богаса привлекается в нашем исследовании, чтобы обнаружить существующие фоносемантические отношения между французскими словами.

Для доказательства этой гипотезы нами были изучены данные из лексикографических источников: словарей Le Petit Robert de Rey, Dauzat, Dubois, Mitterant и A. Brachet.

Фонологическая матрица Т.К, Т.СН на материале французского языка с точки зрения П. Гиро

П. Гиро [Guiraud 1967] исследовал перечень французских слов, содержащих формы Т.К, Т.СН, например, слова типа *toquer, toucher*. Он обнаружил однородность между набором слов, что позволяет построить

матрицу, по которой группируются слова, разделяющие одни и те же фоносемантические знаменатели. По его словам, этот тип формы обеспечивает *onomatopée articulatoire* (артикуляционное звукоподражание), которое отражает очевидный образ «ударное движение» и «результат этого движения»: «Le sens dérive d'une image phono-cinétique réalisée par le mouvement de la langue qui, à partir d'une première occlusion antérieure, est brusquement retirée en arrière» [Guiraud 1967, с. 66]. Это артикуляционное звукоподражание имеет форму двустороннего корня с переменными гласными элементами и / или с показателем согласного элемента, как в TR.K, где вибрирующий согласный R может добавить значение повторения в примитивном смысле «ударное движение» и все производные метафорические значения, такие как «объект или инструмент, используемый для выполнения действия» или, например, причинно-следственная связь «удар → разбить на части → раздробить → малые части и т. д.». Согласные этого типа звукоподражания представляют собой артикуляцию двух зубных смычных и переднеязычных заднеязычных смычных типов, которые реализуются в фоноэкспрессивных формах, таких как: T.K, T.CH, CH.K и т. д. в словах *toquer, chiquer ou choquer, toucher* и т. д. Поскольку основными знаменателями этой матрицы являются фонологические свойства, лежащие в основе фонем, предлагается проверить формы K.T, G.T и CH.T, рассматриваемые как варианты этой матрицы. Также было замечено, что значительное количество слов способно достичь той же фоносемантической матрицы, что мы и рассмотрим в следующем разделе.

Изучение форм K.T, G.T, CH.T во французском языке как вариантов фонологической матрицы T.K, T.Ch

Рассмотренные далее слова взяты из словаря Le Petit Robert [Le Petit Robert 2009] и засвидетельствованы в словаре Dauzat [Dauzat 1964] и словаре A. Brachet [Brachet 1872]. Эти слова обнаруживают между собой фонетико-семантическую корреляцию. Корреляция является наиболее абстрактным уровнем, который позволяет группировать набор слов в одном и том же списке, называемом матрицей: сочетание фонетических черт {[апикально-зубной смычный], [переднеязычный задненебный смычный]}, связанных с базовой идеей «удар». Таким образом, у нас есть ряд двусторонних форм типа K.T, G.T и CH.T, являющихся источником больших семейств слов, значения которых пересекаются.

Проверим некоторые слова, составляющие эту матрицу, и начнем со следующего набора слов в форме К.Т, которые составляют фоносемантическую серию:

- *cotre* [kɔtr]. 1834, en anglais *cutter* «qui coupe (l'eau)»: Petit navire à un seul mât;
- *couteau* [kɔto]. 1316; *coltel* 1130, du latin *cultellus*, de *culter* (voir *coudre*): Instrument tranchant servant à couper, composé d'une lame et d'un manche;
- *coutelas* [kutla]. 1410, de l'italien *coltellaccio*, ou du moyen français *coutel*: Épée courte à un seul tranchant ou grand couteau à lame large et tranchante;
- *cautère* [kɔtɛr; kɔtɛr]. fin xiiie, du latin *cauterium*, grec *kautêrion*, de *kaiein* «brûler»: Instrument dont la pointe, chauffée au rouge, sert à brûler les tissus;
- *coudre* [kutr]. 1150, du latin *culter*, d'origine inconnue, au sens de *couteau*: Fer tranchant fixé à l'avant du soc de la charrue pour fendre la terre;
- *cutter* [kɔtɛr; kytɛr]. 1979; *cutteur* 1971, mot anglais, de *to cut* «couper»: Instrument tranchant à lame coulissante servant à couper le papier, le carton.

Все эти слова содержат форму К.Т, которая включает в себя общие фонологические знаменатели и реализует семантическое поле матрицы следующим образом: «удар → разрез» с указанием инструмента или объекта, посредством которого можно ударить: «Petit navire à un seul mât qui coupe l'eau» (здесь значение метафорическое в слово *cotre*), все виды острых инструментов: меч, острое железо и т. д. Эта семантическая реализация матрицы отражена в работе П. Гиро: «De l'idée de “frapper” dérivent les noms d'objets avec lesquels on frappe» [Guiraud 1967, с. 75].

Возьмем следующую группу слов в форме К.Т, большинство из которых имеют различное этимологическое происхождение, но формально и семантически они очень близки:

- *cot-e* [kɔt]. 1390, du latin médiéval *quota* «pars» ou part qui revient à chacun», donc on a aussi *quot-a* [k(w)ɔta] ;
- *côt-e* [kot]. 1160 *coste*, du latin *costa* «Os, partie saillante. Os plat du thorax...» ;

- *côt-é* [kote]. fin xie, du latin populaire *costatum*, de la même famille de *costa* (côte) et fournit presque le même sens «Point de côté : La partie droite ou gauche de tout le corps» ;
- *cot-eau* [koto]. 1599, apparenté à *couteau*, de l'ancien français *coste* (côte): «Petite colline. Versant, pente d'une colline»;
- *cot-ice* [kotis]. *costice* 1213, probablement de (bande) *costice* « ruban »; de *coste* «côte; pièce en longueur» : Blas. Bande étroite traversant diagonalement l'écu ;
- *cot-ret* [kotre]. 1623; *costerais* 1298, de *coste* «côte» : Petit fagot de bois court et de grosseur moyenne;
- *cot-te* [kot]. 1155, du francique *kotta*. Le sens moderne: Jupe courte, plissée à la taille. Petite cotte de dessous (cotillon);
- *kot* [kot]. 1937, du flamand *kot* «petit réduit, débarras», de même origine que le français *coterie* et l'anglais *cottage*.

Все эти слова принадлежат одной и той же матрице К.Т, семантическая реализация которой здесь относится к типу причинно-следственной связи: «удар» → «разрезать на части (две или более)» → «части» → «мелкие части» (отсюда и смысл «малость»). Таким образом, два формальных и семантических аспекта легко идентифицируются; все они имеют форму К.Т, которая имеет одинаковые фонологические особенности; кроме того, они имеют похожее, почти идентичное значение с несколькими нюансами, обозначая результат метафорическим отношением причины к следствию. Эти семантические отношения хорошо подтверждаются в анализе П. Гиро [Guiraud 1967, с. 80], который связывал значение части с целым, подобно тому, как голова связана с телом.

Теперь изучим некоторые слова, которые имеют форму G.Т, что также рассматривается как вариант К.Т и Т.К. В принципе, форма T.G не изучена в работе П. Гиро так же подробно как Т.К: он привел только два слова из перечня с формами Т.К, TR.К, Т.СН: один из старофранцузского *tagonner* [Guiraud 1967, с. 69], другой из литературного языка *age* [Guiraud 1967, с. 73]. Форма T.G существует в других словах и может быть рассмотрена в исследованиях в будущем. Форма G.Т имеет те же знаменатели этой матрицы и может быть одним из обратимых вариантов Т.К в дополнение к К.Т. Возьмем слова:

- *gâter* [gate], de *guaster* (1080); au sens de «dévaster» jusqu'au XVIIe, du latin *vastare* « ravager », devenu *wastare*, sous l'influence du germanique.

Sens moderne : Affaiblir, diminuer, détruire en privant de son effet agréable ;

- *goûter* [gute], de *guster* XIIe, du latin *gustare*. Sens courant : « manger à petites quantités » ;
- *gâteau* [gato], de *gastel*, « nourriture », « morceau », « une masse d'une substance de la pâte et prend la forme moulée et cylindrique d'un gâteau... » ;
- *gratter* [grate]. 1155, du francique *krattôn*. « Frotter avec qqch. de dur en entamant très légèrement ».

Значения, данные в этимологии, ясно показывают, что эти слова принадлежит семантическому полю изучаемой матрицы с указанием действия удара и результата этого удара. Что касается современных значений *gâter*, которые представляет Le Petit Robert, одно из них более тесно связано с примитивной идеей удара с указанием на следствие: « Affaiblir, diminuer, détruire en privant de son effet agréable ». Из этого слова *gâter* однозначно вытекает двоичный код согласного G.T, который представляет альтернативные компоненты K.T и, следовательно, T.K – основной вид матрицы, изучаемой здесь. Слово *goûter* также формально трактуется аналогично. *Goûter* дает общую идею «удар»; он выражает, как определяет Le Robert, идею « manger à petites quantités » (есть в небольших количествах). Это значение хорошо обосновано у Гиро: « Porter un coup de dent = manger » или также « Donner un coup de dent, d'où déchirer en petits morceaux » [Guiraud 1967, с. 133]. К этому семейству также принадлежит слово *gâteau*, которое обозначает « une masse d'une substance de la pâte et prend la forme moulée et cylindrique d'un gâteau... », и оно представлено *morceau* (куском). Здесь реализация примитивного смысла матрицы осуществляется производным отношением. Гиро свидетельствует о семантических реализации матрицы по-разному: « Petit morceau de pain, de fromage, d'étoffe » ; « Nous avons là un sémantisme fondamental : un *morceau* c'est ce qui est « mordu », détaché d'un coup de dent. Autre protosémantisme aussi dans l'idée de couper, c'est-à-dire « donner un coup (de couteau) » ; « *Petit morceau* + *manger* = *petits gateaux* » [Guiraud 1967, с. 134]. Итак, слово *gâteau* обозначает форму, которая нарезается на кусочки. Глагол *gratter* также указывает на значение результата, приближающееся к следующей семантике: « Frotter avec qqch. de dur en entamant très

légèrement» [Guiraud 1967, с. 133]. Вибрирующий согласный *R* обеспечивает ощущение повторения.

Наконец, перейдем к словам с формой СН.Т, образованным от Т.СН, которые Гиро рассматривал как палатализованный вариант (*variante palatalisée*) той же матрицы Т.К. Вот несколько слов:

- *chute* [ʃyt]. fin XIVe, de *cheoite*, ancienne forme du participe passé de *choir*, avec influence de *chu*, *chue*, participe passé de *choir*) au sens de « Le fait de choir, de tomber »;
- *chuter* [ʃyte]. 1787, verbe de la famille étymologique de *chute*. Sens familier « Subir un échec, tomber, choir ». Sens figuré « Diminuer ».

Слово *chute* [ʃyte] в смысле « tomber » (падение) и *chuter* [ʃyte] – глагол из того же этимологического семейства *chute*, имеющий также приближающееся значение. В любом случае это реализация примитивного смысла матрицы с различными видами результата удара «*chute, tomber, diminuer*» (падение, уменьшение).

Чтобы определить критерии отбора материала исследования, проверим выборку изучаемых слов согласно форме СН.Т, которая составляют матрицу, определяющую действие удара:

- *châtaigne* [ʃatɛn], de *chastaigne* XIIe, du latin *castanea*, au sens familier « Coup de poing »;
- *châtier* [ʃatje]. 1130 *chastier*, Xe *castier*; latin *castigare*) au sens littéraire « Infliger à (qqn) une peine pour corriger »,
- *châtiment* [ʃatimɑ̃]. *chastiment* (1190, de *châtier*) au sens de « Peine sévère infligée à une personne que l'on veut corriger » ou « Punition en général », et quand on dit Châtiment corporel, cela signifie « coup, supplice ».

Значение удара в в этих словах, имеющих формы Г.Т, выражено скорее косвенно: *châtaigne* « Coup de poing » (удар кулаком), *châtier* « Infliger à (qqn) une peine pour corriger » (Наказать, чтобы исправить), *châtiment* « punition » (наказание) ou « coup, supplice » (удар, наказание).

Возьмем слова, которые также имеют значение «действия удара», но по-другому:

- *chatouille* [ʃatuɣ]. 1787, de *chatouiller* « Action de chatouiller »;
- *chatouillement* [ʃatujmɑ̃]. 1580; *catouillement* XIIIe, de *chatouiller* au sens de « Action de chatouiller (chatouille); résultat de cette action » et « Léger picotement » ;

- *chatouiller* [ʃatuje]. fin XIIIe, peut-être de *chat*, ou du néerlandais *katelen* au sens de « Produire sur (qqn), par des attouchements légers et répétés de la peau, des sensations agréables ou pénibles qui provoquent un rire convulsif ». Sens ironique: « Frapper: *Chatouiller les côtes à qqn.* » ou par ext. « Faire subir un léger picotement à (qqn) ».

Существительные *chatouille* или *chatouillement* имеют значение «Action de chatouiller»; результат этого действия « Léger picotement » (Легкое покалывание). Глагол *chatouiller* имеет почти то же значение: « Produire sur (qqn), par des attouchements légers et répétés de la peau... ». Значение последнего слова *chatouiller* обозначает «изображение ударных движений кошки», для этого здесь используется значение с указанием действия « *coup de doigts, punir légère, etc.* ».

Эти несколько проверенных слов здесь, как и многие другие, составляют одну и ту же фонологическую матрицу (К.Т, G.Т, СН.Т) и реализуют одно и то же или почти одно и то же общее значение. Они интегрированы в поле форм, которым соответствует поле значений; поле этих форм представляет собой обратимые варианты этой матрицы, между ними существует форма (К.Т, G.Т, СН.Т) и семантическая однородность (семантическое поле «удар»).

Заключение

Набор слов французского языка, имеющих форму К.Т, G.Т и СН.Т был исследован согласно теории Гиро об обратимых формах Т.К, Т.СН. Изученный материал представлял собой перечень слов, имеющих общее значение «удар» и «результат, который можно получить из действия удара». Анализ позволил лучше объяснить формальные и семантические отношения, существующие между набором слов в языке. Гипотеза состояла в том, чтобы продемонстрировать, что существуют формы, которые проявляют формальную и семантическую однородность; и это позволяет им принадлежать к матрице, идентифицированной Гиро. Поэтому фоносемантическая корреляция позволила сгруппировать набор слов с обратимыми формами К.Т, G.Т и СН.Т в единый список матриц, который отражает фактические отношения, существующие между словами с формой Т.К, Т.СН. Нами были рассмотрены фонологические формы К.Т, G.Т и СН.Т и смысловые значения, реализованные в выборке слов современного французского языка; они были связаны с первоначальной идеей «ударить или разрезать» с различными характеристиками «разрезать», «удар»,

«разделить на мелкие части» и т. д. На уровне матрицы значение перестает быть конкретным и становится общим и более примитивным.

В целом, анализ позволил рассматривать ряд французских слов по общей системе, которая учитывает взаимодействие различных уровней языка: морфологического, фонетического и семантического. Анализ также позволил отметить, что теория матриц справедлива не только для слов с формой Т.К или Т.СН, но и для слов с обратимой формой К.Т, Г.Т. СН.Т. Это показывает, что основными постоянными элементами в гипотезе П. Гиро являются фонологические артикуляционные свойства, которые отражают примитивное значение. Данная гипотеза открывает новые способы поиска слов с разными формами, но общими фонологическими и семантическими свойствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ленинградского университета, 1982. [Voronin, S. V. (1982). *Osnovy fonosemantiki (The basics of phonosemantic)*. Leningrad: Izdatelstvo leningradskovo universiteta. (In Russ.)].
- Воронин С. В.* Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании (Очерки и извлечения) : учеб. пособие. Л.: ИЛУ, 1990. [Voronin, S. V. (1990). *Fonosemanticheskie idei v zarubezhnom jazykoznanje (Phonosemantic ideas in foreign linguistics)*. Leningrad: ILU. (In Russ.)].
- Bohas, G.* Matrices, étymons, racines, éléments d'une théorie lexicologique du vocabulaire arabe. Paris ; Louvain: Peeters, 1997.
- Bohas, G.* Matrices et étymons, développements de la théorie. Lausanne: Editions du Zèbre, 2000.
- Brachet, A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Huitième éd., ouvrage couronné par l'Académie française. Paris: Bibliothèque d'éducation, 1872. Source gallica. Bnf. fr / Bibliothèque nationale de France.
- Dauzat, A., Dubois, J., Mitterand, H.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris VI: Librairie Larousse, 1964.
- Fonagy, I.* La vive voix: essais de psycho-phonétique. Paris : Payot, 1983.
- Guiraud, P.* Structures étymologiques du lexique français. Paris: Larousse, 1967.
- Jakobson, R., Fant, C. G. M. et Halle, M.* Preliminaries to Speech Analysis: The distinctive Features and their Correlates. Acoustic Laboratory, Technical report no 13. Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology Press, 1951. P. viii–58.
- Robert, P.* Le nouveau Petit Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, version électronique [CD-ROM], texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Bureau Van Dijk, 2009.

УДК 811.134.2

А. С. Голубева

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: alinagolubeva@mail.ru

ВЕРБАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МИМИКИ И ЖЕСТОВ КАК КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются способы языковой репрезентации доминант испанского невербального кода – мимики и жестов. На примерах из художественной прозы современных испанских авторов анализируются самые частотные кинемы и выявляются основные коммуникативные ситуации, в которых они реализуются. Предполагается, что описываемые кинемы в определенной мере отражают невербальное поведение представителей испанской культуры. В работе обозначена актуальность данной темы и ее дальнейшего углубленного изучения с использованием сопоставительного метода.

Ключевые слова: невербальные средства коммуникации; мимика; жесты; кинесика; коммуникативное поведение; национальный характер.

A. S. Golubeva

Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Moscow State Linguistic University;
e-mail: alinagolubeva@mail.ru

LANGUAGE REPRESENTATION OF MIMICS AND GESTURES AS COMMUNICATIVE MEANS IN FICTION

The article deals with the language representation of the dominants of the Spanish non-verbal code – mimics and gestures. The article describes the most frequent kinemes and the main communicative situations in which they are realized on the examples from fictional prose of modern Spanish authors. It is assumed that the described kinemes to some extent reflect the non-verbal behavior of representatives of Spanish culture. The article indicates the relevance of this topic and its further in-depth study using the comparative method.

Key words: non-verbal means of communication; mimics; gestures; kinesics; communicative behavior; national character.

Введение

Неоспорим тот факт, что речь тесно сосуществует с жестами и мимикой, которые, в свою очередь, наряду с другими невербальными

средствами коммуникации (далее – НСК), образуют невербальный код общения.

Изучение мимики и жестов всегда было актуальным, так как без понимая языка тела не представляется возможным иметь полноценную картину о культурных нормах народа. Незнание невербальных языков может привести к негативным последствиям, от курьезного недопонимания вплоть до международного конфликта.

Мимика и жесты являются объектами исследования *кинесики*, одной из центральных областей невербальной семиотики [Крейдлин 2002, с. 43]. Термин «кинесика» был введен в 50-х гг. XX в. американским антропологом Рэем Бердвистелом, который специализировался на невербальной коммуникации. Кинесика (*др.-греч. κίνησις* – движение) в широком смысле слова понимается как наука о языке тела и его частей. Однако подавляющее большинство исследователей склоняются к более узкому пониманию кинесики, считая ее учением о жестах, прежде всего, жестах рук. Кроме того, объектом кинесики являются мимические жесты, жесты головы и ног, позы и знаковые телодвижения [Крейдлин 2002, с. 43]. По мнению И. И. Николаевой [Николаева 2015, с. 92], кинесика – один из невербальных кодов на основе культурно специфических движений тела человека, *коммуникация с помощью мимики и телодвижений*. Или, по другому определению этого автора, кинесика представляет собой *совокупность жестов, поз, телодвижений, взглядов, используемых при коммуникации в качестве дополнительных выразительных средств общения* [там же, с. 56].

Центральной единицей кинесики является *кинема*, с помощью которой происходит реальное общение [Бердвистел 1952]. Кроме того, выделяются более мелкие единицы – *кины* (мельчайшие неделимые движения) и более крупные – *кинеморфы*, *кинеморфемы* и *кинесинтагмы* [Крейдлин 2002, с. 65].

Интерес к кинесике и невербальному поведению в целом появился в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Данная тема глубоко изучается зарубежными исследователями, такими как Р. Бердвистел, В. Биркенбил, Г. Калеро, А. Кендон, Д. Моррис, Дж. Ниренберг, А. Пиз, Х. Рюкле, П. Сопер, Дж. Фаст, Э. Холл. Свое отражение кинесика нашла в работах таких советских и российских ученых, как О. С. Ахманова, Е. М. Верещагин, И. Н. Горелов, Г. А. Ковалева, В. Г. Костомаров, Е. В. Красильникова, Г. Е. Крейдлин, В. А. Лабунская, А. А. Леонтьев, Т. М. Николаева, Б. А. Успенский, Н. И. Формановская и др.

К невербальным формам коммуникативного поведения, помимо кинесических, также относятся такесические¹, проксемические², акустические (просодические)³ и другие формы. Но кинесические – это самый мощный ресурс среди вышеперечисленных. С жестов и мимики можно считывать целые блоки информации, что позволяет еще глубже проникнуть в сознание, историю, культуру носителей этой информации.

Сегодня, в эпоху сферы товаров и услуг, маркетинга влияния, коммерсантов, инфлюенсеров, спикеров разных отраслей, где правят такие качества как сила убеждения, установление зрительного контакта, доверительных отношений, жесты и мимика для оратора имеют огромное и часто решающее значение. Эмоции, жестикуляция, невербальное поведение, – все это влиятельный канал коммуникации, неисчерпаемый источник силы, который транслирует широкой публике сообщение незримо, но весьма эффективно, и работает как способ влияния на аудиторию, инструмент психологической манипуляции человеком.

Жестами и мимикой одинаково важно как уметь управлять, так и понимать их, распознавать, интерпретировать. Каждый жест и каждая мимика могут иметь скрытый смысл, и нужно знать, как правильно их расшифровать, декодировать, чтобы верно уловить коммуникативное намерение собеседника и повести себя грамотно в данной ситуации общения.

Часто высказывания в тексте дополняются невербальными элементами коммуникации, которые в письменной речи имеют конкретную языковую репрезентацию [Шаньлин *URL*]. Это как рисовать 3D-фигуры в 2D-пространстве. Благодаря невербальным средствам автору удастся сделать образ объемнее; воссоздать полноценную картину, передавая исходный замысел.

Как отмечает Г. Е. Крейдлин, невербальная коммуникация культуры делится на два типа: высококинетическая и низкокинетическая [Крейдлин 2002, с. 105]. Фактором разделения культур на эти два типа

¹ К такесическим средствам общения относятся рукопожатия, похлопывания, поцелуи и другие динамические прикосновения.

² Проксемические средства общения относятся к расположению коммуникантов в пространстве при общении.

³ Акустические (просодические) невербальные средства общения связаны с голосом и его характеристиками.

выступает степень проявления эмоций при общении, в частности интенсивность жестикуляции [Бутовская 2004, с. 95].

К высококинетическим культурам относятся народы Средиземноморья, Южной Америки, юго-востока Европы. К низкокинетическим – Северная Америка, Скандинавия, Северо-Западная Европа, Азия и другие.

Существует также еще одно деление культур на *контактные* и *неконтактные*, предложенное американским культурным антропологом, создателем науки проксемики, Э. Холлом, в основе которого лежит размер личного пространства [Бутовская 2004, с. 95]. Очевидно, частота жестикуляции тесно коррелирует с дистанцией между собеседниками и интенсивностью телесных контактов, из чего следует, что к контактным культурам относятся именно высококинетические.

В центре внимания нашей статьи жестовые акты высококинетической, контактной культуры – испанской.

Целью данной работы является описание способов вербализации коммуникативных жестов в рассказах известных современных испанских писателей и журналистов Артуро Перес-Реверте «Un asunto de honor» («Дело чести») [Pérez Reverte 2008] и Мануэль Ривас «¿Qué me quieres, amor?» («Что тебе надо, любовь?») [Rivas 2009] и выявление того, как невербальное коммуникативное поведение испанцев отражает их культурную специфику.

Анализ способов вербализации кинем в коммуникативных ситуациях в современном испанском дискурсе

При подсчете кинесических выражений было обнаружено 70 наименований в 120 словоупотреблениях на 200 страниц текста.

Анализ лексем, отображающих кинемы, выявил самые частотные в мимике: лексемы *mirada* (взгляд), *sonrisa* (улыбка) и соматизмы *ceja* (бровь), *ojo(-s)* (глаз/а); среди жестов: лексемы *gesto* (жест), *palmadita* / *palmada* (похлопывание) и соматизмы *brazo* (рука), *mano* (кисть).

Например:

Le di una palmadita en el culo a la polaca (Pérez Reverte, с. 3).

В примере герой позволяет себе жест в сторону женщины, маркированный вульгарной коннотацией, что подтверждает одну из доминирующих национальных черт испанцев – *мачизм*, культ силы,

мужественности, сексуальности мужчины, убежденности в превосходстве мужского пола над женским; *macho* – букв. ‘самец’, перен. «настоящий мужчина» [Фирсова URL].

Как было изложено выше, испанцы – нация контактная, о чем свидетельствует частотное употребление слов *palmadita* и *palmada* (похлопывание) в комбинации с глаголом *dar*. Во всех случаях действие уточняется путем указания пассивного объекта (части тела), например, *poхлопать по плечу*. Встречается в ситуациях поддержки, одобрения, прощания.

Y me dio una palmada en el hombro. – ¡Hasta el domingo, chaval! (Rivas, c. 106).	– И он похлопал меня по плечу. – До воскресенья, приятель!¹
---	---

Также эта характеристика проявляется в жесте *pasar la mano* (провести рукой) и глаголами *coger* (хватать), *abrazar* (обнимать), *besar* / *dar un beso* (целовать).

Un hombre mayor, muy elegante, que cuando me lo presentaron me pasó la mano por la cabeza como si me diese la bendición (Rivas, p. 49).	– Пожилой мужчина, очень элегантный, когда мне его представили, провел рукой по моей голове, как будто благословляя. (Объект – ребенок).
--	---

Cogió a la mujer por los hombros y le dio un beso (Rivas, c. 76).	– Он обнял женщину за плечи и поцеловал ее.
--	--

Me acerqué a ella, y la abracé para comerla a besos. La besé entre los ojos oscuros y grandes (Rivas, c. 105).	– Я приблизился к ней и обнял ее, чтобы зацеловать. Я поцеловал ее в большие темные глаза.
---	---

Неудивительно, что разнообразен лексический ряд глаголов, составляющих семантическое поле тактильности: от распространенных *coger* (хватать, брать), *tocar* (трогать) и *pasar la mano por* (провести рукой по) до более узких по семантике *pellizcar* (ущипнуть), *manosear* (хватать, трепать), *agarrar* (вцепиться, ухватить).

Me pellizó la mejilla con cariño (Rivas, c. 28).	– Он ласково ущипнул меня за щеку.
---	---

La agarró por un brazo y tiró de ella hacia abajo (Pérez Reverte, c. 8).	– Он схватил ее за руку и потащил вниз.
---	--

Стоит отметить, что объектами тактильности в основном выступают женщины и дети, хотя есть немногочисленные примеры, в которых реципиент – мужчина.

La niña se inclinó sobre mí, abrazándose a mi cintura, y se puso a besar la herida (Pérez Reverte, c. 22).	– Девчонка наклонилась ко мне, обняла меня за талию и стала целовать рану.
--	--

Как известно, испанцы очень эмоциональны. Данный факт также нашел подтверждение в художественном дискурсе, в частности на примере вербализации мимики при помощи соматизма *бровь* в сочетании с разными глаголами: *enarcar las cejas* – *поднять брови*, *fruncir las cejas*, *arrugar el entrecejo* – *нахмурить брови*. Данные кинемы передают эмоциональное отношение задумчивости, озадаченности, раздражительности.

– Ése no es el mar. Trocito. Espera un poco. Sólo es un río. <i>Fruncia las cejas</i> igual que una cría cabreada (Pérez Reverte, c. 23).	– Это не море, Тросито. Подожди немного. Это просто река. Она сдвинула брови домиком, как обиженный ребенок.
---	--

<i>Arrugué el entrecejo</i> y me puse a pensar (Pérez Reverte, c. 15).	– Я нахмурился и начал думать.
--	--------------------------------

Также высок процент узуальности лексемы *sonrisa* (улыбка) и глагола *sonreír* (улыбаться): *decir con una sonrisa*, *decir sonriente* – *сказать с улыбкой*, *ensanchar la sonrisa* – *широко улыбнуться*; *negar con una sonrisa* – *улыбнувшись, отрицательно покачать головой*; *responder sonriendo* – *ответить с улыбкой*. Например:

Y yo moví la cabeza, <i>negando con una sonrisa</i> (Pérez Reverte, c. 25).	– Улыбнувшись, я отрицательно покачал головой.
---	--

Eso está hecho – <i>respondió</i> el hombre, <i>sonriendo</i> por primera vez (Rivas, c. 53).	– Готово, – ответил человек, впервые улыбнувшись.
---	---

Словосочетание *decir con una sonrisa* чаще всего сопровождается определением к лексеме *sonrisa*, характеризующим данную кинему и ее интенсивность: *decir con una sonrisa irónica* – *сказать с ироничной улыбкой*; *decir con una sonrisa de oreja a oreja* – *сказать, улыбаясь во весь рот*; *decir con mi mejor sonrisa* – *сказать со своей самой*

¹ Здесь и далее перевод автора. – А. Г.

обаятельной улыбкой; *decir con una sonrisa melancólica* – сказать с меланхоличной улыбкой. Кинема улыбка – «говорящая» лексема, она хорошо передает коммуникативные намерения собеседника, которые не всегда бывают очевидны из речевого высказывания. Улыбка может выражать приветствие, радость, удовольствие, доброжелательность, иронию, насмешку и даже угрозу:

...su sonrisa era una amenaza (Pérez Reverte, с. 7). | В его улыбке таилась угроза.

Чаще всего встречается манифестация радости и доброжелательности. По степени частотности к данной лексеме приближается использование соматизма *глаза* и лексемы *взгляд* (8 и 12 раз соответственно). В силу своей эмоциональности и темпераментности испанцам несвойственно сдерживать проявления своих чувств. Поэтому весьма разнообразны речевые формулы, вербализирующие данные кинемы: *guiñarle a alguien un ojo* – подмигнуть кому-либо; *mirar fijamente* – пристально посмотреть; *pedir con la mirada* – вопрошать взглядом; *sin apartar la mirada* – не отводя взгляд; *desviar la mirada* – отвести взгляд; *seguir con los ojos clavados* – приковать взгляд.

Данные кинемы также реализуются в разных коммуникативных ситуациях, определяя эмоциональный настрой и интенцию говорящего. Так, во многих примерах с соматизмом *ojos* вновь находят свое проявление маскулинные черты – импульсивность, агрессия, жестокость: *ojos inyectados en sangre* – глаза, налитые кровью; *ojos de matar* – глаза убийцы; *clavar su repulsiva mirada* – впитаться неприятным взглядом; *empujar con la mirada* – давить взглядом.

При помощи лексемы *ojos* может передаваться состояние радости:

...sus ojos resplandecían (Pérez Reverte, с. 22). | – Ее глаза сияли.

Кинема *bajar la mirada* (опустить взгляд) передает состояние грусти в следующем предложении:

– Lo llamé – dijo en un tono triste, bajando la mirada. – Pero mi hijo está muy ocupado. Ni siquiera se pone al teléfono (Rivas, с. 172). | – «Я ему позвонила, – сказала она грустным голосом, опустив взгляд. – Но мой сын так сильно занят, что даже не отвечает на звонки».

Также с помощью лексемы *vзгляд* часто идет запрос информации:

En su <i>mirada</i> había una <i>pregunta</i> (Rivas, с. 68).	– В его взгляде был вопрос.
<i>Pidió con la mirada</i> otro vino dulce (Rivas, с. 68, 103).	– Взглядом он попросил еще один бокал сладкого вина.

Частотны ситуации, в которых передается отношение недовольства, укора:

<i>Su mirada</i> era una eterna <i>reprimenda</i> (Rivas, с. 18).	– В ее взгляде был вечный упрек.
---	----------------------------------

Среди употреблений кинемы *gesto* (жест), которая отличается высокой частотностью, можно выделить, согласно классификации П. Экмана и У. Фризена, следующие разновидности:

- жесты-иллюстраторы (поясняют сказанное) (1),
- жесты-регуляторы (сопровождают высказывание) (2), (3),
- жесты-эмблемы (замещают слова) (4),
- жесты-аффекторы (сопровождают чувства и эмоции) (5), (6)

[Ekman, Friesen 1969]:

(1) Hizo un <i>gesto</i> de entender el significado (Rivas, с. 90).	– Он сделал жест, означающий, что понял значение слова.
(2) Y con un <i>gesto</i> me invitó a volver a mi asiento (Rivas, с. 58).	– Жестом пригласил меня вернуться на место.
(3) Hizo un <i>gesto</i> para que me acercase (Rivas, с. 169).	– Он сделал жест, чтобы я подошел.
(4) Él hacía <i>gesto</i> de brindar (Rivas, с. 101).	– Он сделал жест, чтобы поднять тост.
(5) Seguía las explicaciones con <i>gesto interesado</i> (Rivas, с. 88).	– Он с интересом следил за объяснениями.
(6) Lo miraron con <i>gesto burlón</i> (Rivas, с. 137).	– Они насмешливо посмотрели на него.

Часто жест подчеркивает отрицательные эмоции, например, такие как отвращение, огорчение, досада:

Bebió de un trago el café, <i>con gesto amargo</i> (Rivas, c. 112).	– Он с отвращением сделал глоток кофе.
---	--

Miró <i>con gesto dolorido</i> e incrédulo el despertador (Rivas, c. 135).	– Он посмотрел на будильник с горечью и недоверчивостью.
--	--

Mamá hizo <i>un gesto de desagrado</i> (Rivas, c. 29).	– Мама жестом показала, что раздосована.
--	--

Также встречаются соматизм *un puño*, *un puñetazo* (кулак и жестовый фразеологизм) *pegar un puñetazo* (ударить кулаком), передающие эмоциональное состояние гнева в конфликтных ситуациях и ситуациях огорчения [Крейдлини 2002, с. 58].

Boal, amenazador, se le encaró con el puño a la altura de los ojos (Rivas, c. 50).	– Встретившись с ним лицом к лицу, Боул пригрозил ему кулаком.
--	--

Le estuve pegando puñetazos al volante hasta que me dolió la mano (<i>Pérez Reverte</i> , c. 8)	– Я принялся бить кулаком по рулю, пока у меня не заболела рука.
--	--

Высокочастотны и многофункциональны жесты, выполненные рукой / кистью руки *el brazo*, *la mano*, в русском переводе – *рукой*. Данная кинема служит для привлечения внимания (1), выказывания заботы (2), утешения, используется при знакомстве, в знак перемирия (3) и других ситуациях общения.

(1) Por fin, una niña <i>levantó la mano</i> . – ¿Como te llamas? – Ana (Rivas, c. 139).	– Наконец руку подняла девочка. – Как тебя зовут? – Ана.
--	--

(2) El padre <i>posó su mano</i> en la cabeza del niño (Rivas, c. 185).	– Отец положил руку на голову мальчика.
---	---

(3) Cuando dos se peleaban durante el recreo él hacía que <i>se estrecharan la mano</i> (Rivas, c. 31).	– Когда двое дрались во время перемены, он заставлял их пожимать друг другу руки.
---	---

Через описываемые жесты часто проявляется отношение любви и нежности к собеседнику. Например:

La rodeé con los brazos besándola lo más suavemente que pude (Pérez Reverte, с. 17). – Я обнял ее, целуя так нежно, насколько мог.

Но также возможно выражение агрессии:

Pero él, después de manosearme con rudeza y de darme un beso animal, me tiró en el sofá violentamente (Rivas, с. 156). – Но он, грубо схватив и поцеловав, яростно швырнул меня на диван.

Результаты анализа примеров могут быть представлены в виде таблицы, отображающей самые частотные кинемы, типы коммуникативных ситуаций, в которых они реализуются, участников ситуаций, а также эмоциональное отношение субъекта к объекту, выраженное в данной ситуации общения.

Таблица 1

Актантно-предикатная рамка вербализации кинесических единиц

Кинема	Кинесическая единица	Актант-субъект	Актант-объект	Коммуникативная ситуация – эмоциональное отношение
<i>la mano / la cabeza</i>	<i>Me pasó la mano por la cabeza</i>	взрослый человек	ребенок	знакомство – умиление, доброжелательность
<i>las manos / el cuerpo</i>	<i>manosearme con rudeza</i>	мужчина	женщина	превосходство – грубость
<i>los brazos / besar</i>	<i>La rodeé con los brazos besándola</i>	мужчина	женщина	любовь – нежность
<i>las cejas</i>	<i>Fruncía las cejas</i>	женщина	мужчина	озадаченность, недовольство
<i>los ojos</i>	<i>Me miró fijamente con sus ojos inyectados en sangre</i>	мужчина	мужчина	конфликт – агрессия
<i>la mirada</i>	<i>Ya no me riñe con la mirada</i>	женщина	ребенок	недовольство – укор
<i>la sonrisa</i>	<i>Le digo con mi mejor sonrisa</i>	мужчина	женщина	вежливость – учтивость, обходительность

Кинема	Кинесическая единица	Актант-субъект	Актант-объект	Коммуникативная ситуация – эмоциональное отношение
<i>la palmada</i>	<i>darle una palmadita en el hombro</i>	мужчина	мужчина	дружба – подбадривание
<i>el gesto</i>	<i>Seguía las explicaciones con gesto interesado</i>	мужчина		вовлеченность – интерес
	<i>Hizo un gesto de desagrado</i>	женщина	ребенок	недовольство

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Оба автора прибегают к большому и разнообразному ассортименту невербальных речевых формул для передачи эмоционального отношения говорящего в различных коммуникативных ситуациях. Проанализировав примеры, можно сделать вывод, что язык рук, глаз и взглядов, а также лексема жест доминируют в несловесном взаимодействии в испанском художественном дискурсе. Большинство приведенных выше кинем коррелируют с национальной спецификой испанцев, что подтверждается исследуемым языковым материалом.

Очень часто кинесические средства, являясь вторичным знаком, выходят на первый план и успешно поддерживают коммуникативные интенции говорящего. Основными коммуникативными ситуациями, в которых реализуются кинемы, являются знакомство, любовь, забота, доброжелательность, конфликт, угроза, превосходство, прощание. Также разнообразно сопутствующее их эмоциональное отношение: нежность, радость, грубость, ирония, гнев, удивление, заинтересованность, негодование, насмешка, грусть, задумчивость, недовольство, утешение, укор.

В исследованном материале не было обнаружено или было зафиксировано минимальное употребление следующих соматизмов: нога, ступня, пальцы, ресницы, веки, нос, губы, тело.

Данная работа дает определенное представление о невербальном поведении человека и его языковой репрезентации в современном

испанском художественном дискурсе. Эта тема требует дальнейшего детального изучения на более объемном материале сравнительно-сопоставительного анализа посредством других иностранных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура. М. : Научный мир, 2004. [Butovskaya, M. L. (2004). *Yazyk Tela: Priroda i Kul'tura (Body Language: Nature and Culture)*. Moscow: Nauchnyj mir (In Russ.)].
- Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. [Krejdlin, G. E. (2002). *Neverbal'naya Semiotika: Yazyk Tela i Estestvennyj Yazyk (Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (In Russ.)].
- Николаева И. И. Теория и практика по культуре и межкультурному взаимодействию в современном мире: учебно-методическое пособие. Нерюнгри: Изд-во Технического института (ф) СВФУ, 2015. [Nikolaeva, I. I. (2015). *Teoriya i Praktika po Kul'ture i Mezhhul'turnomu Vzaimodejstviyu v Sovremennom Mire: Uchebno-metodicheskoe Posobie (Theory and Practice of Culture and Intercultural Interaction in the Modern World: Study Guide)*. Neryungri: Izd-vo Tekhnicheskogo instituta (f) SVFU (In Russ.)].
- Фирсова Н. М. Отражение маскулинности в вербальных и невербальных средствах коммуникации испаноязычных народов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-maskulinnosti-v-verbalnyh-i-neverbalnyh-sredstvakh-kommunikatsii-iskanoyazychnyh-narodov>. [Firsova, N. M. *Otrazhenie Maskulinnosti v Verbal'nyh i Neverbal'nyh Sredstvakh Kommunikatsii Ispanoyazychnyh Narodov (Reflection of Masculinity in Verbal and Non-verbal Means of Communication of Hispanic peoples)*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-maskulinnosti-v-verbalnyh-i-neverbalnyh-sredstvakh-kommunikatsii-iskanoyazychnyh-narodov>. (In Russ.)] (дата обращения: 20.08.2020).
- Шаньлин Ло. Языковая репрезентация телодвижений и поз как коммуникативных жестов в художественной литературе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-telodvizheniy-i-poz-kak-kommunikativnyh-zhestov-v-hudozhestvennoy-literature> (дата обращения: 26.08.2020). [Shan'lin', Lo. *Yazykovaya Reprezentatsiya Telodvizheniy i Poz kak Kommunikativnyh Zhestov v Hudozhestvennoj Literature [Elektronnyj resurs]*. (Linguistic Representation of Body Movements and Postures as Communicative Gestures in Fiction), <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-telodvizheniy-i-poz-kak-kommunikativnyh-zhestov-v-hudozhestvennoj-literature> (In Russ.)].

- Birdwhistell, R. L.* Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture. Kentucky: University of Louisville Press, 1952.
- Ekman, P., Friesen, W. V.* The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding. Washington, D. C.: J. Winston, 1969. P. 49–98.
- Pérez, Reverte A.* Un asunto de honor. Madrid: Suma de Letras, 2008.
- Rivas, M.* ¿Qué me quieres, amor? Madrid: Punto de Lectura, 2009.

УДК 811. 133. 1

Е. Ю. Дедюрина

аспирант, преподаватель кафедры фонетики и грамматики факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: katerinadedyurina@gmail.com

СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Статья посвящена анализу франкоязычной социальной рекламы с точки зрения стратегий, используемых для повышения ее эффективности. Цель исследования: определение ведущих стратегий во франкоязычной социальной рекламе. Материалом для анализа служат рекламные афиши за последние несколько лет. В результате доказано, что основными стратегиями в таком типе рекламы являются стратегии обращения к разуму и к эмоциям. Данные стратегии могут быть одновременно использованы в одной афише для повышения эффективности рекламного сообщения.

Ключевые слова: реклама; социальная реклама; стратегии; тактики; речевое воздействие.

E. Yu. Dediurina

PhD Student, Lecturer, Department of French Grammar and Phonetics,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: katerinadedyurina@gmail.com

IMPACT STRATEGIES IN FRENCH SOCIAL ADVERTISING

The article is devoted to the analysis of French-language social advertising in terms of strategies used to increase the effectiveness of this type of advertising. The focus of the article is on the various types of strategies used in modern social advertising in French. The material for the analysis is advertising posters created in the last few years. Based on the analysis, the author concludes that the main strategy that advertisers use in addressing to the mind and emotions. Furthermore, advertising authors can use both strategies at the same time to increase the effectiveness of the message, which is a feature of this type of advertising.

Key words: advertising; social advertisement; strategies; tactics; speech exposure.

Введение

Сегодня в рамках антропоцентрической парадигмы большое внимание уделяется речевому поведению человека, использующему язык, чтобы выразить свои чувства, дать оценку тому или иному событию, побудить другого человека к действию и т. д. [Маслова 2007].

Данная тенденция отражается в лингвистической литературе, где особый акцент делается на применении языка как инструмента для совершения определенных речевых актов для оказания воздействия на собеседника. Убеждение может основываться на обращении как к разуму, так и к чувствам человека. Важно отметить, что во французском языке глагол «убеждать» может переводиться двумя способами согласно этимологии: для обозначения приемов, связанных с логическими доводами, используется глагол *convaincre* (лат. *convincere*), а для приемов, основанных на эмотивном воздействии – *persuader* (лат. *convincere*) [Ермолаев 2011, с. 50]. Именно эти два вида убеждения будут рассмотрены в данной статье как стратегии воздействия. Материалом анализа послужили афиши франкоязычной социальной рекламы за последние несколько лет.

Согласно О. С. Иссерс, для реализации коммуникативного намерения говорящий прибегает к планированию своего речевого поведения, которое и определяет стратегию. Следовательно, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [Иссерс 2009]. Аналогичную точку зрения высказывает В. С. Третьякова, уточняя, что данные речевые действия «определяют речевое поведение говорящего в плане выбора оптимальных (с точки зрения говорящего) средств и способов для достижения коммуникативных целей» [Третьякова 2003, с. 16].

Таким образом, чтобы правильно выбрать стратегию, говорящий должен для начала поставить перед собой цель, т. е. конечный когнитивный образ результата, который создается у участника речевого взаимодействия до начала самого коммуникативного процесса, которая становится «импульсом» для формирования коммуникативной стратегии [Быкова 2017, с. 25].

Если стратегия представляет собой комплекс речевых действий, его можно разбить на более мелкие составляющие, которые в большинстве работ обозначены термином «тактика». О. С. Иссерс определяет речевую тактику как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 2009, с. 110].

Как и другие формы коммуникации, социальная реклама, которая является объектом нашего исследования, располагает своим набором стратегий, соответствующим ее коммуникативной направленности. Так, Г. Николайшвили определяет социальную рекламу как «вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания

к жизненно важным проблемам общества и его нравственным ценностям» [Николайшвили 2008, с. 9]. Среди наиболее распространенных проблем, к которым обращается социальная реклама, можно отнести дорожное движение, экологию, соблюдение общественного порядка, толерантность, дискриминацию. Однако, на наш взгляд, социальная реклама не ограничивается привлечением внимания к актуальным проблемам, а побуждает потенциального адресанта изменить модель поведения и привычки.

Первой реализуемой стратегией является стратегия привлечения внимания, так как если пропустить данный этап, не заинтересовать адресата, то дальнейшие стратегии не приведут к желаемому результату. Для этого авторы социальной рекламы используют как запоминающиеся слоганы, выразительные картинки, так и менее броские, более точечные, локальные приемы.

Проанализировав различные франкоязычные рекламные афиши, мы пришли к выводу, что помимо стратегии привлечения внимания, двумя основными стратегиями являются, в соответствии с выделенными нами в начале статьи основными целями воздействия на собеседника (*persuasion* и *conviction*), **стратегия обращения к разуму** и **стратегия обращения к эмоциям**.

Как уже было отмечено, стратегии реализуются посредством тактик. Для удобства мы разделили две выделенные стратегии на тактики и составили таблицу, на которую и опирались при анализе материала.

Таблица 1

Стратегия обращения к разуму (<i>convaincre</i>)	Стратегия обращения к эмоциям (<i>persuader</i>)
Тактики	Тактики
– обращение к фактам (научные данные, статистика) – обращение к авторитету (известные люди, цитаты) – обращение к здравому смыслу – аналогия (факты двух разных областей) – сравнение (факты одной области)	– обращение к ценностям, к морали – использование стилистических средств выразительности – использование эмоционально и стилистически окрашенной лексики

Рассмотрим рекламные афиши, в которых используется стратегия обращения к разуму.

Рис. 1

1. На афише, посвященной дорожной безопасности, изображен говорящий по телефону водитель без головы. Создатели рекламы наглядно показывают, что при использовании телефона за рулем, водитель полностью отвлекается от дороги. Текст рекламы состоит из трех блоков, которые реализуют различные тактики. Первый блок *«Téléphoner au volant c'est être ailleurs que sur la route»* (Говорить по телефону за рулем – это быть где угодно, но не на дороге) – апеллирует к здравому смыслу собеседника; второй – *«Téléphoner en conduisant multiplie par 5 les risques d'accident»* (Использование телефона за рулем в пять раз увеличивает риск аварии) – к статистическим данным, призванным проиллюстрировать серьезность проблемы; третий – *«Sécurité routière Tous responsables»* (Безопасность на дороге, ответственность каждого) – к гражданским ценностям потребителя.

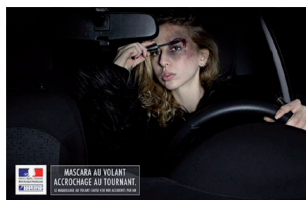

Рис. 2

2. На данной афише мы видим девушку, которая занята макияжем вместо того, чтобы следить за дорогой. Лицо ее обезображено следами от аварии. Картинка, вызывающая негативные эмоции, сопровождается слоганом, структурно имитирующим пословицу или поговорку и легко воспринимающимся адресатом сообщения: *«Mascara au volant, accrochage au tournant»* (Тушь за рулем, авария за поворотом) – (синтаксический параллелизм при отсутствии предиката и рифмовка конечных слов). Слово *accrochage* коннотировано негативно, как и слово *accident* в статистике под слоганом: *«Le maquillage au volant cause 450 000 accidents par an»* (Макияж за рулем является причиной 450 тыс. аварий в год). Авторы прибегают, как и в предыдущем примере, к статистическим данным, чтобы аргументировать необходимость контроля своего поведения за рулем.

Рис. 3

блогера и число тех, кто помогает Красному Кресту. Данный прием, а также противопоставление глагольной конструкции *faire marrer* и глагола *secourir* заставляют задуматься о ценностях общества, апеллируя к здравому смыслу. Ниже на афише расположен слоган «*Donnez aussi votre like à la Croix-Rouge*» (Поставьте лайк и Красному Кресту). Слоган написан в повелительном наклонении от лица Нормана, и просьба становится более действенной. Использование изображения известного человека также является способом воздействия на адресата, так как медийные личности обладают потенциальным авторитетом, и аудитория склонна доверять их суждениям.

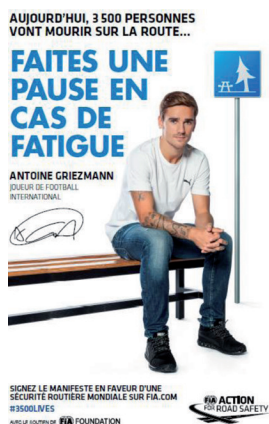

Рис. 4

3. На рекламной афише Красного Креста мы видим известного французского блогера Нормана, изображение которого сопровождается двумя противопоставленными друг другу (визуально и семантически) высказываниями от первого лица «*J'ai 2 900 000 fans en faisant marrer les gens*» (У меня есть 2 900 000 фанатов, потому что я смешу людей); «*la croix rouge seulement 260 000 en les secourant*» (а у Красного Креста, который спасает людей, всего 260 000 фанатов). Создатели рекламы снова выбирают в качестве рычага воздействия цифры, чтобы показать, насколько сильно разнится число фанатов блогера и число тех, кто помогает Красному Кресту. Данный прием, а также противопоставление глагольной конструкции *faire marrer* и глагола *secourir* заставляют задуматься о ценностях общества, апеллируя к здравому смыслу. Ниже на афише расположен слоган «*Donnez aussi votre like à la Croix-Rouge*» (Поставьте лайк и Красному Кресту). Слоган написан в повелительном наклонении от лица Нормана, и просьба становится более действенной. Использование изображения известного человека также является способом воздействия на адресата, так как медийные личности обладают потенциальным авторитетом, и аудитория склонна доверять их суждениям.

4. Еще одним примером использования изображения известного человека в рекламе является афиша, призывающая не садиться за руль уставшим. Здесь мы видим известного французского футболиста Антуана Гризмана, сидящего на остановке под дорожным знаком, который обозначает «место для отдыха». В самом верху афиши расположена надпись «*Aujourd'hui, 3 500 personnes vont mourir sur la route*» (Сегодня на дороге умрет 3 500 человек). В данной фразе в качестве грамматического времени используется *futur immédiat* для того, чтобы подчеркнуть неизбежность того, что произойдет в скором

будущем. Продолжение фразы звучит в повелительном наклонении: **«Faites une pause en cas de fatigue»** (Сделайте паузу, если устали). Использование повелительного наклонения способствует реализации основной цели социальной рекламы – воздействие на адресата с целью изменения модели поведения.

Рис. 5

Рассмотрим примеры афиш, в которых авторы используют стратегию обращения к эмоциям человека.

5. На данной афише изображена велосипедистка, сбитая машиной. Надпись на афише гласит: **«Vous direz à sa famille que vous deviez absolument lire ce mail»** (Вы скажете ее семье, что вам обязательно надо было прочесть то электронное письмо), а значит, причиной аварии стало использование мобильного телефона за рулем. Наиболее действенным элементом в данном примере является использование местоимения *vous*. Таким образом потенциальный адресат ассоциирует себя с виновником аварии. Кроме того, надпись апеллирует к вечным ценностям, о чем свидетельствует использование лексемы *«famille»* (у читателя сразу возникает образ убитой горем семьи). Тем абсурднее и нелепее представляется причина смерти девушки – *lire un mail*, усиленного ироничным *absolument*. Кроме того, на данной афише присутствует еще одна надпись **«Sur la route, le téléphone peut tuer»** (на дороге телефон может убить). С помощью стилистического приема персонификации, создатели рекламы апеллируют еще к одной эмоции – к страху за свою жизнь и за жизнь другого человека, что также является стратегией воздействия.

6. На данной рекламной афише, посвященной нерациональному использованию продуктов питания, авторы изобразили немного испортившуюся грушу в пятнах. С помощью приема персонификации, создатели рекламы наделили фрукт чертами человека: груша имеет глаза, рот, ноги, а также голос: **«Je ne suis pas une star de la pub, mais j'ai le même goût»** (Я не звезда рекламы, но у меня такой же вкус). Прибегая к стилистическому приему оппозиции, авторы воздействуют на

Рис. 6

адресата, пытаясь убедить его, что даже не самые привлекательные

фрукты могут быть вкусными, вызывая при этом у адресата чувство вины, стыд и сочувствие. Испытав такие эмоции, человек, вероятно, постарается изменить свои привычки, что, в свою очередь, приведет к более рациональному использованию пищевых продуктов, что и является главной целью данной рекламы.

Проанализировав различные примеры афиш социальной рекламы, можно сделать вывод о том, что главной целью любой социальной рекламы является изменение поведения и привычек человека для того, чтобы совместными усилиями сделать общество лучше. Для достижения данной цели используются различные стратегии и тактики. В качестве основных стратегий нами были выделены стратегия обращения к разуму и стратегия обращения к эмоциям, которые в свою очередь реализуются с помощью различных тактик. Однако ввиду того, что одна рекламная афиша может сочетать в себе обе стратегии, мы согласимся с мнением А. Н. Назайкина, что «деление рекламы на использующую рациональные или эмоциональные стратегии искусственно и условно, так как практически все объявления сочетают в себе признаки рациональной и эмоциональной рекламы» [Назайкин 2008, с. 50]. Таким образом, главной особенностью социальной рекламы является одновременное использование различных стратегий для максимальной эффективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Быкова О. А. Прагмалингвистическая характеристика полилога в интернет-дискурсе: на материале франкоязычных социальных сетей: дис. ... канд. наук. М.: 2017. [Bykova, O. A. (2017). *Pragmalingvisticheskaya harakteristika poliloga v internet-diskurse: na materiale frankoyazychnyh social'nyh setej* (*Pragmalinguistic characteristics of polylogue in Internet discourse: based on the material of French-language social networks*): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)]
- Ермолаев В. К. Persuader / Convaincre (Persuading / Convincing) – проблема терминологического различения двух видов речевого воздействия // РАЦИО.ru 2011. № 5. С. 49–66. [Ermolaev, V. K. (2011). *Persuader / Convaincre (Persuading / Convincing) – the problem of terminological distinction between two types of speech influence. RACIO.ru, № 5, 49–66* (In Russ.)].
- Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению (специальности) «Связи с общественностью». М.: Флинта : Наука, 2009. [Issers, O. S. (2009). *Rechevoe vozdejstvie (Speech influence)*. Moscow: Flinta. (In Russ.)].

- Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику. М.: ФЛИНТА : Наука, 2007. [Maslova, A. YU. (2007). Vvedenie v pragmalingvistiku (*Introduction to pragmalinguistics*). Moscow: Nauka (In Russ.)].
- Назайкин А. Н. Рекламный текст в современных СМИ: практическое пособие. М.: Эксмо, 2007. [Nazajkin, A. N. (2007). Reklamnyj tekst v sovremennyh SMI (*Advertising text in modern media*). Moscow: Eksmo. (In Russ.)].
- Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Связи с общественностью» и «Реклама». М.: Аспект Пресс, 2008. 182 с. [Nikolajshvili, G. G. (2008). Social'naya reklama: teoriya i praktika (*Social advertising: theory and practice*). Moscow: Aspekt Press (In Russ.)].
- Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003. [Tret'yakova, V. S. (2003). Rechevoj konflikt i garmonizaciya obshcheniya (*Speech conflict and communication harmonization*): abstract of PhD in Philology. Ekaterinburg. (In Russ.)].
- Perelman, Ch., Olbrechts-Tyteca, L. The New Rhetoric: a Treatise on Argumentation. University of Notre Dame Press. Notre Dame, 1969.

УДК 811'272: 134.4

А. А. Евдокимова, Е. А. Гринина

Евдокимова А. А., кандидат филол. наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: ana.evdokimova@gmail.com

Гринина Е. А., кандидат филол. наук, доцент,
доцент кафедры испанского языка Московского государственного Института международных отношений (У) МИД России;
e-mail: eagrinnina@yandex.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГАЛИСИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТАТИСТИКИ

Одним из основных видов социолингвистических исследований являются опросы общественного мнения. Институт Статистики Галисии, созданный в 1988 г., собирает статистические данные, необходимые для оценки языковой ситуации в Галисии. Анализ этих данных показывает, что более 80 % населения Автономии хорошо или достаточно хорошо владеют галисийским языком, и что они не просто владеют, но и пользуются им в повседневной жизни. Собранный материал представлен в виде таблиц, которые наглядно отображают динамику и тенденции использования галисийского языка в устной речи и на письме, в разных коммуникативных сферах, среди разных возрастных групп. Статистические данные наглядно отражают, как меняется социолингвистическая ситуация в Галисии за последние сорок лет.

Ключевые слова: социолингвистика; нормализация; галисийский язык; билингвизм; статистические опросы.

A. A. Evdokimova, E. A. Grinina

Evdokimova A. A., Associate professor of Linguistics and Professional Communications Department, Moscow State Linguistic University;
e-mail: ana.evdokimova@gmail.com

Grinina E. A., Associate professor of Spanish Language Department MGIMO (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: eagrinnina@yandex.ru

SOCIOLINGUISTIC SITUATION IN GALICIA THROUGH THE PRISM OF STATISTICS

The article is devoted to the analysis of the sociolinguistic situation in one of the Autonomous regions of Spain – Galicia. The Institute of Statistics of Galicia, established in 1988, compiles objective statistic data necessary for assessing the

language situation in the Autonomy. The analysis of these data shows that more than 80% of the autonomy population is good or sufficiently fluent at the Galician language and it is not just passive knowledge of the language this knowledge is applicable in everyday life. The collected material, presented in the form of tables illustrates the dynamics and trends in the use of the Galician language in speech and writing, in various communicative spheres, among different age groups. The statistics clearly reflect how the sociolinguistic situation in Galicia has changed over the past forty years.

Key words: sociolinguistics; Galician language; bilingualism; public opinion polls.

Введение

Социолингвистика широко использует данные социологических исследований, поскольку заимствует из социологии методы исследования, одним из которых, причем одним из самых действенных, признается опрос общественного мнения. Данный метод вряд ли можно было бы назвать самым достоверным, тем не менее, он дает вполне реальную картину, сложившуюся в конкретном регионе, интересующую того или иного исследователя. Однако всегда ли статистика отражает объективную реальность? Возможна ли субъективная интерпретация статистических данных? Позволяет ли статистика правильно уловить наметившиеся тенденции в том или ином обществе?

Целью данной статьи – показать на примере Галисийской Автономии Испании, как с помощью статистических данных описывается социолингвистическая ситуация в современной Галисии и соответствует ли она истинному положению дел.

Благополучная статистика

Бурное развитие статистической отрасли в Галисии началось с 1988 г., до этого в этой автономной области был принят Закон «О статистике» [Ley 9 / 1988], а затем при Правительстве Галисии (Xunta de Galicia) был создан Институт Статистики Галисии (O Instituto Galego de Estatística – IGE). Автономный характер деятельности этой организации подчеркивался изначально, поскольку местные власти были заинтересованы получить объективные данные, не только отражающие состояние экономики в регионе, но и показывающие динамику развития социолингвистической ситуации, которая в силу наличия и использования двух языков на одной территории была далеко не однозначной. Галисийские лингвисты описывали сложившуюся на

тот момент ситуацию как диглоссию [García Sendón, Monteagudo 1983, с. 85], при этом 85 % населения умели писать только на испанском (кастильском), который, будучи государственным языком, преподавался в школе. Монолингвами, владеющими только галисийским языком, на тот период являлась очень небольшая группа пожилого населения (старше 70 лет), проживающая в деревнях. Поскольку главной целью в рамках языковой политики, проводимой Правительством Галисии, была нормализация галисийского языка, необходимы были инструменты, которые бы фиксировали, как протекает этот процесс – задача, с которой легко могла справиться статистика. Нельзя не сказать, что Институт Статистики Галисии взял на вооружение самые передовые разработки в области информатики и проведения статистических исследований, а с 2011 г. он пользуется исключительно европейскими методологическими стандартами. Сначала всесторонние статистические опросы проводились каждые четыре года, затем каждые пять лет. Вся база данных выкладывается на портале Института. На сегодняшний день деятельность этой организации регулируется Статутом, который был принят в 2016 г. [Decreto 60 / 2016].

Данные статистических отчетов действительно красноречиво показывают успешность процесса нормализации галисийского языка [Евдокимова, Гринина 2018, с. 85–87]. За 10 лет цифры резко пошли вверх и в 2001 г. составили следующие цифры (см. табл. 1).

Таблица 1

Общая картина владения галисийским языком на 2001 г.

говорят на галисийском языке	91%
понимают галисийский язык	99%
читают на галисийском языке	68%
пишут на галисийском языке	58%

Из анализа общей картины владения галисийским языком, полученной в результате обработки статистических данных, представленных Институт Статистики Галисии, возникают следующие вопросы. Как осуществляется процесс нормализации галисийского языка? Насколько галисийский язык употребителен дома, на улице, на работе, в средствах массовой информации? (см. табл. 2).

Таблица 2

**Соотношение использования испанского (кастильского)
и галисийского языков в Галисии**

	2003	2008	2013	2018
всегда используют галисийский	42,9 %	29,9 %	30,8 %	30,3 %
предпочитают галисийский	18,2 %	26,4 %	20,0 %	21,6 %
предпочитают испанский (кастильский)	18,7 %	22,5 %	22,0 %	23,1 %
всегда используют испанский (кастильский)	19,6 %	20 %	25,9 %	24,2 %

Анализ таблицы 2 приводит нас к очень интересным выводам. Если в 2003 г. более 40 % (42,9 %) населения Галисии постоянно пользовались галисийским языком, то уже к 2013 г. эта цифра сократилась до 30,8 %. Однако число тех, кто говорит только на испанском (кастильском), увеличилось незначительно: с 19,6 % в 2003 г. до 24,2 % в 2018 г. Соотношение использования испанского (кастильского) и галисийского языков в Галисии показывает, что интерес жителей Галисии постепенно смещается в сторону испанского (кастильского) языка [IGE]. Оказывается, почти половина населения (42,55 %) использует оба языка, и испанский (кастильский), и галисийский. Многие галисийцы свободно переходят с одного языка на другой. Иногда это зависит от окружения, иногда от настроения. Билингвизм в автономии стал детерминирующим явлением [Евдокимова 2019, с. 138].

Таблица 3

Место изучения галисийского языка

	дома / в семье	в школе
все население Автономии	82,7 %	17,3 %
моложе 30 лет	13,48 %	86,52 %

Анализ таблицы 3 показывает, что подавляющее большинство населения освоило галисийский язык в семье, и только молодежь изучает галисийский в школе. Такие результаты свидетельствуют о вполне успешной языковой политике властей Автономии.

Изучение других данных Института Статистики Галисии позволяет сделать вывод, что галисийский язык предпочтителен для

общения в семье (53,28 %), тогда как 46,72 % общаются дома на испанском (кастильском); на работе испанскому (кастильскому) языку отдается предпочтение (51,63 %). В сфере медицины и образования в Галисии предпочитают говорить на испанском (кастильском) 35,45 % и 34,24 % респондентов соответственно. Телевидение на галисийском языке смотрят лишь 20 % граждан, газеты читают 40 %, радио слушают 15,8 %, а Интернетом пользуются 26 %. В свое свободное время при общении с друзьями галисийский язык используют лишь 33,10 %. Что касается использования галисийского языка в разных возрастных категориях, то если сравнить статистические данные, показывающие употребление галисийского языка в домашней обстановке (53,28 %), можно увидеть, что в целом эти цифры соответствуют средним значениям употребления галисийского языка всеми категориями населения (51,5 %).

Вывод, который можно сделать, опираясь на цифры, выведенные в статистических исследованиях Института Статистики Галисии, очевиден: около 40 % населения Галисии постоянно говорят на родном языке, а остальные пользуются галисийским или испанским (кастильским) в зависимости от ситуации.

Таким образом, статистические данные говорят об успешности нормализационных процессов, подтверждая точку зрения галисийских лингвистов, называющих галисийский язык «мажоритарным в Галисии» [Freixero Mato 2009, с. 17; Monteagudo Romero 2010, с. 9].

Неутешительная реальность

Положительная динамика, которая наблюдалась Галисии в течение тридцатилетнего курса на демократизацию общества [Гринина 2014, с. 44–46], исчезла, как только в школьную программу были внесены поправки, изменившие соотношение часов в пользу испанского (кастильского) языка. С 2010 г. правительство Автономии под руководством Альберто Нуньеса Фейхоо решило отказаться от программы бывшего лидера Галисии Мануэля Фраги, которая предусматривала использовать галисийский в качестве языка обучения, отводя ему большее количество часов в школьной программе, и резко сократило количество предметов, обучение по которым велось на галисийском. В результате, согласно данным Галисийского Института статистики, количество детей, **не говорящих** на галисийском выросло с 29,59 % (2008) до 44,13 % (2018). Школьные учителя бьют тревогу, видя, как

дети, воспитанные в семье, говорящей на галисийском, теряют родной язык через две недели пребывания в школе [Vizoso 2019a]. Вывод, который напрашивается, неутешителен: по сути, нынешнее «Правительство Галисии фактически ведет тайную войну против галисийского языка» [Евдокимова, 2013, с. 70]. Тем не менее руководство Галисии в лице Нуньеса Фейхоо не считает, что региону необходимы изменения, поскольку, по его мнению, языковых проблем там нет [El País 2019].

Недовольство проявляет также Совет Европы, который считает, что Испания нарушает обязательства по сохранению языкового богатства своей страны, принятые на себя с подписанием 5 ноября 1992 г. и ратификацией 9 апреля 2001 г. «Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств». В частности, Совет Европы отмечает негативную тенденцию в связи с проведением неграмотной лингвистической политики в Галисии, которая может привести к сокращению использования этого регионального языка [Vizoso 2019b]. Однако документы, которые предлагает Совет Европы, не являются обязательными для исполнения, и, по мнению известного отечественного лингвиста А. М. Марусенко, «требования учета региональных и миноритарных языков при формировании европейской политики, которые Европарламент и Комитет регионов постоянно ставят перед Еврокомиссией, не приводят ни к каким результатам» [Марусенко, 2014, с. 62].

В свете сказанного, перспективы дальнейшего распространения галисийского языка представляются совсем не радужными. Несомненно, молодое поколение овладевает в школах и университетах государственным испанским (кастильским) и галисийским языками, но престижность галисийского языка падает. Данное явление, по-видимому, связано с общей социально-политической ситуацией. Молодые люди не всегда связывают свое будущее с Автономией. Процесс глобализации, вероятно, глубоко затронул галисийское общество. Именно ситуация, сложившаяся в школе, при которой может нарушиться естественная передача языка от поколения к поколению, беспокоит галисийских лингвистов больше всего. По мнению известного галисийского филолога Энрике Монтеагудо, одного из руководителей Академии галисийского языка, галисийский язык проходит как песок сквозь пальцы, потому что не проводится необходимая языковая политика для его поддержания [Vizoso 2019a]. Создание равных условий

для испанского (кастильского) и галисийского языков в школе на практике привело к явному перекосу в сторону испанского (кастильского) как языка более востребованного в обществе.

Заключение

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть следующее. Данные статистических опросов подтверждают, что сегодня участниками социолингвистической ситуации в Галисии являются два языка – испанский (кастильский) и галисийский, но при этом количество постоянно говорящих на испанском (кастильском) постепенно растет. Галисия на протяжении нескольких веков вела борьбу за право использовать свой родной язык в разных сферах общения, при этом в годы франкизма эта борьба была особенно ожесточенной. Наконец, галисийский язык получает статус коофициального языка по Конституции 1978 г. Затем в течение тридцати лет позиции галисийского языка в регионе значительно укрепляются благодаря принятию целого ряда других законодательных актов, закрепляющих статус галисийского языка. Однако все достигнутые успехи могут оказаться перечеркнутыми лингвистической политикой последнего десятилетия, прежде всего, в сфере школьного образования, что ставит под угрозу будущее галисийского языка. Именно об этом говорят цифры статистических отчетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гринина Е. А. Situaciyn sociolingüística en Espaca: el pasado y el presente // Мир испанского языка: курс лекций по лингвострановедению / под ред. А. А. Горенко, Е. В. Крюковой. М.: МГИМО-У, 2014. С. 38–60. [Grinina E. A. (2014). Situación sociolingüística en Espaca: el pasado y el presente (Sociolinguistic situation in Spain: the past and the present). Mir ispanskogo yazika (*The world of the Spanish language: a course of lectures on linguistic and cultural studies*). pod red.(edited by) Gorenko A. A, Krukova E.V. (pp. 38–60). Moscow: MGIMO. (In Russ.)].
- Евдокимова А. А. Галисия: на пороге лингвистических войн //Ибероамериканские тетради. Вып.1. М. : МГИМО-У, 2013. С. 70–75. [Evdokimova, A. A. (2013). Galicia: na poroge lingvisticheskij voyn. (*Galicia: on the verge of linguistic wars*). *Iberoamerikanskije tetradi (Iberoamerican notebooks)*. Vip. 1 (release 1) (pp. 70–75). Moscow : MGIMO (In Russ.)].
- Евдокимова А. А. Нормализационные и кодификационные процессы в условиях двуязычия (на языковом материале иберийского ареала): дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. [Evdokimova A. A. (2019). Normalizatsionnie

y kodifikatsionnie protsesi v usloviyay dvouiazichia (na yazikovom materiale iberiyskogo areala (*Normalization and codification processes in bilingual conditions (based on the linguistic material of the Iberian area)*). Dissertatsia na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskij nauk (*Dissertation for the degree of candidate of philological sciences*): thesis of PHD Philology. Moscow. (In Russ.)).

Евдокимова А. А., Гринина Е. А. Региональные языки Испании: нормализация, нормативизация, кодификация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Вып. 2 (791). С. 77–88. [Evdokimova, A. A., Grinina, E. A. (2018). Regional languages of Spain: normalization, normatization, codification. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences*, 2 (791). (77–88). (In Russ.)].

Марусенко М. А. Языковая политика Европейского Союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты // Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. [Marusenko, V. A. (2014). *Yazikovaya politika Evropeiskogo Soyusa: institutsionniy, obrazovatelniy y ekonomicheskii aspekt (Language policy of the European Union: institutional, educational and economic aspects)*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russ.)].

Decreto 60 / 2016, de 26 de mayo, por el que se aprueba el Estatuto del organismo autónomo Instituto Gallego de Estadística (DOG de 8 de junio de 2016). URL: http://www.iustel.com/diario_del_derecho/noticia.asp?ref_iustel=1154222 (дата обращения: 30.01.2020) [Decreto 60 / 2016, de 26 de mayo, por el que se aprueba el Estatuto del organismo autónomo Instituto Gallego de Estadística (Decree 60 / 2016, of May 26, approving the Statute of the autonomous body Instituto Gallego de Estadística). URL: http://www.iustel.com/diario_del_derecho/noticia.asp?ref_iustel=1154222. (In Spanish)].

El País. ¿Está el castellano discriminado en España? 19.03.2019. https://el-pais.com/politica/2019/03/17/actualidad/1552847937_998977.html (дата обращения: 03.02.2020). [¿Está el castellano discriminado en España? El País (2019) (Is Castilian discriminated against in Spain? The country). URL: https://elpais.com/politica/2019/03/17/actualidad/1552847937_998977.html (In Spanish)].

Freixero, Mato X. R. Lingua de calidade. Vigo : Edicións Xerais de Galicia, 2009. 183 p. [Freixero, Mato, X. R. (2009). *Lingua de calidade (Quality language)*. Vigo : Edicións Xerais de Galicia. (In Galician)].

García Sendón M., Monteagudo, Romero E. La oficialidad del Gallego: Historia y actualidad / Revista de Lléngua i Dret. N 2, December 1983, p. 85–95. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=4046367> [García Sendón, M., Monteagudo Romero, E. (1983). La oficialidad del Gallego: Historia y

- actualidad (*The officiality of the Galician: History and present*). Revista de Llengua i Dret (Journal of Language and Law). URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=4046367> (In Spanish)].
- IGE – Instituto Galego de Estatística <https://www.ige.eu/>. (дата обращения: 30.01.2020). URL: <http://www.ige.eu/igebdt/esqv.jsp?ruta=verTabla.jsp?OP=1&B=1&M=&COD=2951&R=9912%5B12%5D;0%5Ball%5D&C=1%5Ball%5D;2%5Ball%5D&F=&S=&SCF> [IGE – Instituto Galego de Estatística (2020) (IGE – Galician Institute of Statistics). URL: <http://www.ige.eu/igebdt/esqv.jsp?ruta=verTabla.jsp?OP=1&B=1&M=&COD=2951&R=9912%5B12%5D;0%5Ball%5D&C=1%5Ball%5D;2%5Ball%5D&F=&S=&SCF> (In Galician)].
- Ley 9 / 1988, de 19 de julio, de Estadística de Galicia. URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/ga-l9-1988.html (дата обращения: 03.02.2020). [Ley 9/1988, de 19 de julio, de Estadística de Galicia. (1988). (Law 9/1988, of July 19, on Statistics of Galicia). URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/ga-l9-1988.html (In Spanish)].
- Monteagudo Romero, E. La lengua gallega: dilemas de futuro // Ciclo de conferencias 2010 “El espacio ibérico de las lenguas”. Madrid: Instituto Cervantes, 2010. P. 22. [Monteagudo Romero E. (2010). La lengua gallega: dilemas de futuro (*The Galician language: future dilemmas*). Ciclo de conferencias 2010 “El espacio ibérico de las lenguas” (2010 Conference Series “*The Iberian Language Space*”) (p. 22). Madrid: Instituto Cervantes. (In Spanish)].
- Vizoso, S.(a) Alerta lingüística en Galicia: los nicos y juvenes pierden el gallego. El País, 29.12.2019. URL: https://elpais.com/sociedad/2019/12/25/actualidad/1577298134_836789.html (дата обращения: 03.02.2020). [Vizoso S. (2019). Alerta lingüística en Galicia: los nicos y juvenes pierden el gallego (*Linguistic alert in Galicia: children and young people lose their Galician*). El País. URL: https://elpais.com/sociedad/2019/12/25/actualidad/1577298134_836789.html (In Spanish)].
- Vizoso, S.(b) El Consejo de Europa advierte del grave retroceso de la lengua gallega. El País, 17.12.2019. URL: https://elpais.com/sociedad/2019/12/13/actualidad/1576259923_731353.html (дата обращения: 03.02.2020). [Vizoso S. (2019) El Consejo de Europa advierte del grave retroceso de la lengua gallega (*The Council of Europe warns of the serious decline of the Galician language*). El País. URL: https://elpais.com/sociedad/2019/12/13/actualidad/1576259923_731353.html (In Spanish)].

С. Ю. Имбер

преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области права Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: yanaimber@yandex.ru

**ОЦЕНОЧНОСТЬ КОММЕНТАРИЕВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ:
НА ПРИМЕРЕ НОВОСТНОГО СООБЩЕСТВА SPIEGEL ONLINE
НА «FACEBOOK»**

Данная статья посвящена анализу комментариев пользователей в социальной сети как оценочных высказываний. Возрастающая роль общения людей в соцсетях, которое включает в себя как поддержание дружеских контактов, так и ведение дискуссий с другими пользователями на различные темы, определяет актуальность проблематики данной статьи. Обмен комментариями можно считать одной из форм интернет-коммуникации. В статье комментарии рассматриваются как оценочные высказывания, обладающие такими обязательными компонентами, как субъект, предмет, характер и основание оценки. На примере комментариев к новостной публикации автор не только выделяет вышеперечисленные составляющие, но и указывает на особенности, отличающие комментарии от других высказываний, содержащих оценку. Анализ комментариев пользователей выявил основные характеристики их речевого поведения при выражении оценки в социальных сетях, поддержании чужой точки зрения, защите своей позиции.

Ключевые слова: социальная сеть; комментарий; оценочные высказывания; субъект оценки; предмет оценки; характер оценки; основание оценки; эксплицитность; имплицитность.

S. Y. Imber

Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University;
e-mail: yanaimber@yandex.ru

**WEB COMMENTS AS EVALUATIVE STATEMENTS:
SPIEGEL ONLINE NEWS GROUP ON FACEBOOK**

The article analyzes the users' comments in the web as evaluative statements. The growing role of web communication, which involves both keeping in touch with friends and having discussions with other users, accounts for the necessity of studying it means. Web comments can be considered as one of the web communication's forms. The article explores comments as evaluations, which possess four essential elements: the subject, the object, the character (comparative or absolute), the basis of the

evaluation. It also points out a number of features, which distinguish web comments from other evaluative statements.

Key words: social network; comment; evaluative statement; subject of the evaluation; object of the evaluation; character of the evaluation; basis of the evaluation; explicitness; implicitness.

Введение

На сегодняшний день Интернет и социальные сети, в частности позволяют не только получать информацию и оставаться в контакте друг с другом, но и обмениваться мнениями по тому или иному вопросу. Различные сообщества в социальных сетях объединяют пользователей по профессии, возрасту, взглядам и интересам. Администратор группы публикует для всеобщего обсуждения ту информацию, которая может найти отклик у членов данного сообщества. Это позволяет участникам высказывать свою точку зрения, соглашаться или дискутировать с другими пользователями. Подобный обмен мнениями реализуется за счет написания комментариев не только непосредственно к публикации, но и к высказываниям членов сообщества. По своей тематике социальные сети предлагают пользователям огромное число групп, среди которых каждый может найти то, что будет коррелировать с его взглядами, целями и интересами. В исследовании мы остановились на информационном сообществе SPIEGEL ONLINE, представляющем в социальной сети «Facebook» сайт www.spiegel.de печатного журнала DER SPIEGEL.

Данная группа привлекла наше внимание благодаря своей популярности, обусловленной статусом знаменитого в немецкоязычном пространстве журнала DER SPIEGEL, о чем свидетельствует достаточно большое число подписчиков, а именно – 1 576 889 человек на момент написания этой статьи, что сопоставимо с количеством жителей Екатеринбурга. Цель сообщества – информирование участников о происшествиях в мире, что является своеобразным интернет-аналогом новостных телепередач. Именно новости являются для участников данного сообщества предметом обсуждения, дискуссии и критики. Под каждой публикацией всегда появляются от десяти до 10 тыс. и более комментариев. Такое сообщество предоставляет исследователю богатый материал для сбора информации, наблюдения и анализа.

Кто что обсуждает, критикует или поддерживает? Как это происходит? Что подвергается всеобщему порицанию или же получает

абсолютную поддержку? Что заставляет пользователей спорить или соглашаться? Изучая комментарии пользователей, мы хотели бы ответить не только на вышеупомянутые вопросы, но и проанализировать комментарии членов сообщества как оценочные высказывания с их неотъемлемыми компонентами.

К оценочным высказываниям, по А. А. Ивину, относятся высказывания, устанавливающие абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта, дающие ему оценку [Ивин 2001, с. 82]. При этом важно помнить, что существует огромное количество способов выражения оценки в высказываниях, в нашем случае – в комментариях, поэтому абсолютная или сравнительная оценки могут быть не выражены пользователями эксплицитно, а будут подразумеваться, что требует от других участников более вдумчивого и внимательного прочтения.

Комментарии как оценочные высказывания: субъект, предмет, характер и основание оценки

Для проведения более детального анализа оценочного компонента в комментариях следует рассмотреть четыре «части», так или иначе присутствующие в любом оценочном высказывании, а именно – субъект –лицо, дающее оценку, предмет – оцениваемый объект, характер – является ли оценка абсолютной или сравнительной, основание – точка зрения, позиция или довод, склоняющие субъект к выведению определенной оценки по отношению к предмету (поричание, одобрение или безразличие) [Ивин 2001, с. 84]. Отметим, что не все вышеперечисленные компоненты находят эксплицитное выражение в тексте, но при этом они являются обязательными условиями существования любого оценочного высказывания.

Рассмотрим каждый компонент оценочных высказываний применительно к нашему материалу.

В анализируемом материале субъектом оценки является участник группы SPIEGEL ONLINE в социальной сети «Facebook». Факт того, что каждый пользователь в социальных сетях может создавать свои собственные тексты, от подписи к фотографии до полноценного романа, ведет к свободе речевого поведения в Интернете в целом. Будет ли участник группы перед написанием комментария к публикации действительно вникать в проблему или просто прочитает комментарии других пользователей и на их основе составит свой – полностью

зависит от самого человека. Возможно огромное число предшествующих написанию оценочного высказывания сценариев, которые заслуживают отдельного исследования. Предметом оценки пользователей в нашем случае является высказывание политика, приведенное в новости FDP-Chef Lindner kritisiert Schülerdemos fürs Klima: „Eine Sache für Profis“ (<https://www.facebook.com/spiegelonline/posts/10157585147554869>) от 19.03. 2019 г., опубликованной в названной выше группе. В новостной публикации речь идет о высказывании Кристиана Линднера, немецкого политика и председателя Свободной демократической партии (СвДП), по поводу демонстраций школьников в поддержку окружающей среды. Необходимо отметить, что забастовки проходят по пятницам вместо занятий в школе. Лидер СвДП усомнился в пользе данных мероприятий и, назвав себя реалистом, заявил, что дети и подростки в силу возраста и уровня образования пока не способны видеть и понимать мировые взаимосвязи и реально оценивать технические и экономические возможности. По мнению господина Линднера, такие вопросы должны решаться профессионалами. Лидер СвДП рекомендует ученикам вместо демонстраций посещать школьные занятия и получать знания в разных областях.

При этом в новости приводится цитата из одного более раннего интервью Кристиана Линднера, в котором политик достаточно критически высказывался о своих школьных годах, которые он, по его словам, просто «отсидел».

Согласно А. А. Ивину, бывает очень тяжело установить объект моральных оценок, часто представляется практически невозможным понять, что оценивает человек – мнение, высказывание, чувства, характеристики или действия [Ивин 2015, с. 117]. Проводя исследование, мы столкнулись с подобной проблемой. Часть пользователей явно оценивала высказывание политика, критиковала или поддерживала его мнение, например: „Was für ein sinnloses, unpassendes Statement!“. Некоторые давали оценку поведению предыдущих подписчиков – „Hereinspaziert! ... Willkommen in diesem Zirkus. Sehen Sie eine Folge der Reihe „Es wurde zwar schon alles gesagt, nur noch nicht von jedem“. Также пользователи высказывали свою точку зрения именно о новостной публикации, оценивая в том числе работу редакции SPIEGEL ONLINE, например: „Auch wenn der Spiegel es mal wieder nicht lassen kann, durch tendenziöse Überschriften ... der Diskussion eine gewisse Richtung geben zu wollen“. В последующем анализе мы остановимся

на тех оценочных высказываниях, предметом которых является именно мнение политика. При этом мы привлекаем к анализу также комментарии, касающиеся поведения подписчиков и оценки работы редакции при условии их неординарности и потенциальной ценности для нашего исследования.

Следующим компонентом любого оценочного высказывания является характер оценки, а именно – выступает ли она в роли абсолютной или сравнительной. По мнению Е. М. Вольф, «абсолютная оценка оказывается более сложной по семантике, чем сравнительная» [Вольф 2002, с. 14–15], но, в свою очередь, она находит в естественном языке более лаконичное и простое выражение. Разберем данное явление на примере некоторых комментариев: „Ich finde die Schülerdemos richtig und wichtig!“, „Lindner hat doch völlig Recht ...“. В обоих высказываниях явно преобладает именно абсолютная оценка, она же позволяет пользователю четко и в то же время кратко выразить свое отношение к теме, часто даже не аргументируя его [Имбер 2019]. Именно по этой причине абсолютный характер оценки является главенствующим практически во всех комментариях. Углубленный поиск позволил нам обнаружить высказывания с эксплицитной сравнительной оценкой. По причине объемности комментария приведем только ту его часть, где наиболее очевидна сравнительная оценка: „... dass dem Thema kluge Köpfe, die sich bilden und das Problem angehen (können), mehr bringen, als wöchentliche Demos...“. Объем комментария и наличие в нем сравнений свидетельствует о том, что пользователь хотел аргументированно доказать свою точку зрения, можно даже утверждать, что он углубился в тему. Подобные комментарии встречаются достаточно редко, примеров сравнительной оценки заметно меньше, чем абсолютной.

В процессе анализа комментариев к данной публикации мы обнаружили несколько высказываний, в которых характер оценки не выражен эксплицитно, т. е. нет прилагательных или наречий в абсолютной или сравнительной степени или же союзов как, например, «чем». Проиллюстрируем данное явление на следующем примере: „Welcher Profi ist hier gemeint? Lindner? Нааааааа“. По мнению пользователя, написавшего данный комментарий, политик не является профессионалом, о чем говорит видоизмененное междометие наааааааа после двух как будто «уточняющих» вопросов. Господин Линднер, с точки

зрения комментирующего, не соответствует тем качествам, которыми должен обладать профессиональный политик. Пользователь сравнил политика с прототипным образом «профессионала», который соответствует нормам / стереотипам в его стране или обществе, что позволяет нам сделать вывод об имплицитно выраженной сравнительной оценке. Хотим также заметить, что объектом данного оценочного высказывания является не мнение политика относительно школьных демонстраций, а сама личность господина Линднера, из чего мы можем прийти к умозаключению о том, что пользователь обладает дополнительной информацией, касающейся главного героя новости, что стало причиной написания подобного рода комментария.

Заключительной и не менее важной «частью» любого оценочного высказывания является основание оценки, которое позволит нам найти ответы на следующие вопросы: Почему комментирующий так думает? Какие доводы склоняют его к такой оценке?

Как мы уже упоминали, абсолютная оценка является комплексной по своему содержанию, т. е., если пользователь утверждает, что демонстрации школьников – это хорошо, значит, в его сознании существует «шкала», по которой он соотносит эти события со стереотипами или нормами, принятыми в обществе [Вольф 2002, с. 14]. Данное явление связано с понятием «предзаданной» гипотезы устройства мира, которая находит свое выражение в языке любого человека [Болдырев 2016, с. 36]. Комментируя что-либо, пользователи выражают свое собственное мнение, в их высказывании отражается их картина мира, индивидуальное мировоззрение, но все это «преломлено через коллективные сведения о мире, уже “пропущенные” через язык» [Кубрякова 2009]. Здесь в комментариях проявляется социокультурный аспект оценки, которая всегда будет соотноситься с принятыми в данном обществе, стране представлениями об объекте, некими образцами, идеалами или стандартами, которые, в свою очередь, могут являться основанием оценочного высказывания [Ивин 2015, с. 119]. Например, следующий комментарий дает нам понять, что деятельность и качества политика, по мнению комментирующего, не соответствуют тем, которыми должен обладать настоящий знаток своего дела: „Eine Sache für Profis. Aber was hat Lindner damit denn zu tun?“. Кроме того, мы хотели бы заметить, что оценка в комментариях может основываться не только на стереотипах, принятых в стране

или социуме, но и на нормах в отдельной семье, возрастной группе и даже политической партии. Например, пользователи, поддерживающие точку зрения политика, относились к более старшей возрастной группе, что было видно по их профилю в социальной сети и по тому, с каким скептицизмом они высказывались относительно демонстраций: „Es werden keine Schüler und Lippenbekenntnisse sein, die das Klima retten, sondern...“; „Was hindert die Schüler daran, in ihrer Freizeit für das Klima zu demonstrieren“. На данных примерах мы также видим, что комментирующие явно не относят себя к группе школьников или подростков, даже специально дистанцируются от них. В то же время многие противники политика сразу обнаруживают свою принадлежность к вышеупомянутой группе: „Macht euren Job; dann machen wir unsere Hausaufgaben“. Основанием для написания подобного комментария является желание поддержать «своих» и высказать мнение всей группы в целом. Большинство из тех, кто не поддержал мнение политика, рассматривают ситуацию сквозь призму несколько иных политических взглядов или, возможно, поддерживают партию, противостоящую СвДП. Например: „Ihr Profis habt ja bisher mega gut geregelt. Hat die Lobby ihren Lieblingskasper wieder vorgeschickt“; „Ach so. Deswegen machen er und seine FDP einen großen Bogen um das Thema Umwelt- und Klimaschutz ... ☺“. Как было упомянуто выше, предметом оценки некоторых пользователей являлся сам господин Линднер, а не его высказывание. В данном случае основанием оценки мы можем считать личную неприязнь комментирующих к политике. Например: „Ich bin ja bisher etwas hin- und hergerissen. Aber wenn der Lindner dagegen ist, bin ich jetzt dafür“; „Warum höre ich nur immer Profit, wenn Lindner versucht “Profis” zu sagen“.

По мнению А. А. Ивина, именно чувство или ощущение являются основанием для большой группы оценок [Ивин 2015, с. 119]. Еще раз подчеркнем, что часто возникают проблемы с нахождением основания оценки и в некоторых случаях оказывается невозможным найти первопричину, побудившую пользователя написать тот или иной комментарий. Например, мы можем только предположить, что мотивом написания негативных комментариев является неприязнь к политику, которая, в свою очередь, могла возникнуть из-за неправильных или сомнительных шагов в его карьере или же по причине каких-либо личных качеств, которые вообще не связаны с его профессиональной деятельностью.

Заключение

Проведенное нами исследование показало, что комментарии пользователей являются полноценными оценочными высказываниями с наличием у них всех неотъемлемых «частей». В каждом комментарии мы можем предположительно определить субъект, объект, характер и основание оценки. Отдельно отметим трудности, возникающие при вычленении этих компонентов, так как многие из них не были представлены эксплицитно, что позволяет нам только строить предположения о том, что стоит за некоторыми из них.

В процессе анализа мы пришли к следующим выводам. Субъектом оценки является участник группы, пишущий комментарий. Объектом его оценки может быть высказывание лица, речь о котором идет в статье, личность того, чье мнение обсуждается, поведение других пользователей, подача материала в самой публикации. Говоря о характере оценки, в текстах комментариев представлены два ее вида – абсолютная и сравнительная. Именно эксплицитная абсолютная оценка преобладает во многих комментариях, за счет ее лаконичности и краткости. Эксплицитная сравнительная оценка представлена незначительно, так как она предполагает выражение развернутой и аргументированной мысли, что является нечастым явлением при написании комментариев. Имплиcitная сравнительная оценка присутствует во многих высказываниях, требуя от исследователя особенного внимания, так как она проявляет себя только при более детальном анализе.

Возраст, политические взгляды, индивидуальные воззрения могут являться потенциальными доводами, побудившими пользователя написать тот или иной комментарий. Именно основание оценки часто остается «за кулисами» при анализе оценочного высказывания.

Стоит выделить некоторые особенности речевого поведения пользователей, которые обнаружили при анализе: стремление к лаконичности; желание поддержать группу, к которой подписчик относит себя; свобода в выражении критики и мнений, основывающихся на личных предпочтениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV. 2016. С. 35–48. [Boldyrev, N. N. (2016). Yazyk i

- struktura soznaniya (*Language and the Structure of Cognition*). Kognitivnye issledovaniya yazyka Cognitive studies of language, XXIV. (pp. 35–48) (In Russ.)).
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. [Vol'f, E. M. (2002). Funkcional'naya semantika ocenki (*Functional Semantics of Evaluation*). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Ивин А. А. Логика: Элементарный курс: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2001. [Ivin, A.A. (2001). Logika: Elementarnyj kurs: Uchebnoe posobie (*Logic Elementary Course*). Moscow: Gardariki (In Russ.)].
- Ивин А. А. Логика оценок и нормы. Философские, методологические и прикладные аспекты: монография. М.: Проспект, 2016. 320 с. [Ivin, A. A. (2016). Logika ocenok i normy. Filosofskie, metodologicheskie i prikladnye aspekty (*Logic of Evaluation and Norm. Philosophical Methodological and Applied Aspects*): monografiya. Moscow: Prospekt (In Russ.)].
- Имбер С. Ю. Комментарии в социальной сети как гипертекст: на примере новостной группы SPIEGEL ONLINE на «Facebook» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (829). 2019. С. 21–34. [Imber, S. Yu. (2019). Kommentarii v social'noj seti kak gipertekst: na primere novostnoj grupy SPIEGEL ONLINE na «Facebook» (*Web Comments as Hypertext: SPIEGEL ONLINE News Group on Facebook*). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanicarian Sciences, 13 (829). (pp. 21–34) (In Russ.)].
- Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5–12. [Kubryakova, E. S. (2009). V poiskah sushchnosti yazyka (*In Search of the Essence of Language*). Voprosy kognitivnoj lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics, 1 (pp. 5–12) (In Russ.)].

УДК 81'42, 811.112.2

Е. В. Калашникова

преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области права Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: katarinotchka21@yandex.ru

ЛИНГВИСТИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ЛИНГВИСТОВ

Статья посвящена исследованию мультимодальных текстов. Рассматриваются работы немецких лингвистов, дается определение мультимодального текста. Проводится параллель между понятиями «код» и «модальность» как элементов кодирования и передачи информации. Сравниваются лингвистические и семиотические подходы к анализу мультимодального текста. Внимание уделяется становлению нового направления в зарубежной лингвистике – «лингвистике изображения».

Ключевые слова: мультимодальный текст; модальность; лингвистика изображения; вербальный, невербальный.

E. V. Kalashnikova

Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law,
Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University;
e-mail: katarinotchka21@yandex.ru

LINGUISTICS OF IMAGES IN STUDIES OF MODERN GERMAN LINGUISTS

The article is devoted to the study of multimodal texts. The studies of German linguists on this topic are considered, the definition of a multimodal text is given. A parallel is drawn between the concepts of “code” and “modality” as elements of coding and information transmission. A comparison of linguistic and semiotic approaches to the analysis of multimodal text is given. The article pays attention to a new direction in foreign linguistics – “linguistics of images”.

Key words: multimodal text; modality; image linguistics; verbal; non-verbal.

Введение

В современном мире прослеживается тенденция к изменению коммуникативного ландшафта, так как в существующей коммуникации наряду с вербальным текстом все большее значение приобретают невербальные компоненты, в частности изображение. Связано это изменение с социальными, экономическими, культурными

и техническими факторами. В век информационных технологий меняется формат общения, существует огромное количество технических средств, оказывающих влияние на изменение коммуникации, например, цифровые камеры, мобильные телефоны с функцией фотографии, доступ в Интернет. Быстрое техническое развитие в XX в. (развитие киноискусства, фотографии, телевидения, компьютеров) способствовало тому, что изображению стало уделяться все большее внимание. Вскоре оно стало неотъемлемой частью не только средств массовой информации, но и средств частной коммуникации. Но не только технические возможности являются причиной этих изменений. Социальные и коммуникативные потребности общества, являясь основными факторами влияния, привели к тому, что наряду с текстом изображение стало играть основную роль в понимании информации [Stöckl 2004, с. 9]. Современный социальный семиотик Г. Кресс подчеркивает, что стремительное развитие средств массовой информации порождает переизбыток информации. Для передачи и облегчения понимания этой информации стали использоваться графические средства, такие как шрифт, фон, иллюстрация, так как именно модальность изображения позволяет обрабатывать большие объемы информации более эффективно [Kress 2001, с. 57].

В процесс коммуникации все больше и больше входит явление мультимодальности, а для современных лингвистов отдельно взятый вербальный текст все реже становится объектом исследования [Holly 2009, с. 389]. Изображение, а также другие единицы разных знаковых систем выступают как компоненты мультимодальной коммуникации, а так как они уже неотделимы от вербальных компонентов, то ученые включают их в лингвистический анализ.

Определение понятия «мультимодальный текст»

Исследования вербального компонента мультимодального текста имеют многовековую традицию, в то время как исследования в области невербальной части текста или изображения начали развиваться относительно недавно. Первый толчок к изучению текстов с точки зрения мультимодальной перспективы дали реклама, плакаты и тексты СМИ. Именно в них сосредоточено взаимодействие различных компонентов разных знаковых систем, таких как язык, изображение, звуковое сопровождение. Объектом исследования лингвистики изображения являются мультимодальные (поликодовые) тексты. Под

мультимодальным текстом понимаем тексты и коммуникативные действия, которые содержат различные знаковые системы (язык, изображение, звук), т. е. состоят из разных семиотических кодов. Г. Штекл дает следующее определение: «Мультимодальность – это сосуществование и взаимосвязь множества знаковых модальностей на разных уровнях (например, на уровне семантики) в мультимодальных текстах» [Diekmannshenke, Klemm, Stöckl 2011, с. 45].

При исследовании мультимодальных текстов под понятием «модальность» понимают термин из психологии, который подразумевает одно из основных свойств ощущений. Модальность описывает качественные характеристики когнитивных образов и обусловлена строением органов чувств и особенностями среды, которая воздействует на них [Rein, Schneider 1964]. К основным видам модальностей относятся аудиальная и визуальная модальность. Именно использование этих модальностей при восприятии и является основной характеристикой мультимодального текста. В когнитивной лингвистике под термином «модальность» понимается один из кодов информации, из которых состоит мультимодальный текст, поэтому при анализе мультимодального текста наряду с понятием «модальность» используется также термин «код», который указывает на наличие в тексте вербальных и невербальных компонентов, объединенных в одну структурную композицию.

В исследованиях немецких лингвистов мультимодальный текст обозначается терминами *Sprache-Bild-Text / Kommunikat* (Adamzik, Schneider), *Text-Bild-Kommunikat* (Holly), *Gesamtkommunikat / ein multimodaler Text* (Stöckl, Hennecke), *ein multimedialer Text* (Knapp), *ein semiotisch komplexer Text* (Hennecke). Все эти термины являются синонимами и подразумевают одно и то же понятие. Это еще раз подчеркивает то, что сегодня в лингвистике нет однозначного термина для данного многомерного явления. К. Кнаппа считает, что мультимодальный, или мультимедиаальный, текст является основой актуальной текстолингвистической и коммуникативно-научной дискуссии. В качестве примеров такого типа текстов он называет гипертексты и рекламные тексты. Мультимодальные тексты связывают различные знаковые системы и проявляются в СМИ. Новые средства информации, такие как Интернет, мобильный телефон, форумы, чаты постоянно создают новые формы текстов и обеспечивают тем самым непредвиденные возможности к глобальной коммуникации [Knapp 2004, с. 229]

Х. Лобин, директор института немецкого языка и профессор германской лингвистики, приводит следующее определение мультимодального текста и понятия мультимодальности: «Термин “мультимодальность” описывает наличие в одном тексте информации, которая выражена в знаковых системах разной модальности. Под модальностями в данном случае понимаются, прежде всего, разговорная речь, письменная речь, неподвижное изображение (фото, графика), подвижное изображение (видео) и аудиосоставляющая (музыка, звуки). Мультимодальность является основной характеристикой текста, следовательно, любой мультимодальный текст основан на этом явлении и исходя из этого каждая знаковая система отдельной модальности не должна рассматриваться изолированно для понимания того, какими функциями и каким значением обладает текст. Для его понимания важно принять во внимание совокупность всех модальностей» [Lobin 2018, с. 107–109].

По мнению Г. Ю. Бухера, под мультимодальностью понимается наличие коммуникативных действий различных семиотических средств на разных уровнях в пределах одной коммуникативной ситуации. Коммуникативные действия содержат в себе разные знаковые системы для понимания смысла той или иной ситуации. Все теории о мультимодальности сходятся в том, что мультимодальность не исторически возникшая форма проявления или выражения коммуникации, а основополагающее свойство всех форм коммуникации [Bucher 2011, с. 114].

А. Хеннеке опирается на мнение Г. Кресса и Т. ван Лиувена и рассматривает мультимодальные тексты как «семиотически полные тексты». По ее мнению, в мультимодальном тексте информация располагается в различных модальностях, таких как изображение, язык, музыка, типография. Разные семантические, формальные и функциональные отношения проявляются из связи между этими модальностями [Hennecke 2015, с. 207].

Мультимодальные тексты имеют следующие характеристики:

1. Вербальные, невербальные и другие знаки дополняют и обуславливают друг друга взаимно.
2. Каждая знаковая система задействована в формировании значения текста в равной мере.
3. Вербальные и невербальные части текста становятся ясны только благодаря пониманию всего текста [Hennecke 2015].

Мы придерживаемся термина «мультимодальный текст», как и многие зарубежные лингвисты, так как считаем, что при анализе такого типа текстов речь идет именно о наличии многих модальностей в рамках одной текстовой единицы, которые оказывают влияние на понимание текста в целом.

Лингвистический и семиотический подходы к анализу мультимодального текста

В связи с тем, что мультимодальные тексты содержат в себе различные знаковые системы, то почти все исследования таких текстов опираются на науку, исследующую все знаковые системы, а именно – на семиотику или семиологию. Именно она является научной дисциплиной о строении и функционировании различных знаковых систем, хранящих и передающих информацию.

А. Хеннеке под мультимодальными текстами понимает сосуществование и объединение элементов знаковых систем на разных уровнях. Мультимодальный текст должен обязательно рассматриваться и исследоваться только как единство изображения и текста, различаются лишь акценты, расставляемые исследователями, структуры и смыслов мультимодальных текстов. Для анализа вербальной части текста основное значение имеют базовые категории и критерии лингвистики текста. Лингвистика текста исследует вербальный текст как целостное образование, его категории и закономерности построения [Adamzik 2016]. Для лингвистического анализа основополагающими являются критерии текстуальности, такие как когезия и когерентность, т. е. структурная и содержательная связность. Такого рода анализ характерен больше для художественных текстов.

Термин «семиотика текста» (Textsemiotik) часто используется исследователями, занимающимися текстами средств массовой информации (Fix, Wellmann 2000; Antos 2001; Sandig 2006). Он однозначно не интерпретируется и, с точки зрения Е. Эккраммера и Г. Хельда, является неологизмом [Eckkrammer, Held 2006, с. 1]. Семиотика текста рассматривает всевозможные виды знаков, и так как вербальному тексту уделяется уже не основное внимание при исследовании мультимодального текста, то все большее значение лингвисты придают оформлению текста. Семиотическая перспектива имеет место во многих лингвистических работах этой области в последние годы [Fix 2002; Stöckl 2004].

Г. Штекл в своих работах о связи семиотики текста и науки о средствах массовой информации подробно описывает связь текста и изображения (Text-Bild-Theorie) [Stöckl 1997, 2005]. Опираясь на его работы, важным является высказывание о том, что обе науки должны взаимодействовать.

Семиотика текста включает в себя следующие существенные гипотезы:

1. Коммуникация больше не представляет собой только вербальный текст. Текст понимается как глобальный семиотический артефакт, чье значение организовано мультимодально, т. е. многократно кодировано.

2. Форма текста – это результат, цель и элемент коммуникативного действия. Как продуцент, так и реципиент принимают активную роль в этом процессе, действуют на основе семиотического знания и семиотической компетенции.

3. Подчеркивая культурную и социальную связанность текстов, одновременно делается акцент на их изменчивости, функциональности в различных ситуациях, а также на способности кода постоянно разрабатываться и расширяться.

4. В ориентированном на семиотику анализе текста речь идет об описании коммуникативного потенциала отдельных знаковых систем и об описании коммуникативной многозначности их взаимодействия.

5. При признании системной связи разных знаков и кодов, семантические, синтаксические и прагматические величины в тексте учитываются в равной степени. Когерентность текста может получиться на основе этого только в согласованности всех определяющих текст факторов. Все коды рассматриваются в равной мере как принципиально равноценные [Heppeske 2015].

Преимущество семиотического подхода к анализу текста состоит в его универсальности и применимости ко всем кодам, а не только к вербальному и визуальному.

Как и лингвистический подход к анализу мультимодального текста, так и семиотический не исключают друг друга, а оказывают друг на друга всестороннее влияние. Взаимное дополнение и взаимодействие этих двух подходов является для лингвистики дополнительным преимуществом. Языку по-прежнему отводится фундаментальное значение. Объяснение визуального кода, или кода изображения, возможно только благодаря языку. Язык есть и остается существенным

аналитическим инструментом в описании мультимодальных текстов. Он передает семиотические знания, которые так необходимы для понимания изображения и создает основу для нашей способности, развивать наглядные представления.

Становление «лингвистики изображения (Bildlinguistik)» как самостоятельной дисциплины

В связи с возрастающим интересом к интерпретации текстов, состоящих из нескольких знаковых систем – язык, изображение, звук, – возникала необходимость в выделении отдельной научной дисциплины для изучения и описания текстов такого вида. Этой дисциплиной стала лингвистика изображения (Bildlinguistik), целью которой является методологическое исследование мультимодальных текстов, с акцентом на исследование изображения и взаимодействия текста и изображения. В своих многочисленных статьях авторы пытаются применять лингвистические приемы, термины и методы к мультимодальным текстам.

Первые теоретические и эмпирические предпосылки для развития данной дисциплины восходят к двум лингвистическим дисциплинам, к лингвистике текста и стилистике, а также к семиотике текста, в которых в последнее время наблюдается всевозрастающий интерес к графическому компоненту вербальных текстов. Предмет и задачи лингвистики текста впервые обозначили в сборнике статей «Bildlinguistik. Theorien-Methoden-Fallbeispiele» («Лингвистика изображения. Теории–методы–примеры») в 2011 г. следующие авторы – Гайо Дикманншенке (Hajo Diekmannshenke), Михаэль Клемм (Michael Klemm), Гартмут Штекл (Hartmut Stöckl). Определение лингвистики изображения является своего рода метафорой: Речь идет не о том, чтобы воспринимать и признавать изображения в их различных вариантах как язык или как сам текст, а о том, чтобы исследовать объединение языка и изображения в средствах массовой коммуникации с помощью средств и методов, берущих свое начало в лингвистике. Нельзя понимать название этой дисциплины буквально, так как язык и изображение отличаются друг от друга по многим признакам и принципам действия. В связи с тем, что они являются абсолютно разными знаковыми системами структурно, семантически и прагматически, то они комбинируются в текстах и других коммуникативных проявлениях и дополняются силами изображения и выражения.

Авторы данного сборника приводят следующее определение этой дисциплины: «Лингвистика изображения рассматривает отношения между языком и изображением в мультимодальных текстах и использует лингвистические концепты, модели и методы для исследования изображения, включенного преимущественно в тексты массовой информации» [Klemm, Stöckl 2011].

Первые попытки исследования текста и изображения в рамках новой научной дисциплины исходили от Гартмута Штекля (2004), который подробно представил в своей монографии «Die Sprache im Bild- Das Bild in der Sprache» («Язык в изображении – Изображение в языке») актуальные области применения, стратегии и функции, а также типы языкового и графического взаимодействия. Тем не менее автор не употребляет термин «лингвистика изображения», однако его глубокий анализ языковых и графических тестовых структур побудил многих лингвистов и ученых в области средств массовой коммуникации к исследованиям отношений языка, изображения и звука. В своих более ранних работах Г. Штекл утверждал, что в век мультимедийных технологий существует два самых важных канала передачи информации – написанное слово и напечатанное изображение, при котором ранее однозначно доминирующая функция вербальной части текста стала отходить на второй план, в пользу все более усиливающегося использования изображения, тем самым изменяя наши привычки при восприятии информации. Этот «неструктурированный визуальный поток знаков» требует новых инструментов и методов, чтобы разобраться в специфике связанных между собой знаков различных кодов и прежде всего исследовать способ их связи и исходящие от них требования к реципиенту по восприятию информации. Одной из первоочередных целей исследования является исследование отношений текст – изображение» [Stöckl 1998, с. 75, 77]. Благодаря данной и последующим работам ученый подготовил соответствующие основы для межкультурного и контрастивного исследования языка и изображения в рамках одной научной дисциплины [Stöckl 2004].

Самой первой работой, в которой появляется термин «лингвистика изображения», является монография Гудрун Хельд (Gudrun Held), изданная в 2008 г. В ней автор рассматривает мультимодальные тексты с прагматической точки зрения, использует при этом примеры из рекламы, посвященной туризму, и делит мультимодальные текстовые структуры на формальные и семантические области. К формальным

аспектам относятся внутренняя структура текста и полиграфическое исполнение, в то время как образность, ремотивация наглядных формулировок, а также отношения языка и изображения относятся к семантическим аспектам. И хотя автор, в узком смысле, не дает определение понятию «лингвистика изображения» и не формулирует аналитических данных, она, тем не менее, обращает внимание на необходимость исследования мультимодальных текстов в заданном направлении и побуждает к дальнейшему развитию этой научной дисциплины [Held, Bendel 2008].

Доказательством стремительного развития лингвистики изображения с 2011 г. является еще одна работа немецкого лингвиста Ф. Гросе (Große), которая посвящена непосредственно этой дисциплине. Монография не описывает предмет, цели и требования лингвистики изображения, но детально разбирает многие популярные языковые и текстовые подходы и переносит их на комплексы изображений. Основным преимуществом этого исследования является пересмотр лингвистических явлений и их применение для подхода к мультимодальным текстам. Критерии текстuality и теория речевых актов начинают оказывать влияние на тексты, в которых соединены вербальные и невербальные компоненты. Ф. Гросе приводит теоретический, а также эмпирический лингвистический анализ изображения [Große 2011].

В связи с тем, что мультимодальные тексты в СМИ охватывают не только письменную речь и неподвижные изображения, как, например, в текстах прессы или на интернет-страницах, но и включают в себя динамические изображения, например в телепередачах, то лингвистика изображения позиционирует себя как часть мультимодальной лингвистики текста, уделяя больше внимания именно изображению, а также взаимосвязи изображения и вербального текста.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что с развитием современных технологий и методов коммуникации возникает потребность в новых научных исследованиях и открытиях. Наука подстраивается под изменения современного мира, и это влечет за собой развитие новых научных областей. Анализируя исследования в области взаимосвязи изображения и текста, вербального и невербального, ученые приходят к выводу о необходимости создания новой научной дисциплины, лингвистики

изображения. Так как центральным понятием этой новой научной области является понятие мультимодальности и мультимодального текста, лингвисты осознают необходимость в разработке новых методов исследования, применимых к текстам такого типа. В данной статье было дано определение мультимодального текста с точки зрения зарубежных лингвистов, и был сделан вывод, что исследователи сходятся во мнении о значении этого понятия, но используют разную терминологию. Также были проанализированы работы немецких лингвистов на предмет становления новой научной дисциплины – лингвистики изображения и ее взаимосвязь с другими науками, занимающимися анализом вербального и невербального текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Adamzik K.* Textlinguistik. Grundlagen, Kontroversen, Perspektiven. 2., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin ; Boston: De Gruyter, 2016. 407 s.
- Bucher H.-J.* Multimodales Verstehen und Rezeption als Interaktion. Theoretische und empirische Grundlagen einer systematischen Analyse der Multimodalität. In: Diekmannshenke et al.: Bildlinguistik. Theorien-Methoden-Fallbeispiele. Berlin, 2011. S. 114.
- Diekmannshenke H., Klemm M., Stöckl H.* Bildlinguistik. Theorien – Methoden – Fallbeispiele. Berlin: Erich Schmidt, 2011. 345 s.
- Eckkrammer E. M., Held G.* Textsemiotik – Plädoyer für eine erweiterte Konzeption der Textlinguistik zur Erfassung der multimedialen Textrealität. Eva Martha Eckkrammer, Gudrun Held (Hg.): Textsemiotik. Frankfurt a. M. u.a.: Lang, 2006. S. 1–10.
- Fix U.* Anschauliche Wörter? Wörter im Dienste der ‚Bildhaftigkeit‘, ‚Bildlichkeit‘, ‚Bildkräftigkeit‘, ‚Sinnlichkeit‘, ‚Lebendigkeit‘, ‚Gegenständlichkeit‘ von Texten. In: Barz, Irmhild / Fix, Ulla / Lerchner, Gotthard (eds.): Das Wort in Text und Wörterbuch. Stuttgart ; Leipzig, 2002. S. 9–22.
- Große F.* Bildlinguistik. Grundbegriffe und Methoden der linguistischen Bildanalyse in Text- und Diskursumgebungen. Frankfurt (M.), 2011. 280 s.
- Held G., Bendel S.* Werbung – grenzenlos. Multimodale Werbetexte im interkulturellen Vergleich. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. 244 s.
- Hennecke A.* Multimodale Texte und ihre Bedeutung für die Übersetzungspraxis. URL: <http://trans-kom.eu> 8 (1) (2015). S. 202–232.
- Holly W.* Der Wort-Bild-Reißverschluss. Über die performative Dynamik audiovisueller Transkriptivität. In: Linke, Angelika / Feilke, Helmuth (Hrsg.): Oberfläche und Performanz. Untersuchungen zur Sprache als dynamischer Gestalt. Tübingen, 2009. 389 s.

- Lobin H.* Digital und vernetzt. Das neue Bild der Sprache. J. B. Metzler, Stuttgart, Springer-Verlag GmbH Deutschland 2018. S. 107–109
- Klemm M., Stöckl H.* Bildlinguistik-Standortbestimmung, Überblick, Forschungs-desiderate. In: Diekmannshenke, Hajo / Klemm, Michael / Stöckl, Hartmut (Hg.): Bildlinguistik. Theorien-Methoden-Fallbeispiele. Berlin, 2011. S.7–18
- Knapp K.* Öffentlich kommunizieren. Einleitung. Karlfried Knapp, Gerd Antos, Michael Becker-Mrotzek, Arnulf Deppermann, Susanne Göpferich, Joachim Grabowski, Michael Klemm, Claudia Villiger (Hg.): Angewandte Linguistik. Ein Lehrbuch. 2. Aufl. Tübingen ; Basel: Francke, 2004. S. 229–232
- Kress G., T. van Leeuwen.* Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication. London: Arnold, 2001. 152 p.
- Rein H., Schneider M.* Einführung in die Physiologie des Menschen. 15. Auflage. Springer, Berlin, 1964. 790 s.
- Stöckl H.* Werbung in Wort und Bild. Textstil und Semiotik englisch-sprachiger Anzeigenwerbung. Frankfurt (M.), 1997. 428 s.
- Stöckl H.* Multimediale Diskurswelten zwischen Text und Bild. In: Kettemann, B. Stegu, M. Stöckl, H. (eds.), Mediendiskurse. Verbal-Workshop Graz 1996. Frankfurt am Main: Lang. 1998. S. 75, 77
- Stöckl H.* Die Sprache im Bild- Das Bild in der Sprache. Zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text. Konzepte – Theorien – Analysemethoden. Berlin ; New York: de Gruyter, 2004. 421 s.
- Stöckl H.* Anschauungsorientierung im Text – Zwischen Sprache und Bild. In: Fix, U. et al. (Hg.), Zwischen Lexikon und Text – Lexikalische, stilistische und textlinguistische Aspekte. Stuttgart ; Leipzig: S. Hirzel, 2005. S. 64–79.

УДК 811.13; 81.342

Е. А. Когалова

кандидат филологических наук;
доцент, кафедра фонетики и грамматики французского языка, факультета
французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: koelena05@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В КОНЦЕ XX ВЕКА: СЕГМЕНТНЫЙ УРОВЕНЬ (на материале французского языка)

Детальное изучение особенностей «молодежного языка» всегда интересно и обуславливаются тем фактом, что молодежь восприимчива ко всему новому, в том числе и к различным изменениям, происходящим в обществе на разных его уровнях.

Данная статья, представляющая собой перцептивный анализ экспериментального аутентичного материала, посвящена оценке ряда сегментных характеристик, свойственных молодежной речи (например, выпадение некоторых гласных и согласных звуков, оглушение согласных, отсутствие ряда связываний).

Ключевые слова: социолект; молодежная речь; разговорный стиль произношения; перцептивный анализ; сегментные характеристики; французский язык.

E. A. Kogalova

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of French Phonetics and Grammar, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: koelena05@mail.ru

FEATURES OF PRONUNCIATION OF YOUNG PEOPLE IN THE LATE TWENTIETH CENTURY: SEGMENT LEVEL (based on the material of the French Language)

A detailed study of the features of the «youth language» is always interesting and is conditioned by the fact that young people are receptive to everything new, including various changes taking place in society at different levels.

This article, based on a perceptual analysis of experimental authentic material, is devoted to evaluating a number of segmental characteristics characteristic of youth speech (for example, the loss of some vowels and consonants, the deafening of consonants, the absence of a number of bindings).

Key words: sociolect; youth language; the conversational style of pronunciation; the perceptive analysis; segmental features; the French language.

Введение

Язык развивается и меняется в зависимости от того, в какое время живет человек, в каком обществе. «Хороший французский» – это только одна из разновидностей французского языка [Gadet 1989], а «хорошее произношение» незаметно, в то время как «плохое произношение» может свидетельствовать о различных спецификах – национальных, географических, социальных [Martinet, Walter 1973].

Изменения на любых языковых уровнях подвергаются влиянию различных экстралингвистических факторов. Изучением черт и характеристик произношения говорящего той или иной социальной группы занимается социофонетика [Жеребило 2010]. По произносительным особенностям можно определить пол говорящего, его возраст, темперамент, происхождение, социальный статус. Произношение может изменяться также в зависимости от ситуации общения, мотива, цели, сферы деятельности, межличностных отношений говорящих.

Одним из социальных факторов, влияющим на произношение, является возраст говорящего, т. е. существуют определенные фонетические характеристики, свойственные именно данной возрастной категории. При этом определенные произносительные тенденции могут воздействовать на внутренние законы развития языка, способствуя их дальнейшему проникновению в другие произносительные стили и возрастные категории.

Основная часть

Дифференциация говорящих по возрасту является одним из важных критериев в социалингвистике, поскольку затрагивает вопросы о том, когда начинается приобретение социалингвистических норм, как это происходит от поколения к поколению, какие различия существуют между поколениями, как они влияют на языковые изменения, а также объясняет причины различий в употреблении тех или иных языковых средств у людей разного возраста [Moreau 1997]. Поэтому важны исследования лингвистических вариантов языкового употребления, характерных для определенной социальной группы, т. е. исследования различных социолектов – социокультурных портретов говорящих [Жеребило 2010].

Молодежный сленг – социолект людей в возрасте от одного до 22 лет. Фр. Гадэ предлагает не использовать термин «la langue jeune» (один молодежный язык), а говорить о «parlers jeunes» (разновидности

молодежной речи), что в большей степени сможет отразить языковые явления в данном социолекте на разных уровнях [Gadet URL].

Исследования молодежного языка проводятся с разных точек зрения: лексической, грамматической, фонетической [Luzzati, Luzzati 1987; Léon 1999; Lamizet 2004; Gadet 2007; Liogier 2009; Féral 2012].

Стиль произношения данного социолекта, характеризующийся совокупностью фонетических особенностей, можно отнести к разговорному, так как, с одной стороны, ему присуща нечеткая, «смазанная» артикуляция, что связано с быстрым темпом речи и законом наименьшего артикуляционного усилия, с другой – нерегулярным ритмом спонтанной речи [Léon 1968]. Эти два момента ведут к изменениям в системе вокализма и консонантизма [Luzzati, Luzzati 1987; Landick 2004; Blanche-Benveniste 2004; Liogier 2009].

Наиболее часто лингвистами отмечаются такие качественные изменения, как произношение [ɔ] и [œ] как [ə]: *momentané* [mэ-mā-ta-'ne]; *peureusement* [pэ-rэ-'zmā]; [o] как [ɔ] или [ə]: *curiosité* [ky-rjэ-zi-'te] – [ky-rjэ-zi-'te]; [õ], теряя качество носового, может редуцироваться в [ə]: *mon ami* [mэ-na-'mi] – [mэ-na-'mi].

Наблюдается гармонизация гласных, представляющая одну из черт разговорного языка: это касается [ɛ] и [e] (*était* [ɛ-'te], *aimé* [e-'me]), а также [a], [o], [ø] и [œ] в безударной позиции: *paillette* [pA-'jet]; *osait* [O-'ze]; *pommier* [pO-'mje]; *creusait* [krœ-'ze]; *peureuse* [pE-'rø:z]. Разговорный стиль произношения предполагает также исчезновение оппозиций [ɑ] и [a] – *pâte* [pat] и *patte* [pat]; [o] и [ɔ] – *côte* [kɔt] и *cotte* [kɔt]; [e] и [ɛ] в глагольных окончаниях – *je parlai* [зэ-par-'le] или [зэ-par-'le] и *je parlais* [зэ-par-'le] или [зэ-par-'le].

Влияние нерегулярного ритма проявляется в разнообразии ритмических групп, а быстрый темп разговорного стиля влечет за собой непроизнесение гласного и, как следствие, даже целого слога.

Самые распространенные случаи непроизнесения гласных встречаются в следующих ситуациях: [ə] беглое в группе двух согласных, а также в самых распространенных односложных словах – *r(e)v(e)nir*, *il t(e) dit*; в начале слова после смычной согласной – *d(e)mandez-lui* и даже в группе трех согласных – *avec l(e) directeur*; [a] в наиболее употребляемых словах – *p(a)pa*, *m(a)man*, *m(a)dame*, (*ça*); [ã] в слове (*en*)*fin*; [ɔ] в многосложных словах *co(o)ccupant*, *extra(o)rdinaire*; [œ] в *p(eu)t-être*; [ɛ] в начале слов – (*e*)*xactement*, в указательных

местоимениях *cet* и *cette* – *c(e)tte année*, в выражении *c'est*, в словосочетаниях *m(ais) enfin* и *m(ais) alors*; [ɔ̃] в односложных и многосложных наиболее часто встречающихся словах – *b(on)soir*, *m(on)amour*; [u] в безударном местоимении *vous*, в предлоге *pour*, в выражении *t(ou)t à fait*; [y] в местоимении *tu* как перед гласной, так и перед согласной – *t(u) as compris?*; *t(u) sais?*, [ɥ] в словах *p(u)is*, *p(u)isque*.

В системе согласных происходит ассимиляция чаще всего в местоимении *je* при выпадении [ə] беглого *j(e) (ne) sais pas* [ʃe-ˈpa], а также оглушение согласных [d], [g], [b] – *peu d(e) travail* [pøt-tra-ˈvaj], особый случай – ассимиляция при выпадении [ə] беглого в соседстве с носовыми согласными – *tout d(e) même* [tun-ˈmɛm], *lendemain* [lɑ̃n-ˈmɛ̃]. Разговорному языку характерно опущение конечных согласных [r], [l], [k], [t]: *une chamb(re)* [yn-ˈʃɑ:b], *aut(re) chose* [ot-ˈʃo:z], *prend(re) un café* [ˈprɑ-dɛ-ka-ˈfe], *adorab(le)* [a-dɔ-ˈrab], непронесение в интервокальной позиции *arabe* [a-ˈab], *alors* [a-ˈɔ:r], *télévision* [te-e-vi-ˈzjɔ̃], *maintenant* [mɛ̃-ˈnɑ̃] или [mɛ-ˈnɑ̃]; или в часто употребляемых словах и выражениях *pa(r)ce que* [pas-kə], *quelque chose* [kek-ˈʃo:z], *plus* [py]; *i(l) / ils* и *e(ll)e / elles*; *million* [mi-ˈjɔ̃], *milliard* [mi-ˈja:r], *milieu* [mi-ˈjø], *excuse* [ɛs-ˈkly:r], *excuse* [ɛs-ˈky:z].

К важному показателю относится явление «связывания» – разговорному стилю произношения типично отсутствие такого явления не только в случаях факультативного связывания (*je suis = allé* [ʃsqi-a-ˈle], *ça doit = être* [sa-dwa-ˈɛt]), но и обязательного, например в фиксированных словосочетаниях *de plus = en plus* [də-ply-ɑ̃-ˈply], *de haut = en bas* [də-o-ɑ̃-ˈba]. Часто отсутствие связывания можно объяснить тенденцией к экспрессивности, когда перед словом, требующим связывания, употребляется дополнительное ударение и, соответственно, делается пауза, а также тенденцией к краткости, когда отсутствие связывания помогает сэкономить время [Eychenne 2011].

Таким образом, разговорный стиль произношения характеризуется нечеткой артикуляцией, большим количеством выпадения гласных и согласных звуков, отсутствием связываний, что делает речь более лаконичной, быстрой, позволяет экономить время и артикуляционные силы. Проведенное фонетическое исследование позволило проанализировать наиболее часто встречающиеся на произносительном уровне явления, свойственные молодежному языку, с количественной точки зрения.

Фонетическое исследование экспериментальный корпус

Для выявления фонетических особенностей, присущих данному социуму конца XX века, был проведен перцептивный анализ речи молодых людей на материале французских молодежных телевизионных сериалов 1990-х гг.:

- «Элен и ребята» («Hélène et les Garçons» 1992–1994 гг.)
<https://www.youtube.com/watch?v=uAZ8S8Y3614>;
<https://www.youtube.com/watch?v=OMdFFz7FMl4>;
<https://www.youtube.com/watch?v=h3ygbE9SHcc>;
<https://www.youtube.com/watch?v=BXVbHNA1jck>;
<https://www.youtube.com/watch?v=AsYQfg6tl1s>
- «Первые поцелуи» («Premiers baisers» 1991–1995 гг.)
<https://www.youtube.com/watch?v=WBXy8YPjdI>;
<https://www.youtube.com/watch?v=tQAM9P6cu4E>
- «Грёзы любви» («Le miracle de l'amour» 1995–1996 гг.)
<https://www.youtube.com/watch?v=Npwg2K7riBE>;
https://www.youtube.com/watch?v=BkVWnn_sVOE;
<https://www.youtube.com/watch?v=C639lQ9tK9o>

Общее время звучания составило около 4 часов 22 минут.

Цель экспериментального исследования состояла в уточнении и анализе характеристик разговорного произносительного стиля на сегментном уровне в речи молодежи, основное внимание было сосредоточено на случаях выпадения гласных и согласных звуков и на явлении «связывания» и уточнении частотности данных особенностей.

Результаты исследования

Проанализированный материал позволил проследить статистику непроизнесения определенных звуков в речи молодежи данного временного периода. Было отмечено, что :

1. Выпадение [э] беглого происходит в достаточно большом количестве – в 59 % случаев (см. диаграмму 1) и затрагивает:

– отрицательную частицу *ne*, например: *vous n' nous chassez pas ? vous n' résistez pas ? mais je n' m' moque pas de toi*. В 88,9 % случаев происходит полное выпадение этой частицы: *tu connais pas, j' y crois pas vraiment, peut-être qu' il viendra pas, on vous a pas tout dit, j' ai rien mangé à midi, faut pas lui en vouloir, on va pas t' créer d' ennuis, mais ça prend pas des heures, t' inquiète pas*;

Диаграмма 1

[Ə] CADUC

– местоимение **ce**, например: *on sait c' que c'est, c' n'est pas grave, imagine que c' soit la blonde qui me choisisse, c' n'est pas vrai ils plaisantent, c' que j' trouve vraiment génial, c'est à c' moment-là qu'elle commence à réagir, y a aucune raison que c' soit toujours les garçons qui rappellent*, при этом в 57,9 % случаев непроизнесение [ə] беглого зафиксировано в обороте с(е) ne и в 39 % в обороте с(е) que;

– местоимение **se**, например: *pour ça il faudrait pouvoir s' payer, il s' met à chanter et il attend, elles s' sont amusées, on n'aura pas à s' disputer, elles s' moquent de nous, parc' que ça s' règle ces machins-là*, в ряде случаев была отмечена регрессивная ассимиляция (*on n'aura pas à s' disputer* [az-dis-py-te]);

– местоимение **je**, например: *moi, j' vous l' dis, j' crois qu' si on ne l' faisait pas, j' dois faire quoi ?, moi, j' suis comme ça, et si j' vous l' dis pas, j' vais chez lui, j' vais à la porte, j' gratouille, c'est toi que j' préfère*. В 58,9 % случаев происходит оглушение согласного звука [ʒ] под влиянием соседнего глухого согласного (регрессивная ассимиляция): *j' suis vraiment désolée, j' suis en retard, j' pourrais venir vous voir aussi puisque j' suis à la fac, j' t'avoue je m'attendais à pire, j' trouve ça très bien, j' te dis qu'elles viennent pas, mais j' préfère la France, j' crois qu' j' suis amoureuse*;

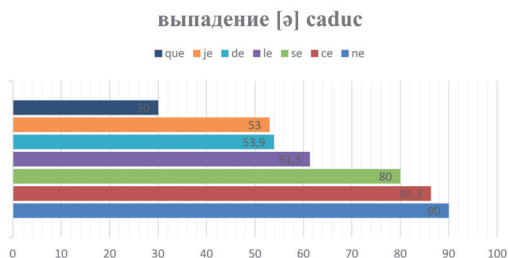
– предлог **de**, например: *à la fin d' l' année, rien d' plus important qu' la musique, nous avons compris qu' vous aviez besoin d' nous, qu' on essaie d' mettre au point une stratégie, c'est pas d' vot' faute*. В 20,5 % случаев происходит оглушение звука [d] – *ce s'ra un signe évident d' stupidité, c'est pas très gentil d' faire ça, il a peut-être été obligé d' sortir d'urgence, j'ai décidé d' prendre*. В ряде случаев происходит удвоение согласного звука [dd] или [tt] (из-за выпадения [ə] беглого), например: *qu' elle vient d' dire, il a mis plus d' deux ans pour s' la payer, tu leur a donné not' numéro d' téléphone, on a beaucoup d' travail mais c'est supportable*;

– артикль **le**, например: *moi, j'vous l'dis, j'crois qu'si on ne l'faisait pas, j'aurais pu l'dire moi-même, je vais chercher l'concierge, faut l'dire vite;*

– союз **que**, например: *c'est qu'ça existe vraiment, autant qu'tu nous brises l'cœur tout d'suite, il faut qu'je donne une bonne leçon, tu sais bien qu'tu peux compter sur nous.*

На диаграмме 2 показано произношение [ə] беглого в процентном соотношении к общему количеству случаев.

Диаграмма 2

Выпадение [ə] беглого наблюдается и в многосложных словах – *dev(e)nu, mad(e)moiselle, d(e)ssus, un p(e)tit peu, vach(e)ment, sûr(e)ment, maint(e)nant, r(e)trouver, normal(e)ment, final(e)ement, complèt(e)ment, personnell(e)ment, douc(e)ment, vous vous l(e)vez.*

2. В 31,3 % случаев не произносится гласная [y] в местоимении *tu*, в основном перед глаголами *avoir* и *être*, например: *t'as vu le prix, t'as bien vu qu'elle a pris une table avec deux chaises, t'es super mignonne! t'es complètement négatif*, но встречаются и случаи выпадения этой гласной перед другими словами – *qu'est-c'qu't'en penses, toi ? t'attends quelqu'un ? t'exagères;*

3. В большом процентном соотношении (89 %) происходит выпадение *il* в конструкции *il y a* и глагольном выражении *il faut*, например: *y a rien d'plus important qu'la musique, y a qu'un problème, y en avait au moins deux, y a aucune raison, y a moins d'notes à jouer, fallait bien qu'ça nous arrive un jour, faut pas lui en vouloir, faut que j'te dise quelque chose.*

4. Согласные [r] и [l] на конце и в середине слов при быстром темпе опускаются, например: *peut-êt'qu'il viendra pas, c'est pas d'vot'faute, elle va m'prend'pour un débile, comment s'appelle vot'groupe ? et vous vivez ensemb' ? c'est terrib' ! il a peut-êt'été obligé d'sortir d'urgence,*

je grimpais les arb', j'arrive à la fenê't de la cuisine; tu sais même pas à quoi ils ressemb';

5. Отсутствуют факультативные связывания в большинстве случаев между глаголом *être* и последующим глаголом, неопределенным артиклем, предлогом; отрицательной частицей *plus, pas* и последующим словом; союзом *mais* и последующим словом: *c'est # une super machine, mais # il était là, j'suis # en retard, c'est # à eux d'nous rapp'ler, je suis # allée quand même chez lui, c'est # un peu petit, c'est # un super guitariste, j'ai pas # écouté.*

Таким образом, анализ данных характеристик подтвердил их частотное употребления молодежной группой, соответственно, представляется логичным продолжить исследования сегментного уровня в речи молодежи следующего временного отрезка (начала XXI в.) для того, чтобы проследить и уточнить выявленные тенденции.

Заключение

Языковые отличия – это определенный способ построения идентичности, способ отражения уникальности разных социальных групп. Общение молодых людей регулируется принципом срочности, им необходимо быть быстрыми во всем, в том числе и в разговоре.

Языковые практики молодежи – фонетические, лексические, синтаксические – так или иначе «оставляют следы» в эволюции языка и, естественно, способствуют его развитию. Некоторые нововведения в конечном итоге принимаются и становятся общепринятыми, поэтому можно сказать, что молодежь является в некотором роде лингвистическими новаторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Жеребило Т. В.* Социолект // Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигримм, 2010. [Zhrebilo, T. V. (2010). *Sociolect (Sociolect) Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Nazran': Piligrimm. (In Russ.)].
- Жеребило Т. В.* Социофонетика // Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигримм, 2010. [Zhrebilo, T. V. (2010). *Sociofonetica (Sociophonetic) Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Nazran': Piligrimm. (In Russ.)].
- Blanche-Benveniste, C.* *Approches de la langue parlée en français*. Paris: Ophrys, 2004.
- Gadet, Fr.* *Le français ordinaire*. Paris: Colin, 1989.
- Gadet, Fr.* *La Variation sociale en français*. Nouvelle édition revue et augmentée. Paris: Ophrys, 2007.

- Gadet, F.* Youtube.com : сайт: Les parlers jeunes en Ile-de-France. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MGMftCIP5rg> (дата обращения: 12.05.2020).
- Eychenne, J.* La liaison en français et la théorie de l'optimalité // *Langue française*. 2011. n°169/1. P. 79–101.
- Landick, M.* Enquête sur la prononciation du français de référence: les voyelles et l'harmonie vocalique. Paris: L'Harmattan, 2004.
- Liogier, E.* La variation stylistique dans le langage d'adolescents de cité // *Langage et société*. 2009/2. n°128. P. 121–140.
- Léon, P.-R.* Aspects phonostylistiques des niveaux de langues // *Le Français dans le monde*. 1968. n°57. P. 68–71.
- Léon, P.-R.* Précis de phonostylistique: Parole et expressivité. Paris: Nathan Université, 1999.
- Martinet, A., Walter, H.* Dictionnaire de la prononciation française dans son usage réel. Paris: France expansion, 1973.
- Moreau, M.-L.* Sociolinguistique: les concepts de base. Liège: Mardaga, 1997.
- Luzzati F., Luzzati, D.* Oral et familier // *L'information Grammaticale*. 1987. n°34. P. 5–10.
- Féral, C. de.* «Parlers jeunes» : une utile invention ? // *Langage et société*. 2012/3. n°141. P. 21–46. URL: <https://www.cairn.info/revue-langage-et-societe-2012-3-page-21.htm> (дата обращения: 12.04.2020).
- Loumé, L.* Sciences et avenir: сайт. Parler vite sans articuler: une «manie» propre aux jeunes? URL: https://www.sciencesetavenir.fr/sante/cerveau-et-psy/parler-vite-sans-articuler-une-manie-propre-aux-jeunes_120437 (дата обращения: 08.06.2020).
- Lamizet, B.* Y a-t-il un «parler jeune» ? // *Cahiers de sociolinguistique*. 2004/1. n° 9. P. 75–98. URL: <https://www.cairn.info/revue-cahiers-de-sociolinguistique-2004-1-page-75.htm#> (дата обращения: 15.05.2020).

УДК 81.362

А. О. Манухина

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики
французского языка факультет французского языка
Московского государственного лингвистического университет;
e-mail: amanuhina@mail.ru

**СПЕЦИФИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
ЧЕРЕЗ СООТНОШЕНИЕ СТЕРЕОТИПНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО
(на материале старофранцузской песни «Seigneurs, sachiez...» (1239)
Тибо IV Шампанского)**

Статья посвящена анализу специфики оценочной структуры старофранцузского стихотворения Тибо IV Шампанского «Seigneurs, sachiez...», которое рассматривается в исследовании как образец средневекового поэтического дискурса. В работе анализируется ценностная составляющая произведения с учетом специфики текста XIII в., рассматриваются особенности субъективного восприятия действительности автором произведения и анализируется соотношение авторского оценочного восприятия и общепринятых этических стереотипов того времени.

Ключевые слова: средневековый дискурс; нравственные стереотипы Средневековья; оценочная картина мира; «кодекс чести» рыцаря.

А. О. Manuhina

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Phonetics and Grammar of the French language, Faculty of the French Language,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: amanuhina@mail.ru

**SPECIFICITY OF MEDIEVAL POETIC DISCOURSE THROUGH
THE RELATION OF THE STEREOTYPICAL AND INDIVIDUAL
(based on the Old French song «Seigneurs, sachiez...» (1239)
by Thibaut IV of Champagne)**

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the evaluative structure in the old French poem of Theobald IV of Champagne «Seigneurs, sachiez...», which is considered in the article as an example of the medieval poetic discourse. The value component is analyzed with a glance of the specificity of the text of the Middle Ages. The objective of the research is to analyze the evaluative perception of the author and the interaction of the author's evaluative perception of reality and common ethic stereotypes of that time.

Key words: the medieval discourse; moral stereotypes of the Middle Age; the evaluative picture of the world; the chivaleric code.

Введение

Исследование средневекового поэтического дискурса невозможно без детального анализа экстралингвистических, социокультурных и психологических факторов, присущих определенному народу в конкретном культурно-историческом пространстве. Поэтической дискурс в целом «представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [Карасик 2009, с. 326], а изучение стихотворного письменного наследия Европейского Средневековья требует исследования в событийном аспекте, в исторической и национальной специфике, с позиций человека той эпохи.

В средневековом поэтическом дискурсе эпохи Крестовых походов отражена внутренняя, духовная жизнь французского рыцарства XIII в.

Цель статьи – выявление своеобразия восприятия автором-крестоносцем современных ему событий Шестого крестового похода. Через степень соответствия / несоответствия личных авторских ценностных установок общепринятым стереотипам эпохи представляется возможным установить специфику оценочной структуры средневекового поэтического дискурса.

Материал нашей работы – старофранцузское стихотворение Тибо IV Шампанского (1201-1253) «*Seigneurs, sachiez...*», называемое также «*Chanson*» («Песнь»). Само стихотворение, согласно Бедье, представляет собой призыв к Крестовому походу (*excitation à la croisade*) [Bédier 1974, с. 173]. «*Seigneurs, sachiez...*» относят к жанру песен-проповедей Крестовых походов – особой группе историко-культурных памятников; в разных источниках они получили название *Chansons des Croisades* («Песни Крестовых походов») [Смолицкая 1984, с. 20], *Chanson d'outrée* (торжественная политическая песнь на крестовые походы) или *Chanson de marche des pèlerins* (походная песнь пилигримов-крестоносцев) [Bédier 1974, с. 32].

Тибо IV, граф Шампани и Бри, король Наварры, считался среди современников одним из образованнейших рыцарей эпохи: согласно легенде, именно он основал академии в городах Труа и Провен в Шампани. Его поэтическое наследие насчитывает более 500 текстов (за это Тибо получил поэтический титул «принц труверов»), среди них любовные песни, пастурели и «Песни Крестовых походов» [Бицили 1995, с. 93].

«Песни» занимают особое место в творчестве Тибо IV, так как он лично участвовал во многих войнах и Крестовых походах. Изучаемый текст был написан в эпоху Шестого крестового похода, в котором Тибо был одним из руководителей. Вероятно, произведение было создано в 1239 г., когда папа Григорий IX провозглашает новую экспедицию на Святую землю: в тексте нет прямых указаний на конкретное историческое событие, но из контекста сочинения можно понять, что Тибо сочинил «Песнь» во время подготовки к крестовому походу с целью привлечь рыцарей.

Такого рода стихотворения создавались согласно четко установленным правилам, что было естественно для эпохи Средневековья: каждое произведение должно соответствовать определенному уровню ожидания – в понимании средневекового человека чтение воспринималось как «постоянно возобновляемое проникновение и углубление в единый текст через множество его вариантов. Средневековый текст, таким образом, в норме не должен быть оригинальным и неожиданным [Челышева 1996, с. 128]». К подобному выводу приходит и Д. С. Лихачёв, говоря о формульном знаковом характере средневекового текста, который «характеризуется использованием привычных формул, сюжетов, мотивов, которые должны были создавать у слушателя / читателя определенный настрой, и подготавливали к восприятию произведения» [Лихачёв 1979, с. 120].

Согласно канонам риторики, идущим от Античности, два важнейших правила, *laudatio* («похвалу») и *vituperatio* («порицание»), должны обязательно присутствовать в любой проповеди [Челышева 1996; Ратледж 1998]. Песни-проповеди Крестовых походов, к которым относится и сочинение Тибо IV Шампанского, построены на основе бинарных оппозиций, что соответствовало идеологии крестоносного движения: те, кто отзывался на призыв, были достойны похвалы, а те, кто оставался в стороне, заслуживали порицания.

1. *Laudatio* как призыв к Крестовому походу

К середине XIII в. в западноевропейской рыцарской культуре полностью сформировалось оценочное отношение к Крестовым походам, основанное на христианских этических нормах. Под влиянием доктрины католической церкви освобождение Святой земли считалось священным деянием крестоносца, «высшим подвигом благочестия» [Dupront 1987, с. 120]. Отсюда назидательный тон в призыве к походу:

Qui a en soi pitié ne remembrance,
Au Haut Seigneur doit querre sa venjance

Et delivrer sa terre et son pais
[Bédier 1974, с. 168].

Кто имеет в себе жалость и
вспоминание
О Высоком Господине, должен
стремиться к отмщению за Него
И освободить Его землю и Его страну.

Категоричность суждения подчеркивается употреблением глагола *devoir* (*doit querre sa venjance* – «должен стремиться к отмщению за Него»). Оценочное отношение к походу вербализовано словосочетаниями *querre sa venjance* («стремиться к отмщению за Него») и *delivrer sa terre et son pais* («освободить Его землю и Его страну»). Вне контекста существительное *venjance* («мечь») [Greimas 1969, с. 480]) выражает отрицательную оценку, но в данном фрагменте сочетание *querre sa venjance* приобретает оценку положительную: поход воспринимался как «отмщение за поругание Христа».

Однако в анализируемом примере отражено не столько личное авторское миропонимание, сколько стереотипный и идеализированный образ, реализованный посредством устойчивых выражений-клише, неоднократно встречаемых в более ранних текстах. Употребление практически идентичных выражений мы можем увидеть в «Песне об Антиохии» Ришара Пилигрима эпохи Первого крестового похода (*S'en ala outre-mer por sa honte vengier* [Chanson 1848, с. 17] – «Отправились за море (в Святую землю), чтобы отомстить за Его поругание») и «Взятии Константинополя» Ж. де Виллардуэна эпохи Четвертого крестового похода (*la honte Jesus-Crist vengier* [Villehardouin 1969, с. 95] – «отомстить за поругание Христа»).

Ценностные нормы, общие для людей, живущих в одну эпоху, в одном социуме, диктовали определенные способы выражения оценки.

Отдельно следует рассмотреть словосочетание *pitié au haut Seigneur* («жалость к Высокому Господину»), в котором Тибо, на наш взгляд, сознательно прибегает к игре слов: здесь существительное *Seigneur* имеет двойной смысл и может пониматься как господин = сюзерен в иерархических отношениях «вассал / сеньор» и как господин = Господь (*Notre Seigneur Jésus-Christ*). Адресат произведения – рыцари-вассалы Тибо IV; призывая их служить Богу как своему сеньору, автор стихотворения мыслит категориями актуального для него социокультурного языка с позиции феодальных отношений XIII в.

Поход в стихотворении рассматривается как способ искупления грехов и достижения рая:

Deus se lessa por nos en croiz pener
Et nos dira au jor ou tuit vendront:
«Vous qui ma croiz m'aidastes a
porter,
Vos en iroiz la ou mi angle sont;
La me verroiz et ma mere Marie

[Bédier 1974, с. 168].

Господь позволил себя мучить во имя нас
на кресте
И нам скажет в день, когда мы все придем:
«Вы, кто мне помог нести мой крест,
Вы пойдете туда, где мои ангелы
Там вы увидите меня и мою мать Марию»

Господь здесь показан как сюзерен, дающий награду крестоносцам за верность. Отношения «Бог / рыцарь» реализуются согласно модели, указывающей на обязательность двустороннего обмена: исполнение долга со стороны рыцарей-вассалов: «Пришли и помогли нести крест», т. е. освободили Святую землю (*tuit vendront, ma croiz m'aidastes a porter*) → исполнения своей части договора Богом-сеньором: очищение и обретение рая (*Vos en iroiz la ou mi angle sont*) → награда от Бога как плата за служение: «увидят Господа и Деву Марию» (*La me verroiz et ma mere Marie*). В данном фрагменте, на наш взгляд, присутствует аллюзия на Нагорную проповедь Христа: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» [Матф. 5.7, 8]. Автор проецирует матрицу отношений «сеньор / вассал» на отношения «Бог» / «рыцарь», что также было типично для средневековой литературы.

Связь «Бог» / «человек» описана по той же повторяющейся схеме и в «Песне об Антиохии»: исполнение долга рыцарством (*endurer mainte peine / aller vengier*) → награда от Бога (обретение рая как плата за верность: *ames en sa gloire poser / en paradis celestre aura sa mainsion*) [Chanson 1848, с. 17].

Одновременно в произведении взаимосвязь «Бог» / «рыцарь» отражена не только в сфере статусно-ориентированных отношений, но и в личной сфере:

Q'il n'est amis fors que cil, sanz dotance,
Qui pour nos fu en la vraie croiz mis
[Bédier 1974, с. 168].

Нет друзей, кроме того, без сомнения,
Кто во имя нас был распят на
истинном кресте.

Отношение к Богу со стороны рыцаря как к лучшему другу не было выявлено нами в каком-либо контексте на материале других произведений эпохи Крестовых походов. Поэтому можно предположить,

что в этом проявляется личная авторская позиция Тибо IV Шампанского и его индивидуальное мировосприятие.

Laudatio как призыв идти в поход содержит в себе восхваление тех, кто верен своему долгу:

Or s'en iront cil vaillant bachelier	И пойдут те доблестные молодые люди
Qui aiment Dieu et l'eneur de cest mont,	Которые любят Господа и почести
Qui sagement vuelent a Dieu aler	этого мира,
[Bédier 1974, с. 168].	Кто мудро хочет пойти к Господу.

Адресат воззвания в изучаемом отрывке – юноши, *bachelor* («молодой человек, готовящийся стать рыцарем под руководством рыцаря» [Шишмарев 1955, с. 26]). Интересно, что здесь любовь к Богу и стремление к материальным благам ставятся в один ряд: *aiment Dieu et l'eneur de cest mont*. Приверженность к материальным ценностям не осуждается, а наоборот, восхваляется. Кажущийся парадокс (противоречие католической моральной доктрине, где воспевались бедность и презрение к богатству) объясняется феноменом рыцарской культуры – богатство было обязательным атрибутом успеха. В выражении *l'eneur de cest mont* (букв. 'почести этого мира') *l'eneur* может также иметь значение: «честь», «почет», «почести», а не только «богатство», т. е. означать ценность как материальную, так и духовную. По мнению автора, в стремлении к почестям нет греховности – это одна из похвальных черт будущего рыцаря как стремление к самореализации и достижению социальной значимости. Социальная значимость, как общее культурно значимое понятие, существовавшее в сознании средневекового рыцарства, охватывало ряд более конкретных оценочно окрашенных понятий: «могущество», «знатность, благородство», «уважение, почет» и «богатство».

2. *Vituperatio* как порицание за отказ от Крестового похода

С позиций ценностных стереотипов Средневековья отношение к лицам и событиям окружающего мира всегда происходило сквозь призму бинарной оппозиции «Добро» (Бог) / «Зло» (Дьявол), т. е. «Добро» всегда подразумевало «Зло» как неотъемлемый коррелят, поэтому *laudatio* подразумевало *vituperatio* как противоположный полюс по отношению к норме.

Если обретение рая рассматривалось как награда рыцарю за верное служение, то отказ от похода влек за собой наказание за неисполнение долга – лишение рая:

Seigneurs, sachiez: qui or ne s'en ira
En cele terre ou Deus fu morz et vis
Et qui la croiz d'Outremer ne prendra,
A paines mès ira en Paradis

[Bédier 1974, с. 168].

Сеньоры, знайте: кто не пойдет
В ту землю, где Господь жил и умер
И кто не возьмет «заморский крест»
Едва ли пойдет в рай.

В данном примере словосочетание *prendre la croiz d'Outremer* (букв. 'взять заморский крест') имеет значение «взять на себя обязательства рыцаря, идущего в Крестовый поход на Иерусалим». Отношения «Бог / рыцарь» здесь показаны зеркально по отношению к рассмотренному выше фрагменту: отказ от обязательств (*qui or ne s'en ira en cele terre ou Deus fu morz et vis*) влечет за собой кару от Господа-сюзерена (*paines mès ira en Paradis*).

В следующем отрывке суждение еще более категорично, так как субъектом оценки выступает Бог:

Et vos par qui je n'oi onques aïe
Descendroiz tuit en Enfer le parfont

[Bédier 1974, с. 168].

И вы, от кого я не имел никакой помощи,
Вы спуститесь все в глубокий Ад.

Как и в предыдущем случае, авторское восприятие похода совпадает с канонами средневекового мышления в целом.

Vituperatio формирует оппозицию к *laudatio* и содержит в себе порицание тех, кто отказался от похода:

Tuit li mauvès demorront par deça,
Qui n'aiment Dieu, bien ne honor ne pris

[Bédier 1974, с. 168].

Все плохие останутся здесь,
Кто не любит Господа, ни благ, ни
чести, ни ценностей.

Здесь раскрывается конкретное содержание общеоценочного прилагательного *mauvès*: как известно, прилагательное «плохой» не содержит собственно дескриптивно-ориентированного содержания. Общая оценка всегда нуждается в экспликации и нередко сопровождается содержательным комментарием: за ней всякий раз может стоять совершенно разный набор признаков, зависящий от ситуации,

времени и эпохи. Здесь *mauvès* имеет следующие признаки: «Тот, кто не любит Господа» (*qui n'aiment Dieu*), «не любит ни благ, ни чести, ни ценностей» (*n'aiment bien ne honor ne pris*), т. е. по сути повторяется рассмотренная нами выше строфа со знаком «-».

Приведенный фрагмент должен был вызвать определенную реакцию порицания у читателя / слушателя: «быть крестоносцем» понималось как следование определенным правилам, установкам, их соблюдение, и реальная личность должна соответствовать этим ожиданиям, следовательно, быть предсказуемой.

В то же время *vituperatio*, помимо общепринятых этических стереотипов того времени, реализует и индивидуальную авторскую оценку Тибо Шампанского:

Et li morveus, li cendreus demorront;
Avugle sont, de ce ne dout je mie.
Qui un secors ne fet Dieu en sa vie,
Et por si pou pert la gloire du mont.

[Bédier 1974, с. 168]

И хилые замарашки останутся,
Они слепые, и я в этом нисколько не
сомневаюсь,
Кто не окажет помощи Господу в своей
жизни,
Из-за этого потеряет славу мира.

Этот отрывок иллюстрирует индивидуальную авторскую оценку: употреблена сниженная разговорная лексика, с экспрессивно-стилистической окраской. Оценочное прилагательное *morveus* в разных источниках переводится по-разному: «хилый, больной неизлечимой смертельной болезнью» [Шишмарев 1955, с. 172] и «сопливый» – «morveux» [Bédier 1974, с. 173]. В обоих случаях слово относится к разговорному стилю и кажется неуместным для жанра песни-проповеди. Посредством негативной эмоциональной оценки автор проявляет свое личное отношение к трусам-дезертирам, отказавшимся от похода. Прилагательное *cendreus* представляет собой авторскую метафору: словарь Годфруа указывает на единственный случай использования данного прилагательного [Godefroy 1889, с. 13], образованного от *cendre* («пепел, зола»), т. е. букв. 'покрытый пеплом' (*couvert de cendre*), «запачканный золой» (ср.: *Cendrillon* – «Золушка» [Bédier 1974, с. 174]). В употреблении *cendreus* (которое в данном контексте можно перевести как «замарашка») показано презрительное мнение о дезертирах.

3. Ценности ложные и истинные

Согласно мнению Тибо Шампанского, те, кто отказывается от похода, находятся в заблуждении, под властью «ложных идеалов»:

Et chascuns dit: «Ma fame, que fera?
Je ne leroie a nul fuer mes amis.»
Cil sont cheoit en trop fole atendance
[Bédier 1974, с. 168].

И каждый скажет: «Что будет делать моя жена?
Я не оставил бы ни за что моих друзей». Они подпали под слишком безумную надежду.

Из повествования следует своего рода парадокс: осуждается тот, кто любит свою жену и детей (ведь любовь к своей семье, детям и друзьям – традиционные христианские ценности). Здесь мы можем видеть столкновение мировоззрений двух миров и эпох: традиционные ценностные понятия «дом» и «семья» (связанные с архаическими представлениями о защите и безопасности), типичные для земледельца-обывателя, противопоставлены более поздним идеалам эпохи Крестовых походов, где «переплелись» идеи рыцарской доблести и христианской жертвенности: служение Богу как сюзерену и смерти во имя отвоевания Гроба Господнего. Авторская позиция здесь однозначна – взгляды обывателя он характеризует как *trop fole atendance* («слишком безумная надежда»).

Приверженность к ложным ценностям приводит в Ад:

Chascuns cuide demorer touz haitiez
Et que jamès ne doie mal avoir;
Ensi les tient Anemis et pechiez
Que il n'ont sens, hardement ne pouoir

[Bédier 1974, с. 168]

Каждый думает, что он останется совершенно довольным,
И что он никогда не должен иметь несчастий,
И так их удерживает Враг и грех
Так что они не имеют ни рассудка,
ни смелости, ни власти.

В этом отрывке разоблачение «ложных ценностей» реализовано согласно следующей схеме: «покой, довольство, безмятежность» (*demorer touz haitiez / jamès ne doie mal avoir*) → грех (*les tient pechiez*) → власть Дьявола (*les tient Anemis*) → наказание (лишение рассудка и всех благ: *il n'ont sens, hardement ne pouoir*). В данном отрывке, на наш взгляд, присутствует аллюзия на распространенную в Средневековые латинскую пословицу: *Quem deus perdere vult, dementat prius* – «Кого Бог хочет погубить, того он прежде всего лишает разума».

Произведение завершается типичным для стихотворений этого жанра *envoi*. *Envoi* (букв. 'посылка', 'обращение, послание', термин средневековой французской поэтики) является метрическим повторением заключительной части последней строфы песни, обычно содержащим ее посвящение; как правило, начинается словами *Prince* или *Princesse*.

Но, в отличие от употребления традиционного *envoi*, Тибо Шампанский прибегает к этому приему дважды и обращается не к сеньору и / или даме, а к Господу и Деве Марии:

Biaus sire Deus, ostez leur tel pensee	Прекрасный господин Господь,
Et nos metez en la vostre contree	избавь их от этой мысли
Si saintement que vos puissons veoir!	И отправь нас в вашу страну
	Так свято, чтобы мы могли Вас
[Bédier 1974, с. 168]	увидеть!

В риторическом обращении Бог воспринимается как сюзерен: *Biaus sire Deus*, т. е. Бог = сюзерен = *Prince*, в чем реализуется стереотипная организация стихотворного текста этого жанра.

Адресат второго *envoi* – Дева Мария, названная в тексте *Douce dame*:

Douce dame, roine coronee,	Милая Дама, коронованная царица,
Proiez por nos, Virge bien auree!	Молитесь за нас, почитаемая Дева!
Et puis apres ne nos puet mescheoir!	И потом с нами не сможет случиться
[Bédier 1974, с. 168]	несчастье!

Douce dame может быть понято двояко: Прекрасная Дама и Святая Дева Мария. В этой трактовке также заключено понимание автором рыцарского долга: служение Деве Марии подразумевало служение Даме – покровительнице, к которой рыцарь относился с особым почитанием. Именно поэтому Дева Мария названа одновременно *Virge bien auree* (букв. 'особо почитаемая Дева') и *roine coronee* («коронованная царица», т. е. Царица Небесная). Ей верный рыцарь приносит оммаж и в благодарность за служение рассчитывает на защиту от бед: *apres ne nos puet mescheoir* («нами не сможет случиться несчастье»). Здесь, на наш взгляд, присутствует аллюзия на главную молитву христиан «Отче Наш»: *Libera nos a Malo!*

Заключение

Исследование сочинения «*Seigneurs, sachiez...*» как экземпляра средневекового поэтического дискурса, проведенное с учетом культурно-исторического контекста XIII в., показало, что это старофранцузское стихотворение обладает рядом специфических характеристик, выраженных в соотношении индивидуальной авторской позиции и общепринятых этических канонов Средневековья:

1) являясь типичной для эпохи Крестовых походов песнью-проповедью, «*Seigneurs, sachiez...*» было создано Тибо IV Шампанским под влиянием, с одной стороны, уже устоявшихся в эпоху Крестовых походов образцов данного жанра, с другой – через сквозь стереотипов средневекового мышления в целом;

2) в соответствии с жанровой принадлежностью содержание стихотворения четко разделено на *laudatio* и *vituperatio*, которые представляют собой полюса бинарной оппозиции, отражающие средневековое деление мира на силы «Добра» (Бога) и «Зла» (Дьявола). Жанр произведения диктует преимущественное использование заранее известных языковых средств: стереотипные высказывания, выражающие положительную и отрицательную оценку, практически идентичны тем, которые использовались в произведениях Первого и Четвертого крестового походов, то есть более чем за сто лет до написания рассматриваемой «Песни». В тексте сочинения присутствуют аллюзии на тексты из Библии, на христианские молитвы и распространенные латинские пословицы, что также типично для жанра песни-проповеди;

3) в авторской оценке отражены светские этические и социальные стереотипы рыцарства XIII в.: служение Господу показано как служение сюзерену, а поклонение Деве Марии понимается как служение Прекрасной Даме-покровительнице;

4) в то же время в ходе анализа нами выявлено употребление оценочной лексики, содержащей отрицательную эмоциональную оценку и относящейся к разговорному стилю, что кажется неуместным для *Chansons des Croisades*. В этом можно увидеть своеобразие автора: в ограниченное жанровыми шаблонами *vituperatio* Тибо Шампанский смог вложить свое личное отношение к происходящим событиям, где проявилась его индивидуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бицилли П. М. Элементы Средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. [Bicilli, P. M. (1995). *Elementy Srednevekovoj kul'tury (Elements of Medieval culture)*. Saint Petersburg: Mifril. (In Russ.)].
- Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. [Karasik, V. I. (2009). *Yazykovye klyuchi (Language keys)*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)].
- Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. [Lihachyov, D. S. (1979). *Poetika drevnerusskoj literatury (Poetics of Old Russian literature)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Ратледж М. Песни // История Крестовых походов / под ред. Дж. Райли-Смита. М.: Крон-пресс, 1998. [Ratledzh, M. (1998). *Pesni (Songs)*. Istoriya Krestovyh pohodov. Moscow: Kron-press (In Russ.)].
- Смолицкая О. В. Куртуазная литература крестоносцев // Жоффруа де Вильардуэн. Взятие Константинополя. Песни труверов : пер. со старофр. О. Смолицкой, А. Ларина. М.: Наука, 1984. [Smolickaya, O. V. (1984). *Kurtuaznaya literatura krestonoscev (Courtly literature of the crusaders)*. ZHoffrua de Vil'arduen. Vzyatie Konstantinopolya. Pesni truverov. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Челышева И. И. Выражение ценностной ориентации в средневековом тексте // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е. М. Вольф. М.: Изд-во РАН, 1996. С. 126–137. [Chelysheva, I. I. (1996). *Vyrazhenie cennostnoj orientacii v srednevekovom tekste (Expression of value orientation in a medieval text)*. Funkcional'naya semantika. Ocenka, ekspressivnost', modal'nost'. In memoriam E. M. Vol'f. Moscow: Izd. RAN. (In Russ.)].
- Шушмарёв В. Ф. Словарь старофранцузского языка. IX–XV вв. М.: Изд-во академии наук СССР, 1955. [Shishmaryov, V. F. (1955). *Slovar' starofrancuzskogo yazyka. IX–XV vv. (Dictionary of old French language. IX–XV centuries)*. Moscow: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR. (In Russ.)].
- Bédier, J., Aubry, P. Les chansons de Croisade avec leurs mélodies. Genève: Slatkine reprints, 1974.
- Chanson d'Antioche, composée au commencement du XII-ème siècle par le pèlerin Richard, renouvelée sous le règne de Philippe Auguste par Graindor de Douat, publiée pour la première fois par Paulin Paris. P.: J. Techener, 1848.
- Dupront, Alphonse. Du sacré, croisades et pèlerinages, images et langages. Paris: Gallimard, 1987.
- Godefroy, Frederic. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales

archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

Villehardouin, Geoffrois de. La conquête de Constantinople. Chronologie et préface par Jean Dufournet. Paris: Garnier, Flammarion, 1969.

УДК 81.246

Л. В. Моисеенко, Т. В. Ускова, Е. В. Думина, М. А. Викулина

Моисеенко Л. В., доктор филологических наук, доцент; заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: liliamoiseenko@gmail.com

Ускова Т. В., кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: t-uskova@bk.ru

Думина Е. В., старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: dumina@list.ru

Викулина М. А., старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vikulna_maria@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОСЕТИНСКОГО БИЛИНГВИЗМА¹

Данная статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме осетино-русского билингвизма в контексте сохранения и развития национальной культуры и языка осетин. Раскрывается понятие билингвизма, описывается специфика практического проявления двуязычия в повседневном общении представителей осетинского этноса. Также анализируется в различных ракурсах современная языковая ситуация в Республике Северная Осетия – Алания и в Республике Южная Осетия, дается оценка языковой политики, проводимой государством с целью взаимного сближения народов в полиэтнической среде. Авторы приходят к выводу, что предпринимаемые меры должны быть направлены, с одной стороны, на сохранение уважения к русскому языку как государственному, с другой – на сохранение позиций осетинского языка в многонациональном регионе.

Ключевые слова: билингвизм; языковая политика; государственный язык.

L. V. Moiseenko, T. V. Uskova, E. V. Dumina, M. A. Vikulina

Moiseenko L. V., Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Moscow State Linguistic University;
e-mail: liliamoiseenko@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-512-07003 «Единая цивилизационная платформа России, Северной и Южной Осетии как основа поликультурного подхода в образовании и межэтнической толерантности»

Uskova T. V., PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Moscow State Linguistic University;
e-mail: t-uskova@bk.ru

Dumina E. V., Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Moscow State Linguistic University;
e-mail: dumina@list.ru

Vikulina M. A., Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Moscow State Linguistic University;
e-mail: vikulna_maria@mail.ru

SPECIFIC FEATURES OF THE OSSETIAN BILINGUALISM¹

The article under consideration focuses on an acute problem of Russian and Ossetian bilingualism in the context of maintenance and development of the Ossetian culture and language. The authors specify the approach to understanding bilingualism, describe the specificity of functioning of the two languages in the everyday life. Moreover, the authors analyze the current linguistic situation in the Republic of North Ossetia and the Republic of South Ossetia from different perspectives, assess the linguistic policy applied by the state in order to integrate people in a multilingual environment. In the end, the authors conclude that measures shall be taken, on the one hand, to sustain the authority of the Russian language as a state language, and on the other hand, to strengthen the position of the Ossetian language in this multinational region.

Key words: bilingualism; language policy; state language.

Введение

В эпоху глобализации проблема билингвизма становится все более актуальной. В числе важнейших принципов системы образования Совет Европы провозгласил многоязычие наряду с политкультурностью, культуросообразностью и антропоцентричностью. Российская Федерация, в которой проживают представители более ста разных национальностей, также сталкивается с необходимостью учитывать проблему билингвизма в различных ситуациях повседневного общения как на бытовом, так и на государственном уровне. Билингвизм как явление настолько сложен, что, несомненно, требует комплексного подхода к его изучению.

В рамках данного исследования мы обращаемся к проблеме билингвальности осетинского этноса, обусловленной как языковой политикой, проводимой в Республике Северная Осетия – Алания и в Южной Осетии, с одной стороны, так и ослабленным статусом

¹ The reported study was funded by RFBR, project number№ 20-512-07003-

осетинского языка, проблемой формирования единого литературного языка и социально обусловленной русификацией значимых сегментов жизни общества – с другой.

1. Осетинский билингвизм как результат языковой политики в Республике Северная Осетия – Алания и в Южной Осетии

1.1. Некоторые аспекты неоднозначности понимания билингвизма

Билингвизм изучается уже много десятилетий с лингвистической, психологической, социологической и педагогической точек зрения. Более того, было предложено исследовать билингвизм как предмет и объект отдельной научной отрасли [Богус 2014], поскольку теория билингвизма представляет собой самостоятельную отрасль знания, в которой объединены интересы многих наук [Вишневская 1997; Ширин 2006].

В настоящее время существует несколько определений и трактовок понятия «билингвизм». По определению выдающегося теоретика языковых контактов У. Вайнраха билингвами, или двуязычными, называются люди, которые попеременно используют два языка [Вайнрайх 1979]. По мнению С. В. Андреевой, определение У. Вайнраха является наиболее нейтральным в настоящее время [Андреева 2009]. Исследуя проблемы билингвизма, авторы затрагивают различные вопросы, и, среди прочего, степень владения обоими языками: одна группа ученых настаивает на практически одинаковом владении родным и вторым языком, другая допускает, что билингв может демонстрировать разную степень владения родным и неродным языками в зависимости от ситуации общения [Вишневская 1997].

Не вызывает сомнений многогранность и многоаспектность билингвизма как научного феномена, из чего следует, что билингвизм невозможно изучать в рамках одной научной дисциплины. М. М. Михайлов считает, что любой из аспектов билингвизма представляет собой междисциплинарную задачу, для решения которой требуется привлекать исследователей смежных наук. Например, лингвистический аспект невозможно изучать без его психологической или педагогической составляющих [Михайлов 1972].

Лингвистическая составляющая билингвизма обычно рассматривается посредством изучения лингвистических явлений, возникающих в результате языковых контактов, а также лингвистической

компетенции, т. е. уровня владения родным и вторым языками. С точки зрения психологии исследователи рассматривают механизмы порождения и восприятия речи, отмечая, например, наличие у билингвов единой системы восприятия речи и двух независимых систем речепроизводства [Андреева 2009]. Исследования социологов концентрируются на «общественных функциях и сферах применения каждого из двух языков» [Дешериев 1972] с целью систематизировать полученные данные по профессиональному, бытовому, экстралингвистическому и другим факторам.

При проведении любого исследования в области билингвизма возникает вопрос о выборе подходящего метода исследования. Обычно исследователи собирают данные путем записи фрагментов устной и письменной речи, наряду с анкетированием с целью сбора социологических данных, для дальнейшего лингвистического и социологического анализа и статистической обработки полученных результатов. Кроме того, представляется возможным использование данных переписи населения, в ходе которого испытуемые сами определяют уровень владения языком в соответствии с предложенной шкалой. Однако полученные данные не могут считаться полностью достоверными, и существует необходимость подтверждать их тестами, дающими объективную оценку [Богус 2014].

1.2. Осетинский билингвизм и языковая политика

Вслед за В. Ю. Розенцвейгом, мы понимаем билингвизм как «владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [Розенцвейг 1972, с. 80]. В условиях диглоссии, как правило, один язык является престижным и используется в области культуры, науки, образования, делопроизводства и законодательства, тогда как другой (чаще всего родной язык) считается менее престижным, и переключение на него происходит чаще всего в бытовой сфере [Моисеенко, Евдокимова 2019]. Характерной особенностью билингвизма в осетинском этносе в Южной Осетии и Северной Осетии мы считаем *необходимость* переключения с осетинского языка на русский в социально значимых сферах, и подчеркиваем, что билингвизм осетин не только продиктован культурно-историческими особенностями развития или является результатом межэтнических браков, но во многом *обусловлен* проводимой на данный момент в республиках языковой политикой. Русский

язык выступает в роли общенационального инструмента, обеспечивающего успешность коммуникации в политической, экономической, общественной и других сферах жизни общества.

Статус русского языка, языковая политика и отношения с Россией диктуют необходимость знания русского языка представителями других этнических групп: незнание русского языка приводит к невозможности взаимодействия с большинством значимых социальных, экономических и политических институтов. Как результат, значительная часть осетин одинаково хорошо владеет как осетинским, так и русским языками. Как отмечают многие авторы, русский язык обладает полным набором общественных функций, кроме одной – он не может обслуживать осетинские обрядовые молитвы / тосты (*kuuydyta*), которые играют значительную роль в традиционных институтах соционормативной культуры: праздниках, свадьбах, похоронах, поминках и т. д. Устойчивость национальных обрядов служит основным препятствием для полной русификации общества.

Русский язык полностью заменил осетинский в социально значимых сегментах жизни, в том числе в СМИ, следовательно, формирование общественного сознания также происходит на русском языке. Как известно, язык тесно связан с языковой картиной мира носителя, и эти отношения можно назвать амбивалентными: с одной стороны, получаемая и анализируемая информация, приобретаемые знания и ощущения, равно как и социокультурные и историко-правовые особенности развития этноса отражаются в языковых единицах и лексико-грамматических конструкциях, а с другой – мы «препарируем» и вербализуем поступающий извне опыт в единицах того языка, носителями которого являемся. Исходя из этого, можно предположить, что концептуализация социоправовых и культурных феноменов и понятий у осетинского населения происходит как на основании русского, так и на основании осетинского языков. При этом наблюдается сближение сформированных «языковых картин», но не их полное совпадение: этноспецифические черты, зафиксированные в языке, модифицируют вербализацию получаемого опыта, следовательно, несмотря на схожесть, языковые картины и сформированные концепты обнаруживают определенные различия. Тем не менее толкование одного и того же опыта, пусть и на разных языках, неизбежно ведет к интерференции сформированных концептов.

Также можно предположить, что концептуализация понятий в бытовой и в официально-деловой сферах будет иметь значительные

различия, поскольку в современных условиях наблюдается «разделение сфер влияния» языков. Так, И. Д. Бекоева и Т. Ю. Тамерьян приводят следующие данные: в семейно-бытовой сфере 61 % респондентов общается только на осетинском языке; 13,2 % – только на русском; 2 % – на грузинском; 0,3 % – на армянском. В официально-деловой сфере 53,2 % респондентов используют только русский язык; 21,1 % – осетинский; 25,7 % респондентов применяют попеременно осетинский и русский [Бекоева, Тамерьян 2016, с. 127]. При этом, В. П. Джиеова отмечает, что в политической сфере политики-билингвы часто прибегают к использованию осетинских речевых единиц, включая их в русскую речь для создания эффекта этнической адресности коммуникации, установления контакта с адресатом сообщения и с целью приближения себя к народу точки зрения идентификации «свой – чужой» [Джиеова 2020].

«Разделение сфер влияния» русского и осетинского языков в обществе проистекает из языковой политики, проводимой как в Республике Северная Осетия – Алания, так и в Южной Осетии. Осетинский и русский языки получают равный конституционный статус, однако имеющий более сильные позиции русский язык становится языком правовой, дипломатической, политической и иной коммуникации, тогда как осетинскому языку отводится роль консолидирующего фактора национального самосознания.

В Конституции Республики Северная Осетия-Алания Статья 15 провозглашает государственными языками республики осетинский и русский, а также закрепляет, что «осетинский язык (иронский и дигорский диалекты) являются основой национального самосознания осетинского народа», и «сохранение и развитие осетинского языка являются важнейшими задачами органов государственной власти Республики Северная Осетия –Алания».

В апреле 2012 г. Парламент Южной Осетии в ходе пленарного заседания принял Конституционный закон «О государственных языках Республики Южная Осетия», признав русский язык одним из двух государственных языков. Ранее 13-го ноября 2011 г. в стране был проведен референдум, где за присвоение русскому языку статуса второго государственного в республике проголосовали 83,99 % граждан, и только 16,01 % выступили против.

Присвоение русскому языку статуса государственного усилило его социально-общественную значимость, укрепило его позиции

в институциональных дискурсах и обусловило приоритетность его использования для проведения как внутренней, так и внешней политики. При этом ориентация на русификацию социально значимых сфер неизбежно привела к ослаблению функций осетинского языка. В этой связи Р. С. Бзаров отмечает «слабость механизмов этнокультурной самозащиты в осетинском обществе», которую он считает неизбежной в условиях насильственной прерванности языкового и в целом национально-культурного строительства [Бзаров 2002]. Следует также отметить, что данный тип билингвизма отличается ярко выраженной асимметрией, поскольку 100 % русскоязычного населения не владеют осетинским языком.

Неустойчивостью положения и своей малой востребованностью в социально значимых сегментах жизни общества осетинский язык обязан проблеме формирования литературного языка, который способствовал бы интеграции и консолидации общества и явился бы прочным основанием роста национального самосознания. Однако проблема выбора между иронским и дигорским диалектами ослабляет позиции осетинского языка и способствует все больше русификации общества.

2. Состояние осетинского языка как условие существования осетинского билингвизма

Результатом работы 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН стало решение объявить 2019 год Международным годом языков коренных народов, а период с 2022 по 2032 гг. провозгласить Международным десятилетием языков коренных народов в целях популяризации языков малых народов и повышения интереса к их культуре и образу жизни.

В современных условиях проблема сохранения осетинского языка, внесенного ЮНЕСКО еще в 2005 г. в атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения (Atlas of the World's Languages in Danger), в группу «уязвимых» (vulnerable), приобрела особую актуальность. Это означает лишь то, что в многонациональных и многоязычных республиках (Республика Северная Осетия – Алания и Южная Осетия) родной язык находится в зоне риска, поскольку сферы его функционального применения сильно ограничены: в экономике, политике, науке, образовании, средствах массовой информации, при межличностном взаимодействии и письменной интернет-коммуникации доминирует

государственный язык – русский [Камболов 2007]. Осетинский язык, через века передающийся от поколения к поколению, в настоящее время употребляется в основном в бытовой устной речи – в домашнем общении, в общении между родственниками и знакомыми. Благодаря этому фактору во многих семьях дети с самого раннего возраста говорят на родном языке, однако с каждым годом количество владеющих осетинским не только не увеличивается, но и становится значительно меньше. На основании официальных данных последней всероссийской переписи населения, согласно которым менее 50 % граждан, проживающих в поликультурном северокавказском регионе, понимают и говорят на национальном языке, был сделан вывод о том, что долгое время мало кто серьезно задумывался о негативных последствиях сокращения численности носителей уникального осетинского языка, хотя совершенно очевидно, что такая тенденция может в конечном счете привести к окончательной утрате самого языка и его многочисленных диалектов.

Особенно остро встал вопрос о выживаемости осетинского языка после отмены в 2017 г. обязательного изучения родного языка как государственного в школах Республики Северная Осетия (РСО). Тогда многие ученые (Т. Т. Камболов, К. Х. Ходов, З. Б. Дзодзикова, А. Ф. Кудзоева, В. Г. Иванов и др.) пытались привлечь внимание к проблеме сохранения и документации осетинского языка и выступали с призывом защитить его от постепенного вымирания. В свете сложившейся на данный момент языковой ситуации до сих пор среди жителей РСО и Южной Осетии не утихают горячие споры вокруг статуса национального языка, также отсутствует единая точка зрения по поводу внедрения и реализации модели полилингвального образования в школах и дошкольных образовательных учреждениях. На региональном уровне постоянно ведутся дискуссии о значительном усилении роли русского языка в Осетии и его огромном влиянии на национальный язык. Сегодня можно с полной уверенностью констатировать, что в ходе продолжительной межэтнической консолидации и языковых контактов между осетинским и русским народами произошли существенные изменения в структуре осетинского языка. С одной стороны, все новшества способствовали его обогащению за счет пополнения словарного запаса, с другой – стали причиной оскудения, обусловленного частичной потерей национально-культурной специфики. Так, в процессе этнической ассимиляции с русским населением исчезли многие исконно осетинские слова и выражения, их

вполне закономерно заменяют неологизмы и заимствования из русского языка, которые на всех уровнях (семантическом, грамматическом, фонетическом, графическом) достаточно быстро адаптируются и осваиваются в языке-реципиенте.

Анализ и глубокое теоретическое осмысление лингвистических явлений в условиях осетино-русского билингвизма позволяют обнаружить, что наиболее активно указанное межъязыковое перемещение осуществляется на лексико-фразеологическом уровне, грамматический строй остается вполне устойчивым. При переходе лексических единиц русского языка в осетинский язык семантика слов, как правило, не претерпевает значительных изменений, при этом заимствованные слова, имеющие множество значений, используется только в одном значении, и их иное толкования исключено.

Оценивая установившиеся русско-осетинские языковые связи, Е. В. Сенько и И. А. Лазарова отмечают, что взаимопроникновение языков в различных областях – неизбежный и естественный двусторонний процесс, тем не менее при их смешении именно осетинская языковая система вынуждена приспосабливаться к нормам русского языка [Сенько, Лазарова 2018]. На наш взгляд, осетины, в целом, довольно уважительно относятся к своему языку, осознают его уникальность и самобытность, поэтому, даже переходя на русский язык, обращаются к осетинским словам. Нельзя отрицать тот факт, что на современном этапе для устной речи в Осетии характерно лингвистическое «переплетение» русского и осетинского языков, что объясняется тем, что, во-первых, не все слова русского языка могут обеспечить адекватную замену осетинским эквивалентам; во-вторых, не все жители региона хорошо знают осетинский язык, «в результате вся их «осетинская речь» состоит из русских слов, перестроенных на осетинский лад с использованием отдельных осетинских слов» [Дзодзикова, Кульчиева, с. 119].

В этом контексте стоит также указать, что наряду с заимствованиями из русского языка имеет место факт вхождения осетинских лексических и иных единиц в систему русского языка (русскоязычные СМИ, литературные произведения, разговорная речь), но вклад осетинского языка в развитие русского языка менее значителен. Данный факт объясняется тем, что у русского языка как у языка-«донора» статус гораздо выше, чем у осетинского.

Заключение

Все вышесказанное позволяет заключить, что проблемы двуязычия в многонациональном сообществе неизбежны. Несмотря на всё большее воздействие русского языка, осетинский язык может быть сохранен для потомков, пусть и в обновленном виде, только при условии введения определенных мер на федеральном и региональном уровнях. Важное значение при решении данного вопроса имеет постоянная поддержка государства в организационном и законодательном плане, а также активное участие и содействие представителей осетинского этноса и других народов, населяющих территорию Северной и Южной Осетии.

В этой связи представляется важным отметить, что даже в условиях взаимодействия Северной и Южной Осетии в едином политическом, экономическом и культурном пространстве на базе единой цивилизационной платформы следует проводить политику сохранения осетинского языка, поскольку сильный национальный язык и сильное самосознание – залог здорового партнерства и взаимовыгодного сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андреева С. В. Билингвизм и его аспекты // Ученые записки ЗабГГПУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. С. 34–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-i-ego-aspekty> (дата обращения 22.10.2020) [Andreeva, S. V. (2009) *Bilingvizm i ego aspekty (Bilingualism and its aspects)*. Uchenye zapiski ZabGGPU. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie (pp. 34–38) (In Russ.)].
- Бзаров Р. С. Историко-культурные основы языковой политики в Северной Осетии. 2002. URL: <https://ironau.ru/bzarov1.html> (дата обращения 23.10.2020) [Bzarov, R. S. (2002) *Istoriko-kul'turnye osnovy jazykovoj politiki v Severnoj Osetii (Historical and cultural bases for the linguistic policy in North Ossetia)* (In Russ.)].
- Бекоева И. Д., Тамерьян Т. Ю. Югоосетинский политический дискурс в полилингвальном коммуникативном пространстве // Научная мысль Кавказа. № 4. Ростов-на Дону: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет». 2016. С. 126–130. [Bekoeva, I. D., Tamer'jan T. Ju. (2016) *Jugoosetinskij politicheskij diskurs v polilingval'nom kommunikativnom prostranstve (South Ossetian political discourse within the bilingual communicative space)*. Nauchnaja mysl' Kavkaza, 4. Rostov-na-Donu: Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovanija «Juzhnyj federal'nyj universitet». (pp. 126–130) (In Russ.)].

- Богус М. Б. Подходы к комплексному исследованию билингвизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-kompleksnomu-issledovaniju-bilingvizma> (дата обращения: 25.10.2020) [Bogus, M. B. (2014) Podhody k kompleksnomu issledovaniju bilingvizma (*Approaches to complex research on bilingualism*). Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki (In Russ.)].
- Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. [Vajnrajh, U. (1979) Jazykovye kontakty: sostojanie i problemy issledovanija (*Linguistic contacts: the current state and the problem of research*). Kiev: Vishha shkola (In Russ.)].
- Вишневская Г. М. Билингвизм и его аспекты: учеб. пособие. Иваново: ИВГУ, 1997. [Vishnevskaja, G. M. (1997) Bilingvizm i ego aspekty : Ucheb. Posobie (*Bilingualism and its aspects : textbook for study*). Ivanovo: IvGU (In Russ.)].
- Дешиерев Ю. Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 26–42. [Deshieriev, Ju. D. (1972) Osnovnye aspekty issledovanija dvujazychija i mnogojazychija (*The main aspects of the study on bilingualism and multilingualism*). Problemy dvujazychija i mnogojazychija. (pp. 26–42). М.: Nauka (In Russ.)].
- Джиоева В. П. Югоосетинский внешнеполитический дискурс в билингвальном аспекте. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica* Т. 16, Вып. 1 (47), 2020. С. 101–113. [Dzhioeva, V. P. (2020) Jugoosetinskij vneshnepoliticheskij diskurs v bilingval'nom aspekte (*South Ossetian foreign policy discourse from the perspective of bilingualism*). *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 1 (47), Т. 16. (pp. 101–113) (In Russ.)]
- Дзодзикова З. Б., Кульчиева М. Б. Русские лексические заимствования в устной разговорной речи осетинского языка. Тамбов: Грамота. 2016. № 3. Ч. 1. С. 118–120. [Dzodzikova, Z. B., Kul'chieva, M. B. (2016) Russkie leksicheskie zaimstvovanija v ustnoj razgovornoj rechi osetinskogo jazyka (*Russian lexical borrowings in the oral speech of the Ossetian language*). 3. Ch. 1. (pp. 118–120). Tambov: Gramota. (In Russ.)]
- Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы: монография / под ред. д-ра филол. наук М. И. Исаева; Северо-Осетинский государственный университет. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2007. [Kambolov, T. T. (2007). Jazykovaja situacija i jazykovaja politika v Severnoj Osetii: istorija, sovremennost', perspektivy (*The linguistic situation and linguistic policy in North Ossetia: history, modern state and perspectives*): monografija / Pod red. d-ra filol. nauk M. I. Isaeva; Severo-Osetinskij gosudarstvennyj universitet. Vladikavkaz: Izdatel'stvo SOGU (In Russ.)].
- Михайлов М. М. Двуязычие и взаимовлияние языков // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. [Mihajlov, M. M. (1972). Dvujazychie i

- vzaimovlijanie jazykov (*Bilingualism and mutual influence of the languages*). Problemy dvujazychija i mnogojazychija. M.: Nauka (In Russ.)].
- Моисеенко Л. В., Евдокимова А. А. Контактирующие языки и языковые конфликты (на примере языков Испании) // Языковые контакты и языковые конфликты в современном мире: РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания. М., 2019. [Moiseenko, L. V., Evdokimova, A. A. Kontaktiruyushchie yaziki i yazykovie konflikty (na primere yazykov Ispanii) (*Languages in contact and language conflict (on the example of languages of Spain)*)].
- Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. [Rozencevejg, V. Ju. (1972). Jazykovye kontakty : Lingvisticheskaja problematika (*Contacts of languages: linguistic problem*). L.: Nauka (In Russ.)].
- Сенько Е. В., Лазарова И. А. К проблеме русско-осетинских языковых контактов // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 29 (68). С. 137–143. [Sen'ko, E. V., Lazarova, I. A. (2018) K probleme russko-osetinskih jazykovyh kontaktov (*Revisiting the problem of Russian and Ossetian language contacts*). Izvestija SOIGSI, 29 (68). (pp. 137–143) (In Russ.)].
- Ширин А. Г. Билингвизм: поиск подходов к исследованию в отечественной и зарубежной науке // Вестник новгородского государственного университета. № 36. Новгород, 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-poisk-podhodov-k-issledovaniyu-v-otechestvennoj-i-zarubezhnoy-nauke> (дата обращения 25.10.2020) [Shirin, A. G. (2006). Bilingvizm: poisk podhodov k issledovaniyu v otechestvennoj i zarubezhnoj nauke (*Bilingualism : searching approaches to the study in native and foreign science*). Vestnik novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 36. Novgorod (In Russ.)].

М. А. Никулина

кандидат филологических наук; доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); e-mail: nikulinoj.marine@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»
(на примере терминосистемы рыночной экономики)**

Специфика становления языков специальной коммуникации «нового времени» (компьютерных технологий, рыночной экономики, рекламы и т. п.) требует создания новых методов, способствующих упорядочиванию терминологии. Статья посвящена вопросам становления русскоязычных терминосистем «нового времени». Акцент сделан на исследовании причин высокой доли англоязычных заимствований и других способах заполнения понятийных лагун в сфере рыночной экономики. В работе также приводятся лексико-грамматические критерии для определения целесообразности включения заимствованных терминов в сферу фиксации – русскоязычные словари и справочники экономической тематики.

Ключевые слова: терминологические заимствования; терминологические системы «нового времени»; семантические поля, лексико-семантические критерии; смысловая эквивалентность.

M. A. Nikulina

PhD (Philology), Associate Professor of the Center for Linguistics and Professional Communication, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation);
e-mail: nikulinoj.marine@mail.ru

**SPECIFIC FEATURES OF EVOLUTION
OF MODERN RUSSIAN TERMINOLOGY
(on the example of terminology of market economy)**

The specific nature of evolution of modern languages for special purposes (LSP of computer technologies, market economy, advertisement, etc.) requires the development of new methods of standardization of their terminologies. The article is devoted to specific features of development of Russian «newborn» terminological systems (on the example of terminology of market economy). The focus is placed on investigating the reasons of high proportion of borrowed terms and other ways of filling conceptual and translational lacunas in the sphere of market economy. The paper also suggests lexicogrammatical criteria, which may facilitate the selection of «useful» terminological borrowings for Russian specialized reference books and dictionaries.

Key words: terminological borrowings; terminological systems of «new time»; semantic fields; lexico-semantic criteria for «useful» borrowings; equivalence of sense.

Введение

Роль терминов в коммуникационных процессах обусловлена, прежде всего, их способностью к раскрытию научных понятий в конкретной предметной области. Видный философ и лингвист П. А. Флоренский отмечал: «Суть науки – в построении или, точнее, в устроении терминологии. Слово, “ходячее” и неопределенное, “выковать” в удачный термин – это и значит решить проблему» [Флоренский 2017, с. 229]. Не менее интересен подход к изучению термина А. Х. Султанова, который утверждал: «Чем точнее определены понятия, тем лучше с научной точки зрения раскрыта смысловая структура изучаемого предмета...» [Султанов 2007, с. 50]. При рассмотрении терминологических вопросов лингвист подчеркивал важность разработки методов, необходимых для упорядочения терминов: «... чтобы противоречивый по своей природе предмет получил адекватное интеллектуальное отражение и был увиден в своей *чтойности*, необходима методология, способствующая осмыслению этой природы» [Султанов 2007, с. 13]. Подходы к исследованию терминологии, взятые нами за основу, связаны и с именем Э. Вюстера, который рассматривал терминологические системы с прагматического ракурса – ориентируясь, в основном, на решение задач по созданию и упорядочению систем взаимосвязанных терминов [Vuster 1999].

Задачи данного исследования включают в себя:

- анализ тенденций и способов заимствования терминологических единиц из англоязычного подъязыка рыночной экономики в одноименную русскоязычную терминосистему;
- анализ понятийной стратификации терминологии, принадлежащей к сфере рыночной экономики;
- обоснование выработки критериев, призванных определять целесообразность вхождения терминологических заимствований в сферу фиксации – словари и справочники принимающего языка (ПЯ).

В ходе исследования были использованы *методы* сопоставительного и логико-семантического анализа. Исследование проводилось на *материале* реально функционирующих документов и публицистических статей, посвященных проблемам экономики и языкознания.

Основные тенденции заимствования терминов в русскоязычную терминосистему рыночной экономики. Критерии «полезности» новых терминов

Процессы распространения терминологии протекают сегодня в принципиально новых технических и коммуникационных условиях, которые значительно ускоряют становление терминологических систем рыночной экономики, компьютерных технологий, рекламы и других языков специальной коммуникации «нового времени». Так, русскоязычные терминосистемы названных языков особенно активно пополняются за счет заимствования англоязычных языковых единиц в их транслитерированном и калькированном виде. Рассмотрим, как протекают эти процессы в сфере рыночной экономики. Очевидно, что тенденция к заимствованию англоязычных экономических терминов в высокой степени обусловлена спецификой самого рассматриваемого подъязыка – а именно – тем, что потребность участия в экономических процессах людей, не имеющих специального образования, побуждает СМИ широко использовать заимствованные, часто безэквивалентные, термины для описания перенимаемых процессов, протекающих в экономической сфере. Причем новые понятия заимствуются чаще всего вместе с обозначающими их языковыми знаками. Этот вид заимствования особенно распространен в тех случаях, когда печатные и электронные СМИ (а нередко и переводчики) – в целях экономии времени и усилий – прибегают либо к транслитерации англоязычных терминов, либо к их употреблению в *латинице*. К примерам таких словоупотреблений можно отнести следующие термины: *аутплейсмент* (от англ. *outplacement* в значении «деятельность менеджмента компании по трудоустройству увольняемого работника»); *B2B - business-to-business* (в значении «продажа товаров и услуг для бизнеса») и т. п.

Однако такой «упрощенный» характер заимствования влечет за собой и определенные отрицательные последствия. Так, тенденция к чрезмерному калькированию и транслитерации терминологических единиц, не сопровождаемых дефинициями и пояснениями, часто вызывает в силу недостаточной компетентности участников коммуникации, коммуникативные помехи. В связи с этим представляется целесообразным выработать *критерии* для отбора терминологических заимствований в сферу фиксации принимающего (в нашем случае – русского) языка (ПЯ), которые опирались бы на способность заимзуемого термина к ассимиляции и укоренению в системе ПЯ.

Так, одним из признаков успешной ассимиляции термина представляется приобретаемая им способность изменяться в соответствии с грамматической парадигмой ПЯ. Термины, принадлежащие к этой группе (например, *маркетинг*, *аутсорсинг*, *трейдер*, *фьючерз*, *хэдхантер*, *хэдхантинг*, «черный» *нал*, «серая» *зарплата* и т. п.), не только заполняют в принимающем языке понятийные лакуны, но и успешно встраиваются в грамматику-синтаксическую систему ПЯ. Примечательно, что вхождение новых терминов в систему ПЯ происходит не только благодаря СМИ и Интернету, но и посредством профессионального сленга. Например, в качестве профессионализмов в русскоязычную терминосистему рыночной экономики заимствованы такие термины, как: *ресечер* (от англ. *researcher* в значении «сотрудник, который занимается поиском информации и кандидатов»; *бенефит* (от англ. *benefit* в значении «вознаграждение»; *плейсмент* (от англ. *placement* в значении «закрытая вакансия, или трудоустроенный сотрудник».

Другой признак успешного укоренения термина в системе ПЯ можно часто проследить, ориентируясь на его графическую форму. Например, термин *стартап* заимствован в русскоязычную термосистему из английского языка сравнительно недавно. Еще до перехода в состав русского языка данный термин был подвергнут субстантивации:

«start up (глар.) → è start-up (сущ.) → èstartup (сущ.)».

Примечательно, что непосредственно после перехода в систему русского языка данный термин отражался на письме преимущественно «через дефис», причем в двух вариантах: иногда с использованием кириллической азбуки, но чаще – *латиницы*: варианты *start-up* и *стартап* рассматривались на этом этапе как равноправные. Однако в более поздний период он стал употребляться, чаще всего, с использованием кириллической азбуки, попутно утратив дефис. В настоящее время нормой употребления рассматриваемого термина является форма *стартап*, которая, во-первых, «вписывается» в грамматическую парадигму русского языка, а, во-вторых, приобрела деривационный потенциал, присущий русскому языку (например, *стартапы*, *стартапер*, *стартапить* (разг.) и т. п.). Этот пример наглядно показывает характерные черты, присущие «полезному» терминологическому заимствованию.

В целом, на наш взгляд, к классу «**полезных**» заимствований можно причислить *терминологические единицы*, которые характеризуются: а) «*встроенностью*» в парадигму ПЯ; б) *обретением деривационного потенциала ПЯ* и в) *способностью к заполнению в ПЯ понятийных и переводческих лакун*. Обладающие этими свойствами единицы специальной номинации имеют, по-видимому, веские основания быть включенными в систему фиксации принимающего (в нашем случае – русского) языка.

В то же время существует целый ряд заимствованных терминологических единиц, дублирующих термины, которые уже существуют в системе принимающего языка. Так, термин *мерчандайзер* является, по сути, дублетом уже существующего в русском языке понятия «товароукладчик»; *инхаус* – дублет экономического понятия «внутрикорпоративный». Данная группа терминологических заимствований является, на наш взгляд, избыточной и вряд ли может считаться удачным решением для широкого употребления в русскоязычных текстах.

Наряду с этим в сфере рыночной экономики функционирует категория терминологических единиц, призванных заполнить собой понятийные лакуны, однако не способных на данном этапе развития языка полноценно адаптироваться к грамматической парадигме ПЯ. К данной категории принадлежит, например, термин *трейд-ин* в значении «акт сдачи старого товара в счет оплаты нового». Такие калькированные заимствования можно, по-видимому, рассматривать как своеобразные «переводческие костыли» – временное, вспомогательное, средство, способствующее экономии интеллектуальных усилий, но не решающее переводческую задачу принципиально. Избыточная доля заимствований, как правило, не благоприятствует развитию системы принимающего языка. Однако, учитывая тот факт, что многие англоязычные экономические понятия являются в гораздо большей степени дифференцированными и конкретизированными – по сравнению с понятиями, выраженными русскоязычными, условно эквивалентными им, терминам, целесообразность их введения в обиход носителей русского языка всё же представляется обоснованной.

Как отмечалось выше, одним из признаков целесообразности заимствования является способность нового термина заполнить существующую в ПЯ понятийную и переводческую лакуну. Потребность же в их заполнении возникает, как правило, в тех случаях, когда семантические поля уже существующего в ПЯ термина и его

самого близкого по значению потенциального эквивалента в языке-«доноре» серьезно расходятся. В качестве примера неполных соответствий семантических полей в сфере экономической терминологии рассмотрим термин *инвойс* (от англ. *invoice*), который употребляется в международной практике оптовых закупок для обозначения *информационного документа, содержащего полный перечень товаров и услуг, предоставляемых компанией*. Данный документ предусматривает предоставление исчерпывающей информации о товарах: полные наименования единиц продукции, подробные характеристики и цены. Практикой российского рынка наличие подобного документа до недавнего времени предусмотрено не было: ближайший аналог *инвойса* – *каталог* – оформляется обычно для привлечения розничных покупателей и носит рекламный, а не информационный характер. Кроме того, *инвойс*, в отличие от *каталога*, отправляется, чаще всего, по электронной почте – с целью заключения контракта о поставке товара. Другое отличие: целевую аудиторию *инвойса* составляют специалисты, владеющие технической и экономической терминологией, а целевая аудитория *каталога* – покупатели розничной продукции, не являющиеся, в массе своей, специалистами. Следовательно, слова *каталог* и *инвойс* нельзя считать понятийно соответствующими друг другу, и заимствование в русский язык термина *инвойс* соответствует критериям целесообразности.

Другим примером неполного семантического соответствия англоязычного термина и его ближайшего эквивалента из русскоязычной терминосистемы являются термины *аутплейсмент* и *трудоустройство*. В русскоязычной терминосистеме рыночной экономики многословное понятие *трудоустройство сокращаемых сотрудников, а также консультирование их по дальнейшему трудоустройству* лишь недавно было заменено на однословный термин *аутплейсмент*. Таким образом, семантическое поле англоязычного понятия *outplacement*, не совпадает с семантическим полем, выраженным русскоязычным термином «трудоустройство». Объем русскоязычного понятия «трудоустройство» намного шире, в то время как англоязычное *outplacement* более конкретизировано и ограничено определенной ситуацией: данный термин обозначает не просто «трудоустройство», а *трудоустройство при условии предварительного увольнения или сокращения сотрудника*.

К неполным понятийным соответствиям в области экономической терминологии следует отнести и такие термины, как **брокер** и **джеббер**, обозначающие посредников в проведении биржевых процессов. Хотя эти термины являются близкими по значению, они, тем не менее, передают разные нюансы профессии, связанной с торговлей ценными бумагами. Так, *джеббер* (от англ. *jobber*) не имеет непосредственного контакта с клиентами, в то время как функционал профессии *брокер* (от англ. *stockbroker*) подобную деятельность подразумевает. Кроме того, *джебберы*, в отличие от брокеров, занимаются перепродажей готовой нефтяной продукции. Вышеперечисленные отличия указывают на то, что понятия, выраженные данными терминами, не могут считаться эквивалентными.

Примечательно, что представители ряда других экономических профессий, участвующих в рыночной модели экономики, в русском языке имеют несколько наименований, практически дублирующих друг друга. Например, термин **провайдер** без потери значения можно заменить словом *поставщик*, а термин **девелопер** имеет полноценный эквивалент *застройщик*. Субъективная причина, нередко обуславливающая выбор в пользу употребления заимствованного дублета, заключается в распространенном стремлении к «более престижному» употреблению слов «иностранного» происхождения – по этим соображениям, русскоязычная терминологическая лексика в сфере экономики зачастую вытесняется англоязычной. Так, термин *аудит* практически полностью заменил привычную для русскоязычного восприятия лексику *проверка*; термин *дисконт* заменяет не только в специальных текстах, но и в текстах для общего употребления, лексику *скидка* и т. п. Однако, в целом, заимствования такого рода критериям целесообразности не отвечают.

Во многих случаях объективная причина тенденции к употреблению заимствованных терминов заключается в стремлении к экономизации языковых средств – т. е. к рациональной организации передачи смыслового содержания максимально экономными языковыми средствами. Очевидно, что для сохранения полноценной коммуникации при организации *плана выражения* приоритетным условием является сохранение *плана содержания*, или смысловая эквивалентность высказывания. При этом эффективность коммуникации повышается в случае выбора наиболее «экономных» средств выражения смысла. Например, однословный термин **лендинг** заменяет многословное

словосочетание *плата за разгрузку товара*; термин *аутрайт* (от англ. *outright* в значении «прямой») заменяет дефиницию *обменная форвардная валютная операция* и т. п.

Тенденция к «экономизации» языковых знаков в сфере рыночной экономики проявляется и в наличии большого числа аббревиатур. В силу несовпадения экономических реалий, на русский язык англоязычные сокращения передаются, как правило, через «переосмысление семантики». Так, юридический статус компании или предприятия, обозначаемый как *plc* (от англ. *public liability company*) переводится как *открытое акционерное общество*; юридический статус, выраженный аббревиатурой *llc* (от англ. *limited liability company*), передается в русскоязычных текстах как «ООО», или «общество с ограниченной ответственностью».

Наглядно, на наш взгляд, тенденция к экономизации языковых знаков проявляется в введении в обиход *инкотерминов* (от англ. *incoterms* – *International commerce terms*) – международной системы обозначений, введенной в 1936 г. Международной торговой палатой (*ICC – International Chamber of Commerce*) и используемой для регулирования коммерческих поставок. Данные термины представляют собой трехбуквенные аббревиатуры, обозначающие различные варианты обязанностей сторон (продавца и покупателя) по доставке товаров в пункт назначения. Так, инкотермин *DAP (Delivered At Point)*, обозначающий *доставку до пункта*, обязывает продавца нести риски и расходы по доставке товара до конкретного пункта, а инкотермин *DDP (Delivered Duty Paid)*, обозначающий *доставку с оплаченной пошлиной*, обязывает продавца нести риски и расходы на протяжении всего маршрута поставки. В целом, языковые единицы, принадлежащие к категории инкотерминов, позволяют выражать сложные экономические смыслы в максимально компрессированной форме [Слышкин 2019, с. 121].

Отметим, что после вхождения в состав русского языка, англоязычные термины достигают в новой языковой среде разной степени ассимиляции. Одним из признаков их успешной интеграции в состав ПЯ является способность к развитию значения в новой языковой среде. Так, термин *аутсайдер* (от англ. *outsider* в значении «посторонний») первоначально употреблялся в значении *брокер-непрофессионал, не являющийся членом биржи*. Позже этот термин вышел за пределы экономической терминологии, получив более широкое

значение: *спортсмен, занимающий одно из последних мест*. Результатом же дальнейшего расширения семантики стало употребление этого термина для обозначения *кого-либо или чего-либо, не выдерживающего конкуренции* [Кураков 2004].

В целом, границы между общеупотребительным языком и подязыком рыночной экономики являются достаточно «прозрачными», что допускает взаимообогащение обеих языковых систем. В качестве примеров заимствования из общеупотребительного языка в экономическую терминологию можно привести следующие словосочетания: *дочерняя компания (daughter company)*, *головная компания (parent company или mother company)*, *потребительская корзина (a bundle)*, *эффект домино (knock-on effect)* и многие другие лексемы.

Переход общеупотребительных слов, подвергнутых метафоризации, в экономическую терминологию, можно наблюдать и на примере наименования участников биржевой торговли, придерживающихся двух противоположных стратегий – *быки и медведи (bulls and bears)*. Этимология обоих терминов, заимствованных в начале XX в. в русскоязычную терминологию рыночной экономики, семантически мотивирована. Так, «быки» играют «на повышение»: покупают акции в период, когда цены на них падают, – в надежде на их дальнейший рост. «Медведями» же называют участников биржевых торгов, играющих «на понижение». Игроки этой категории покупают акции в долг, когда цены растут; долг же отдают акциями – в тот момент, когда цены на них достигают минимума. Таким образом, «быков», играющих «на повышение», можно уподобить одноименным животным, поднимающих противника «на рога». «Медведей» же можно сравнить с одноименными обитателями леса, «прибывающими» противника «к земле». В обоих случаях прослеживается метафоризация общезыковых лексем, с последующим их переходом в статус терминов [Слободян 2014].

К категории терминов, перешедших в специальный язык рыночной экономики из общеупотребительного языка, относится и метафорическое понятие *черный лебедь*. Отметим, что это словосочетание было заимствовано в систему языка рыночной экономики уже в своем метафорическом значении. Этимология данного понятия такова: до конца XVII в. орнитологи не подозревали о существовании черных лебедей, но в 1697 г. голландская экспедиция, возглавляемая Виллемом де Вламинком, обнаружила в Западной Австралии популяцию этих птиц. Благодаря этому факту, данное словосочетание стало

толковаться как *аномальное событие, которое нельзя спрогнозировать*. В состав экономической терминологии рассматриваемое понятие было введено американским публицистом и бизнесменом Нассимом Николасом Талебом, исследовавшего влияние непредсказуемых событий на благосостояние отдельного человека и общества в целом [Taleb 2007]. Успешная интеграция понятия *черный лебедь* в сферу экономики подтверждается его высокой востребованностью в СМИ экономической направленности [Исаев URL].

Примечательно, что этимология многих англоязычных терминов, заимствованных из общеупотребительного английского языка, прозрачна, а их семантика содержит элементы образности, в то время как русскоязычные эквиваленты этих элементов лишены, например: *cost-push inflation* (досл. 'инфляция, подталкиваемая издержками') и *demand-pull inflation* (досл. 'инфляция, которую тянет спрос'). Перевод первого из этих терминов на русский язык сопровождается, как правило, дефиницией: *инфляция издержек* (т. е. *инфляция, вызываемая уменьшением совокупного предложения в результате роста издержек производства*). Перевод же второго термина дается через толкование: *инфляция, вызываемая увеличением совокупного спроса* [Raitskaya 2007, с. 122]. Другой пример группы терминов с «прозрачной» англоязычной этимологией, имеющих этимологически «непрозрачные» русскоязычные эквиваленты, – это термин *a mutual* (досл. 'взаимовыгодный'). Русскоязычный эквивалент этого термина – *паевой инвестиционный фонд*. Эти примеры, очевидно, свидетельствуют о более ярко выраженной прагматической тенденции англоязычного LSP – свойстве, облегчающем включенность большей доли носителей английского языка в экономические процессы.

Помимо заимствования терминов из англоязычной терминосистемы рыночной экономики, источниками для пополнения русскоязычного одноименного подъязыка являются терминологические единицы из точных и естественных наук, а также – различных форм общественных отношений. Например: *перегретая экономика* – от англ. *overheated economy* (физ.); *экономика на масштабе* – от англ. *economy of scale* (мат.); *кривая спроса* – от англ. *a curve of demand* (мат.); *точка равновесия* – от англ. *an equilibrium point* (физ.) и т. п.

Процессы заимствования терминов из различных сфер науки и общественной жизни связаны, в основном, с интегративным характером экономической сферы. В свою очередь, это свойство оказывает

влияние на специфику подбора точного переводческого эквивалента. Так, при переводе текстов экономической тематики необходимо учитывать семантические связи между элементами в терминологических словосочетаниях. Наиболее распространенными переводческими приемами при переводе этих текстов являются: калькирование, транскрипция, транслитерация, подбор семантического или функционального эквивалента, описательный перевод, графическое копирование англоязычного термина, а также комбинация нескольких переводческих приемов.

Особенности понятийной стратификации в LSP рыночной экономики

Специфика становления современной русскоязычной терминосистемы рыночной экономики обусловлена и понятийной стратификацией, наблюдаемой в этой области. Поскольку окружающий мир и человеческое сознание обладают системообразующей организацией, это свойство присуще и сфере специальной коммуникации. Так, каждая предметная область экономической терминологии вписывается в другую область (большого уровня генерализации), которая, в свою очередь, «поглощается» сферой еще большего уровня обобщения. Например, система понятий *ценные бумаги* входит в систему понятий *фондовый рынок*, а та включена в предметную область финансовая деятельность. Последняя же из них является частью еще более обобщающего понятия – *рыночная экономика*.

Проведенный нами лингвостатистический анализ показал, что в подъязыке рыночной экономики выделить семантическое ядро, присущее именно этой предметной области, весьма проблематично: эта сфера человеческой деятельности настолько многоаспектна, что, возможно, имеются основания рассматривать ее как совокупность самостоятельных терминологических систем, таких как: 1) *общественно-политическая*; 2) *политэкономическая*; 3) *микроэкономическая*; 4) *макроэкономическая*; 5) *денежно-кредитная*; 6) *финансовая*; 7) *налоговая*; 8) *валютная*; 9) *фондового рынка*; 10) *маркетинга*; 11) *менеджмента* [Никулина 2009].

Однако анализ массива текстов на такие темы, как: 1) *социально-политические условия становления рыночной экономики*, 2) *проблемы налогообложения*, 3) *вопросы управления компанией* или отраслью показал, что почти в каждом из рассмотренных текстов

терминологическим ядром является некий «сплав», состоящий из общественно-политической, управленческой и общеэкономической терминологии, а все другие компоненты составляют «периферию». Причем при изложении информации в какой-либо узкой области (например, *ценные бумаги*), используется, как правило, лишь около 1/3 узкоспециальных терминов, а около двух третей от совокупности всех употребленных в текстах единиц специальной номинации составляют термины общеэкономического характера [Никулина 2009].

Кроме того, исследование показало, что в менее терминологически «зрелой» предметной области повествование ведется, как правило, в общефинансовых и общеэкономических терминах, с преобладанием многословных терминов-описаний. Иными словами, происходит «языковая компенсация» – ситуация, когда потребность в многословных терминах вызвана дефицитом узкоспециальных описательных средств. Причем многие комплексные единицы терминами, строго говоря, не являются – они, скорее, представляют собой толкования экономических понятий средствами «управленческой» и общеэкономической терминологии, например: *empowerment* – *расширение полномочий работника, связанное с предоставлением возможности принимать управленческие решения в области его компетенции*. Однако, по мере развития терминологии, описательные способы передачи понятий вытесняются более «экономными» (чаще, заимствованными) терминами.

В целом, «размытый» характер предметной области «рыночная экономика» заставляет задаться вопросом: а правомерно ли, в принципе, вести речь о существовании языка рыночной экономики? Возможно, логичнее было бы говорить лишь о существовании его составляющих – подязыков банковского дела, фондового рынка, маркетинга и т. п.?

Однако, учитывая преобладание лексики общеэкономического характера в подавляющем большинстве экономических текстов, все же более рациональным представляется рассматривать подязыки банковского дела, менеджмента и т. п. как подязыки LSP рыночной экономики, состоящие с ним в *партитивных отношениях*. В то же время представляется целесообразным разграничивать в словарях и справочниках экономическую терминологию каждого из названных подязыков, группируя термины по соответствующим разделам – в зависимости от их принадлежности к той или иной тематике. Также представляется рациональным маркировать вносимые в сферу фиксации термины как «стандартизированные», «стандартизируемые», «допустимые»

или «рекомендуемые». Подобная маркировка значительно упростила бы использование справочной литературы при переводе текстов экономической тематики.

Заключение

Итак, основные результаты исследования показывают:

1. В русскоязычном подязыке рыночной экономики номинация большого числа понятий обеспечивается за счет материальных знаков, заимствованных через транслитерацию и калькирование из англоязычной одноименной терминосистемы. Этот процесс нередко сопровождается эволюцией (конкретизацией или генерализацией) сигнификативного значения термина, а также – образованием новых терминов, с использованием деривационного потенциала русского языка.

2. Семантическое ядро подавляющего большинства текстов экономической тематики составляет «сплав», состоящий из терминологии общественно-политического, управленческого и общеэкономического характера, а узкоспециальные термины, как правило, в два раза менее частотны.

3. Многие термины перешли в LSP рыночной экономики за счет метафорического переосмысления общеупотребительных лексем.

4. В составе большого числа терминов, принадлежащих к терминосистеме рыночной экономики, присутствуют элементы образности, которые часто сохраняются при заимствовании в русскоязычную терминологическую систему. Однако в ряде случаев при переходе в ПЯ значение термина нейтрализуется.

5. Некоторые новые экономические реалии не успели интегрироваться в русскоязычную действительность настолько, чтобы получить соответствующие наименования – на современном этапе развития языка при их переводе с английского языка на русский допустимо прибегать к описательным приемам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вюстер Э. Введение в общую терминологию и терминологическую лексикографию. Нью-Йорк, 1999. [Vuster, E. (1999). Vvedeniye v obschuyu terminologiju i terminologicheskuyu leksikografiju (*Introduction into general terminology and terminological lexicography*). New-York. (In Russ.)].

- Исаев Н. «Черные лебеди» фондового рынка // Финансы на vc.ru. URL: www.kommersant.ru; <https://quote.rbc> (дата обращения: 12.08.2020). [Isaev, N. (*The «black swans» of the stock market*). *Finance on vc.ru*. 2020, August 12. URL: www.kommersant.ru; <https://quote.rbc> (дата обращения: 12.08.2020).
- Кураков Л. П., Кураков В. Л., Кураков А. Л. Энциклопедический словарь экономики и права. М.: Вуз и школа. 2004. [Kurakov, L. P., Kurakov, V. L., Kurakov, A. L. (2004). *Entsiklopedicheskij slovar ekonomiki i prava (Encyclopedic Dictionary of Economics and Law)*. Moscow: Vuz i shkola. (In Russ.)].
- Никулина М. А. Вариологический взгляд на терминологию, проблемы ее распространения и эквивалентности перевода в современных условиях: дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН. 2009. [Nikulina, M. A. (2009). *Variologicheskij vzglyad na terminologiyu, problem yeyo rasprostraneniya i ekvivalentnosti perevoda v sovremennyh usloviyah (The Variological View on Terminology, the Problems of its Expansion and Equivalency of its Translation in Modern Conditions)*: thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Никулина М. А. К вопросу о целесообразности англоязычных заимствований в русскоязычные терминологические системы «нового времени» // Вестник РУДН. Лингвистика. 2014. Вып. 2. С. 54–63. [Nikulina, M. A. (2014). *(The Variological View on Terminology, the Problems of its Expansion and Equivalency of its Translation in Modern Conditions)*. *Vestnik of the Russian University of Peoples' Friendship. Linguistics*, 2, (pp. 54–63). (In Russ.)].
- Слободян Е. Чем отличаются «быки» от «медведей» на бирже? // АиФ. 27.12.2014. URL: https://aif.ru/dontknows/file/chem_otlichayutsya_byki_ot_medvedey_na_birzhe (дата обращения: 25.08.2020). [Slobodyan, Y. (*What is the difference between «bulls» and «bears» at the stock exchange?*). *AiF*. 2020, August 25. URL: https://aif.ru/dontknows/file/chem_otlichayutsya_byki_ot_medvedey_na_birzhe (дата обращения: 25.08.2020)].
- Султанов А. Х. Слово и термин (пролегомены и философия имени). М.: РУДН, 2007. [Sultanov, A. Kh. (2007). *Slovo i termin (The word and the term)*. Moscow: RUDN. (In Russ.)].
- Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М.: Академический Проект, 2017. [Florensky, P. A. (2017). *U vodorazdelov mysli (At the watershed of the thought)*. Moscow: Akademicheskij Projekt. (In Russ.)].
- Слышкин Г. Г. [и др.] Legal English Essentials. М.: Проспект, 2019. [Slyshkin, G. G. et al. (2019). Moscow: Prospekt].
- Raitskaya, L., Cochrane, S. MacMillan Guide to Economics. Oxford: Macmillan, 2007.
- Taleb N. The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. USA: Random House, 2007.

УДК 8123

В. М. Середенко

кандидат филологических наук;
старший преподаватель 40 кафедры (Дальневосточных языков) Военного
Университета Министерства Обороны;
e-mail: lchi210@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНЫХ ПОЗИЦИЙ ЗАПАДНЫХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ШКОЛ

В статье автором рассматриваются важные для понимания специфики языковой картины мира особенности научных подходов к проблеме порождения речи зарубежных психолингвистических школ, дается подробный обзор работ самых видных представителей зарубежных психолингвистических школ, критически разбираются их основные тезисы; факторы, обусловившие их формирование. Особое внимание автором уделяется анализу существующих связей психолингвистики с различными науками, в частности психологией и языкознанием.

Ключевые слова: психолингвистика; психологические исследования; когнитивные процессы; лексические единицы; порождение и восприятие речи; генеративная грамматика.

V. M. Seredenko

PhD (Philology), Senior Lecturer of the 40th Department (Far Eastern languages),
Military University;
e-mail: lchi210@mail.ru

FEATURES OF SCIENTIFIC POSITIONS OF WESTERN PSYCHOLINGUISTIC SCHOOLS

In the article, the author considers the features of scientific approaches of foreign psycholinguistic schools that are important for understanding the specifics of the language picture of the world, gives a detailed review of the works of the most prominent representatives of foreign psycholinguistic schools, critically analyzes their main theses, factors that caused their formation. The author pays special attention to the analysis of existing connections of psycholinguistics with various Sciences.

Key words: psycholinguistics; psycholinguistics researches; cognitive processes; lexical units; creation and perception of speech; generative grammar.

Введение

В данной статье автор рассматривает проблему сущности и содержания психолингвистических процессов, связанных с порождением речи. Вышеуказанные процессы являются основным предметом

для изучения как отечественных, так и зарубежных ученых. В нашей работе представлены некоторые из наиболее распространенных моделей порождения речи.

Как наука психолингвистика появилась в 1953 г. в Соединенных Штатах Америки, ее неразрывно связывают с такими именами, как Ч. Осгуд, Дж. Кэрролл, Т. Сиобек, Ф. Лаунсбери – представители первого поколения психолингвистики; Дж. Миллер, Н. Хомский, Д. Слобин – представители психолингвистики второго поколения и представители третьего поколения или, так называемой новой психолингвистики – Джером Брунер и Дж. Верч.

Психолингвистика первого поколения

Психолингвистика Чарльза Осгуда (ассоцианистское направление) берет свое начало из бихевиаристской психологии языка. Он применяет новую методологию для исследования речевого общения, а именно – схемы анализа коммуникации, созданные в теории информации и кибернетики. В основе его теории лежат три компонента, а именно: бихевиоризм (психологический компонент), дескриптивная лингвистика (лингвистический компонент) и теория коммуникаций (математический компонент).

Ч. Осгуд рассматривает процесс порождения речевого высказывания в рамках теории уровней языка. Он выделяет четыре уровня: *мотивационный* (motivational level), *семантический* (semantic level), *последовательностей* (sequentional level) и *интеграционный* (integrational level).

Как и в любой другой деятельности, основой для речевой деятельности человека является необходимость передать информацию реципиенту. Обычно порождение высказывания обусловлено тем или иным мотивом, под влиянием которого, с одной стороны, принимаются стратегические решения (передавать сообщение или не передавать; если передавать, то в какой форме и т. д.), а с другой – формируется смысловой образ того, что намерен сообщить говорящий.

На следующем уровне происходит полное формирование семантического аспекта высказывания. Согласно научной концепции Ч. Осгуда, можно подразделить любое предложение на так называемые единицы кодирования, которыми являются не конкретные слова, а функциональносемантические классы слов. Процесс передачи

смыслов посредством их значения берет свое начало именно на семантическом уровне, формируется смысловая модель предстоящего высказывания, его глубинный образ.

Уровень последовательностей является этапом, в процессе которого рассматривается фонетический облик слова. В ходе данного этапа реципиент распознает звуковые последовательности, а также определяет интервалы между и внутри слов. Звуковое оформление происходит на интеграционном уровне.

Ч. Осгуд предложил модель, в которой предпринял первую попытку представить процессы порождения речи в общем виде. Суть ее заключается в следующем: в процессе коммуникации отправитель кодирует некоторое сообщение, которое посредством передатчика передается получателю через определенный канал связи. Необходимым условием является то, что кодирование и декодирование сообщения должны производиться на основе общего кода. В процессе передачи сообщения в канале связи могут возникнуть помехи, искажающие сообщение. Поэтому исходящее и полученное сообщения отличаются друг от друга [Осгуд 1963].

Изучению процесса порождения речи вероятностными зависимостями посвящено исследование Ф. Лаунсбери. В отличие от традиционного лингвистического подхода, суть которого заключалась в исследовании только формальных аспектов процесса порождения речи, Ф. Лаунсбери вводит такие понятия, как «первичные нелингвистические установки» и «нелингвистические реакции», соответственно, первые – порождают сообщения, а вторые – являются реакцией на них [Лаунсбери 1954].

По мнению Ф. Лаунсбери, качественное исследование «системы терминов родства» может быть осуществлено только с учетом *трех аспектов*, а именно – *референционного* (социальный контекст значения), *поведенческого* (реакция на сообщение) и *лингвистического* [Лаунсбери 1954].

Кроме того, Ф. Лаунсбери было введено такое понятие, как «паузы колебания» [Лаунсбери 1954], которые являются точками «наивысшей статистической неопределенности в последовательности единиц данного порядка». Эти точки соотносятся с началом единиц кодирования. В дальнейшем теория Ф. Лаунсбери получила свое развитие в трудах Фриды Голдман-Эйслер.

Психолингвистика второго поколения

Большой вклад в формирование американской психолингвистической школы внес знаменитый ученый Нозм Хомский (основатель течения генеративизма). Он предложил несколько моделей порождения речевого высказывания: стохастическую (вероятностную) модель и модель непосредственно составляющих, «сконструированные» им в соавторстве с Джорджем Миллером, а также порождающую модель, которую он четко сформировал в своем труде «Синтаксические структуры» (1957) и которая впоследствии была им несколько раз дополнена и переработана.

В стохастической модели важную роль играет не отдельный элемент (фонема, слово), а определенная последовательность данных элементов. Таким образом, наличие предшествующих элементов определяет вероятность появления последующих новых элементов в речевой цепи. Некоторые исследования действительно показали соотношение словесных ассоциаций и процесса речепорождения. Однако впоследствии учеными была доказана несостоятельность данной модели, оказавшейся не в состоянии интерпретировать процесс порождения связной речи. Также можно причислить к стохастическим моделям и «грамматики с конечным числом состояний» [Хомский 1957], к наиболее отличительным чертам моделей данного типа можно отнести их четкую зависимость между последовательно появляющимися грамматическими классами.

Более сильной порождающей моделью является модель непосредственно составляющих (далее – НС). В модели НС обычно выделяется два направления в которых идет порождение речи: слева направо (как в русском и английском языках) и «сверху вниз» (как в турецком и японском языках). Таким образом, первым шагом порождения должно быть вычленение какого-либо сочетания, определяемого знанием структуры предложения в целом и не выводимого стохастическим путем.

Что касается порождающей модели то вместо традиционной модели описания языка, Н. Хомский предложил другую модель, которая представляла собой систему правил, следуя которым становится возможен синтез и анализ предложений.

По мнению Н. Хомского, каждый человек от природы наделен определенной лингвистической креативностью, благодаря которой

он способен, с помощью системы грамматических правил, не только «конструировать» бесчисленное множество предложений, но и понимать их. При этом следует учитывать то, что грамматически правильными могут быть и предложения, лишённые всякого смысла.

Также в рамках трансформационного анализа Н. Хомский вводит два понятия: глубинной и поверхностной структур предложения. Глубинная структура играет смыслоформирующую роль, тогда как поверхностная – реализует данный смысл посредством звуков.

Согласно научному воззрению Н. Хомского, существуют определённые правила, обуславливающие переход глубинной структуры в поверхностную. Н. Хомский также предложил 26 правил трансформации. Всё вышеперечисленное и является, в рамках трансформационно-грамматической теории, врожденной способностью к производству языка.

Внутренняя структура модели Н. Хомского состоит из синтаксического, семантического, фонологического и прагматического компонентов. В дальнейшем исследования семантического компонента продолжили в своих трудах Дж. Кац и Дж. Фодор [Кац, Фодор 1963]. Согласно их теории, семантический компонент можно рассматривать как совокупность двух звеньев: лексикона и правила соотнесения лексикона с грамматической структурой. Данная структура может быть расширена, поскольку лексикон, в свою очередь, состоит из двух элементов: грамматического, который непосредственно генерирует часть речи, и семантического, который обеспечивает семантику речи. Таким образом, перед тем как получить семантическую интерпретацию субъектом речевой деятельности, слово должно быть предварительно идентифицировано как некая часть речи. Кроме того, в некоторых случаях подразумевается использование, организованных в иерархическом порядке, семантических маркеров. На поверхностном уровне порождения речевого высказывания интерпретацию результатов действия синтаксического компонента также облегчает фонологический компонент. Соотнесение грамматической структуры с языковым контекстом обеспечивается прагматическими правилами порождения речевого высказывания.

В своей критике модели Н. Хомского Дж. Кэрролл отметил тот факт, что обуславливающий порождение высказывания психологический механизм в некоторых случаях не превосходит по сложности механизм ядерного предложения. Важными факторами являются: реальное предметно-логическое содержание, которое выражает говорящий, а также его мотивация.

Д. Уорт, который также выступал с критикой в адрес моделей Н. Хомского, отмечал факт совмещения линейных и нелинейных правил построения высказываний в «трансформационной грамматике». Таким образом, фактор определения порядка компонентов высказывания включается в модель на ее самых ранних этапах. Тем не менее Д. Уорт замечал, что линейный порядок элементов может формировать факторы, находящиеся вне данного предложения, например в таких случаях, когда «актуальное членение» предложения не совпадает с его синтаксической структурой. Кроме того, формирующие факторы, даже если находятся в данном предложении, могут быть еще неизвестны говорящему на конкретном этапе речепорождающего процесса. Например, в русском языке, выбор порядка «следования» подлежащего и сказуемого иногда зависит от конкретных лексем (или, точнее, их классов) [Уорт 1964].

Теория трансформационной грамматики оказала решающее влияние на формирование американской психолингвистики, хотя в отечественной науке, которой чужд сам формальный подход к языку, эта модель не нашла своих последователей.

Свой вклад в концепцию процесса речепорождения внес В. Ингве. Им было введено понятие грамматических обязательств, «теория глубины». Согласно данной теории, произнося слово, говорящий берет на себя обязательство употребить данное слово в определенном роде, числе, падеже. По ходу «рождения» предложения, старые обязательства постепенно заменяются на новые, и к концу предложения говорящий окончательно «рассчитывается» по этим обязательствам. В своих трудах В. Ингве отмечал, что несмотря на то, что в английском языке не существует таких грамматических правил, которые бы ограничивали количество гнездовых зависимостей в предложении, но ввиду того, что предложения производятся человеческими существами с ограниченным объёмом непосредственной памяти, то существуют психологические пределы. В этой связи, предложения с несколькими гнездовыми зависимостями не употребляются, даже несмотря на то, что они не противоречат правилам грамматики. Рассматривая разницу между гнездовыми и открытыми цепными конструкциями, с точки зрения простоты их понимания, В. Ингве пришел к выводу о том, что в первом случае предложение планируется в том порядке, в каком оно будет высказано, тогда как во втором – предложение хранится в памяти в наиболее возможно краткой и удобной форме. Разработка

тактических деталей Плана происходит при минимальных требованиях к памяти говорящего [Ингве 1960]. Модель В. Ингве послужила основой многим западным и отечественным исследованиям процессов порождения и восприятия речи.

Не только американские, но и отечественные ученые опирались на модель В. Ингве при исследовании процесса восприятия речи, а также усвоения ребенком родного языка.

Психолингвистика третьего поколения

Оригинальную модель речепорождения предложил И. Шлезингер. Им было введено такое научное понятие, как «семантические пары», лежащие в основе данной модели и объединенные определенными характеристиками, которые были охарактеризованы им как «протовербальные элементы».

Согласно теории И. Шлезенгера, коммуникативный центр речевого высказывания может быть определен с помощью соответствующего компонента речевой модели, данный процесс был обозначен им как «коммуникативное взвешивание». Также И. Шлезингер в своих трудах подчеркивал значимую роль невербальных когнитивных структур и их взаимосвязь с протовербальными элементами. Иными словами, протовербальные элементы являются результатом процесса коагуляции (процесса выбора из банка знаний того, что хочет выразить коммуникант в процессе речевого общения) [Шлезингер 1971].

В результате экспериментальных исследований, проведенных в рамках моторной теории восприятия высказывания такими зарубежными психолингвистами, как Р. О. Якобсон, Г. Моля, М. Халле, К. Стивенсон, было доказано, что минимальной единицей процесса восприятия речи является слово, а не звук или слог. Согласно теории Г. Моля, отдельные фонемы последовательно не идентифицируются слушающим в речи, но им определяются и воспринимаются отдельные слова, т. е. значащие звуковые единства.

Рассматривая модель Р. О. Якобсона, можно выделить такие понятия, как *участники процесса коммуникации* (адресант и адресат) и *сообщение* (код), контекст которого тесно связан с информацией передаваемой его содержанием, а контакт – с регулятивным аспектом коммуникации [Якобсон, 1975].

В рамках лингвистики Пражской школы данная модель демонстрирует предназначение и функции языка. В современной

социолингвистике модель Р. О. Якобсона используется для описания коммуникативных процессов. В отличие от воззрений швейцарского ученого Фердинанда де Соссюра, предлагавшего изучать язык «в себе и для себя», эта модель рассматривает не только сам язык, но и коммуниканта.

Заключение

Изучив особенности воззрений ученых западных психолингвистических школ на проблему порождения высказывания, мы можем отметить, что в западной психолингвистике процесс порождения речевого высказывания и речевая деятельность в целом рассматривается как многоуровневый процесс, в котором порождение высказывания обусловлено мотивом, под влиянием которого формируется смысловой образ того, что намерен сообщить говорящий, на основе чего происходит формирование семантического аспекта высказывания, процесс выражения смыслов через значения, формируется смысловая модель предстоящего высказывания, его глубинный образ. Согласно выводам западных исследователей, человек в процессе порождения высказывания, имея перед собой некоторый образ того, что хочет сказать, в процессе реализации плана своей речи действует методом проб и ошибок, контролирует свою речь и в случае ошибочного действия производит исправление слов и фраз, что в дальнейшем сказывается на качестве всего выступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ворт Д. С. Об отображении линейных отношений в порождающих моделях // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 16–58. [Worth, D. S. (1964.) (*About the representation of linear relations in generative models*). *Questions of linguistics*, 5, 16–58. (In Russ.)].
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // «Структурализм: «за» и «против»: сб. науч. тр. М., 1975. С. 28–36. [Yakobson, R. O. (1975). (*Linguistics and poetics*). (28–36). *Structuralism: «for» and «against»*. Moscow. (In Russ.)].
- Chomsky, N. *Syntactical Structures*. The Hague: Mouton, 1957.
- Katz, J. & Fodor, J. A. The structure of semantic theory // *Language*. 1963. Vol. 39 (2). P. 1.
- Lounsbury, F. Transitional probability, linguistic structure and systems of habit-family hierarchies // *Psycholinguistics*. Bloomington, 1954.
- Osgood, C. E. *Psychlinguistics* // *Psychology: a Study of a Science* / S. Koch (Ed.). Vol. 6. New York, 1963.

Schlesinger, I. M. Production of utterance and language acquisition // The Ontogenesis of Grammar. New York, 1971.

Victor, Ingve. A Model and an Hypothesis about Language Structure // Proceedings of the American Philosophical Society. 1960. Vol. 104. P. 444–466.

УДК 81.373

А. Е. Соловьева, Т. Г. Шишкина

Соловьева А. Е., преподаватель кафедры иностранных языков филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина в г. Сызрань;
аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: sandraS91@yandex.ru

Шишкина Т. Г., кандидат филологических наук;
доцент кафедры теории преподавания иностранных языков
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: tashishkina@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ СОВЕТСКОГО ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА АНГЛИЙСКОЙ ВОЕННО-АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Специальная лексика и ее особенности являются одной из наиболее актуальных тем в современной науке. Несмотря на большое количество публикаций, ряд вопросов так и остался нерешенным. Терминоведение, в рамках которого и анализируется специальная лексика, представляет собой относительно молодое направление в лингвистике. Его начало многие связывают с публикацией трудов австрийского ученого Ойгена Вюстера, который стал основоположником австрийской школы в терминоведении. Кроме нее выделяют чешскую, франко-канадскую и советскую школы. Цель данной статьи – рассмотреть теоретические положения, разработанные советскими учеными и выбрать из них те, которые следует применить при исследовании военно-авиационной терминологии. Достижение этой цели сводится к реализации следующих задач: 1) выделить аспекты анализа ключевых понятий терминоведения; 2) рассмотреть эти понятия в каждом аспекте; 3) определить, какие научные идеи применимы и наиболее значимы для исследования военно-авиационной терминологии. Основными методами исследования являются анализ и дедукция. Результатом исследования стала теоретическая база – основа, совокупность концепций, применимых для анализа английских терминов военной авиации.

Ключевые слова: терминоведение; советское терминоведение; терминология; английская военно-авиационная терминология; термин.

A. E. Solovieva, T. G. Shishkina

Solov'eva A. E., Lecturer at the Department of Foreign Languages of the Zhukovsky–Gagarin Air Force Academy (Branch) in Syzran, Post-graduate Student of Lomonosov Moscow State University; e-mail: sandraS91@yandex.ru

Shishkina T. G., PhD (Philology), Associate Professor at The Department of Theory of Foreign Language Teaching of Lomonosov Moscow State University;
e-mail: tashishkina@yandex.ru

THE IMPORTANCE OF THEORETICAL CONCEPTS OF SOVIET TERMINOLOGY STUDIES FOR ANALYZING ENGLISH MILITARY AVIATION TERMS

Special lexical units and their characteristics is one of the most relevant topics in modern science. Although a great number of papers on this topic have been published, many questions have remained unanswered. Terminology studies, within the framework of which special vocabulary is studied, is a relatively new branch of linguistics. Its origin is related to papers of Eugen Wuster, Austrian scientist who is considered to be the founder of Austrian school in terminology studies. Besides Austrian school there are Czech, Canadian and Soviet schools.

This article deals with concepts of Soviet scientists. The main objectives of the research are to specify aspects of analysis of key notions in terminology studies, to take a closer look at these notions in each aspect, to decide what ideas and concepts are relevant for military aviation terms. The main methods of research are analysis and deduction. The result of the research is the set of ideas relevant for English military aviation terminology.

Key words: terminology studies; Soviet terminology studies; terminology; English military aviation terminology; term.

Введение

Любое научное исследование должно строиться на определенной теоретической базе. Выбор тех или иных научных основ определяется степенью их разработанности, теоретической и практической значимостью, признанием со стороны научного сообщества. В силу того, что советская школа терминоведения считается ведущей по значимости и масштабам исследований, именно ее теоретические положения будут рассмотрены в данной статье.

Научные взгляды советских ученых в контексте исследования военно-авиационной терминологии

В анализе ключевых понятий терминоведения можно выделить несколько аспектов: филологический, функциональный, стилистический и диахронический [Татаринов 1995]. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Суть исследования специальной лексики в филологическом аспекте заключается в установке на изучение ее филологических свойств, т. е. с позиций литературоведения, исследования языка произведений художественной литературы.

Данное исследование сводится к трем направлениям:

- взаимодействие терминов с общеупотребительной лексикой;
- функционирование терминов в художественных и публицистических текстах;
- переход термина из специальной лексики в общеупотребительную.

В рамках филологического подхода к изучению терминов стоит отметить деятельность Н. В. Юшманова, который говорит о большом вкладе в развитие русского литературного языка в развитие политической и технической терминологии. Его работа «Грамматика иностранных слов» является одной из самых известных в контексте филологического изучения терминологии. В ней он анализирует структуры слов во всех аспектах, начиная с фонетики и заканчивая синтаксисом, а также касается вопроса упорядочения терминов. Оценивая содержательную сторону термина, автор считает, что языковые средства при создании термина – это «только намек». «Содержание данной специальности» определяет весь смысл термина. В связи с этим более важными, по мнению Юшманова, являются процессы, в которых задействовано изменение содержательной стороны термина (сгущение значения в термине, многозначность, расширение понятия, сужение понятия, перенос понятия, переосмысление). Н. В. Юшманов знаменит также своим высказыванием о двустороннем соответствии термина и его места в системе: «зная место – знаешь термин; зная термин – знаешь его место» [Юшманов 1939]. Большой интерес для исследователей терминологии в филологическом аспекте представляют работы А. И. Ефимова. Он считает, что наблюдение за созданием и функционированием терминологической лексики в произведении художественной литературы дает возможность исследовать особенности семантических процессов, происходящих в языке. Кроме того, Ефимов рассматривает процессы терминологизации и детерминологизации. Слово становится общеупотребительным после обработки в беллетристических или публицистических текстах. В то же время автора интересует вопрос, какие термины проникают в беллетристику. Ответ звучит так: термины в художественных произведениях служат для характеристики персонажей. Благодаря метафоризации термина создаются дополнительные образы, употребление же термина в своем значении обеспечивает создание профессионального образа.

В своей книге «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» А. И. Ефимов пишет о важности контекста для терминологической лексики

и призывает изучать новые смысловые оттенки, которые «наслаиваются» на существующие терминологические значения [Ефимов 1953].

Осознанное отношение к проблеме взаимодействия терминологической и общеупотребительной лексики отличает статью Л. А. Капанадзе «Взаимодействие терминологической и общелитературной лексики», где автор выступает и как терминолог, и как филолог. При этом категория взаимодействия терминологии с общеупотребительной лексикой рассматривается в русле филологии.

В статье выделяется четыре сферы описания данной проблемы:

- образное употребление терминов;
- переход терминов в общелитературный язык;
- детерминологизация;
- влияние терминов на разные уровни языка.

Капанадзе установил, что термины входят в общелитературный язык через разговорную речь из новых отраслей науки, а не посредством публицистики. Автор подмечает изменения, которые происходят с терминами при взаимодействии с общелитературной лексикой. В ряде случаев такое взаимодействие приводит к очевидным морфологическим сдвигам [Капанадзе 1965].

Следует подчеркнуть, что филологический аспект в исследованиях терминологии сформировался и продолжает развиваться как самостоятельное направление в науке. В изучении сущностных характеристик термина данное направление имеет значительные достижения, несмотря на доминирование аксиологических подходов и взглядов на термин и очевидное стилистически – литературоведческое «любование» термином как культурологической категорией. Основываясь на свойствах термина, которые филологи находят в процессе изучения специальной лексики, можно сделать ряд выводов. Термин – это слово в профессиональной речи, которое тесно взаимодействует с общелитературной лексикой. Термины не только отражают специальные понятия, но и имеют культурную ценность. Развитие терминологии и ее взаимодействие с общеупотребительной лексикой отражает процессы языкового становления, формирования новых языковых систем и их изменения.

Далее рассмотрим описанные выше положения в контексте исследования военно-авиационной терминологии.

Утверждение Н. В. Юшманова о том, что содержание некоторой специальной области знания определяет весь смысл термина можно

считать верным, но с некоторой оговоркой. Смысл авиационных терминов, безусловно, определяется содержанием области «военная авиация», но это всего лишь одна сторона. Помимо нее, следует учитывать процесс профессиональной коммуникации, особенно тип его участников. Эти участники могут быть как специалистами в данной области, так и неспециалистами. Смысл термина и его глубина в условиях профессионального общения напрямую связаны с уровнем профессиональной подготовки коммуникантов. Так, для неспециалиста в военной авиации *helicopter* (*вертолет*) – это машина, полет которой осуществляется за счет силы, создаваемой винтами. Для специалиста же *helicopter* (вертолет) – винтокрылый летательный аппарат вертикального взлета и посадки, у которого подъемная сила и тяга на всех этапах полета создается одним или несколькими несущими винтами с приводом от одного или нескольких двигателей [Энциклопедия «Авиация» 1994].

В контексте работ Л. А. Капанадзе и А. И. Ефимова относительно военно-авиационной терминологии можно сказать следующее:

– процесс перехода терминов в общеупотребительную лексику на данном этапе исследования прослеживается недостаточно отчетливо. Такие термины, как *helicopter* (вертолет), *aircraft* (летательный аппарат) присутствуют в общелитературном языке. В то же время значительное количество терминов, например: *avionics* (авионика), *landing gear* (ВПУ), *maximum takeoff weight* (максимальный взлетный вес) являются частью исключительно подъязыка авиации [Глоссарий Совета 2012];

– случаи употребления авиационных терминов в художественной литературе для характеристики персонажей на текущей стадии анализа не выявлены.

В аспекте взаимодействия общеупотребительной и специальной лексики представляется интересным проверить утверждение Капанадзе о том, что термины входят в общелитературный язык посредством публицистики, а через разговорную речь.

Выделение функционально-стилистического аспекта исследования терминологии обусловлено наличием в этом аспекте специфического терминологического предмета анализа – своеобразие терминологии как составляющей языка науки и техники и как компонента соответствующих подъязыков. В рамках данного направления было опубликовано весьма значительное количество работ. Некоторые из них стали своего рода классикой по проблемам профессиональных

языков. Именно к таким работам относится статья Л. В. Успенского «Материалы по языку русских летчиков», которая, помимо собственно научных взглядов автора, включает обширный словарь профессиональных терминов и выражений летчиков.

Успенский выдвигает два теоретических положения. Первое заключается в том, что проблема неологизмов, словопроизводства неразрешима без учета профдиалектических материалов. Они могут дать богатейший набор примеров для разработки темы о языковой метафоре. Второе положение состоит в необходимости описать взаимодействие книжных слов и просторечной лексики в специальном языке [Успенский 1936]. Автор настойчиво подчеркивает, что язык русских летчиков носит интернациональный характер. В то же время он замечает термины, образованные на основе русского языка. В языке летчиков он видит тенденцию снижения важности арготизмов, упрочнения позиций профессионализмов и переход их в письменную речь. Кроме того, Успенский выделяет еще одну тенденцию: параллельно с созданием точных терминов создаются и экспрессивные дублеты. Важно и то, что автор выявляет метафоризации одного и того же слова и подтверждает их примерами изменения синтагматики слов при соответствующих семантических изменениях.

С функционально-стилистической точки зрения особый интерес представляет пятая глава книги В. М. Жирмунского «Национальный язык и социальные диалекты», которая носит название «Профессиональная лексика, жаргоны, арг» в которой отвергается понятие «профессиональный язык» и предлагается вести речь исключительно о профессиональной лексике. Формирование языков «ремесел» начинается, по мнению Жирмунского, в период доклассового общества. Региональные профессиональные языки стали приобретать черты национальных языков во времена зарождения капитализма. В книге говорится о том, что однозначность терминологии является мнимой, что образные выражения и видовые наименования преобладают, что профессиональные терминологии проникают в общелитературный язык [Жирмунский 1936]. Как можно заметить, в работах В. М. Жирмунского, Л. В. Успенского только интуитивно предполагается существование языка науки и техники. Подобные работы представляли собой переходную ступень от общефилологического и общекультурологического восприятия художественного и научного текста в их сопоставлении с научной оценкой языка и стиля научных произведений.

Работа Г. В. Степанова «О художественном и научном стилях речи» была одной из первых, где научный стиль предстает как предмет научного исследования. Размышляя о стилевой дифференциации языка, автор придерживается точки зрения о взаимообогащении научного и художественного стилей [Степанов 1954].

Особое место в исследовании научного стиля языка занимает книга Р. А. Будагова «Литературные языки и языковые стили», одна из глав которой так и называется «О научном стиле изложения». С публикацией данной книги стал очевидным тот факт, что категория «терминология и научный стиль / язык науки» прочно закрепились в языкознании. Будагов рассуждает о том, что научному языку со стороны ученых уделяется недостаточно внимания и рисует сложный путь становления научного стиля в национальных языках. Как пишет Р. А. Будагов, особенностью научного стиля является наличие научной лексики. Однозначность термина при этом является и характеристикой некоторых сторон научного стиля. В противовес Т. Сейвори, автор считает такие параметры научного стиля, как «необщедоступность изложения» и его «холодность» относительными. Больше всего Будагова волнуют причины так называемого трудного научного стиля, который или только зарождается, или используется неопытными учеными. Следствием этого является бездумное заимствование терминов из других наук, «размывание» значений терминов и т. д. Трудности понимания терминов, по мнению Будагова, заключаются в том, что они не только имеют некоторое определенное значение, но и взаимодействуют с другими терминами, которые использует данная наука. В связи с этим постоянно происходит дифференциация понятийных систем, их перераспределение.

Термины соотносятся как с системой понятий, так и с языковой системой. Это требует осторожности при введении в научный стиль новых терминов. Свои размышления о специфике научного стиля Р. А. Будагов заканчивает обсуждением точности научного стиля. Он говорит, что подобно другим стилям, научному необходимо многообразие лексики, «подвижность стилистических фигур и интонационных оборотов» [Будагов 1967].

С 1959 г. в языкознании формируется понятие подязыка. Разработка теоретико-методологической базы данного понятия рассматривается в книге Н. Д. Андреева «Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении». В ней автор анализирует общие закономерности языка науки и техники, а также особенности

терминологии в рамках отдельных подязыков. Подязык Андреев определяет как «набор языковых элементов и их отношений в текстах с однородной тематикой». Он считает, что специфика подязыков видна уже на уровне интуитивной статистики [Андреев 1967]. Интересны замечания автора по поводу однозначности и точного определения термина. Он полагает, что если считать исходными именно эти категории, то слова *из-под*, *завтра*, *оранжевый* будут терминами, а слова *множество* и *вероятность* в разряд терминов не попадут. В связи с этим вводятся статистические понятия «относительное вхождение» и «удельная специфичность», которые снимают необходимость использовать категорию однозначности при отборе терминов. В своей книге автор представляет основанную на статистической обработке методику группировки текстов по минимальным подязыкам.

Статья «О некоторых общих аспектах изучения языков науки» П. Н. Денисова подводит итог первым дискуссиям о языке науки. В ней автор вводит проблематику языков науки в сферу социолингвистики, психолингвистики и логико-лингвистических исследований. В статье также предпринимается попытка рассмотреть эволюцию языка науки на примере математики, физики, химии, логики и биологии. При этом автор склонен выделять вербальный элемент в языках этих наук как непреходящую ценность, и признает присутствие в них систематичности обозначений, некой символичности и определенной доли искусственности [Денисов 1969].

Таким образом, в исследовании терминологии наличие и самостоятельность функционально-стилистического направления является очевидным. Само изучение языка науки не имеет пока четкого определения в контексте статуса этого направления в лингвистике. Подходы к исследованию этой проблемы в XX в. были достаточно разнообразными: от полного отрицания языка науки и профессиональных языков до утверждения научного стиля через признание стилистической специфики научной литературы. Исследователи пришли к выводу, что терминология является компонентом речи и не существует автономно, сама по себе.

В функционально-стилистическом аспекте категория однозначности также находилась в центре внимания. Высказывалась мысль, что необходимость дискуссии об однозначности термина при использовании категорией подязыка и смежными с ней понятиями отпадает. С гносеологической точки зрения возникновение крайностей в ходе

дискуссий имело положительный эффект: происходило движение к наиболее полному пониманию сущности термина (вопрос об однозначности и ее оценке), его места в научном познании как вербального выражения понятий, а также места в языке (в научно-техническом подязыке и в общелитературном языке).

В ключе военно-авиационной терминологии отрицание Жирмунским понятия «профессиональный язык» кажется несостоятельным. Исследование подтвердило, что эта терминология представляет собой не просто набор профессиональных лексических единиц, а является частью языка военных летчиков с присущими ему законами и особенностями.

В функционально-стилистическом аспекте из всех вышеперечисленных работ в контексте исследования военно-авиационных терминов наибольшую ценность представляет работа Л. В. Успенского «Материалы по языку русских летчиков», которая является классической по проблемам профессиональных языков. Утверждение Успенского о том, что создание точных терминов одновременно сопровождается изобретением экспрессивных дублетов к ним справедливо для английской авиационной терминологии, но лишь отчасти. Исследование показало, что дублеты *helo* и *copter* [Rotor and Wing URL] (вертушка) возникли практически в то же время, что и термин *helicopter* (вертолет). Другой экспрессивный вариант *chopper* [Rotor and Wing URL] появился и получил распространение значительно позже. В данной терминологии значительная часть единиц и вовсе не имеет экспрессивных аналогов, например такие термины, как *cruise speed* (крейсерская скорость), *maximim takeoff weight* (максимальный взлетный вес) [Глоссарий Совета 2012].

Исследования понятий «термин» и «терминология» в диахроническом аспекте важны для ряда специалистов. Они интересны как специалистам, которые занимаются стандартизацией терминологии для прояснения перспектив развития специальной лексики, так и специалистам в области теории познания, поскольку от знания истории языка науки во многом зависит знание истории самой науки. Исторические данные о терминологии способствуют лучшему осознанию и пониманию сущности термина, его специфики как лексической единицы. Если рассматривать терминологию как наиболее подвижный пласт лексики, то ее изучение на относительно коротких промежутках времени дает возможность проследить тенденцию развития языка в целом, его использование в литературе и формы вхождения в сферу культуры общества.

Первой обобщающей работой по истории технической терминологии стала статья В. Н. Кострова «Из истории русской технической терминологии». Она примечательна тем, что в ней автор рассматривает не только собственно терминологию, но и процесс организации терминологической деятельности, хронологию терминоведческой рефлексии. Свое исследование Костров начинает с анализа процесса зарождения технической терминологии в русском языке, полагая, что термин и его качества в неразрывной связи с понятием начали рассматривать только с начала XIX в. [Татаринов 1995].

Собственно диахроническими исследованиями терминологии стали работы Л. Л. Кутиной «Формирование терминологии физики в России» и О. Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках». В книге «Формирование терминологии физики в России» Л. Л. Кутина приходит к выводам, которые еще долгое время будут актуальными. Формирование терминологии происходит, в основном, за счет возникновения для каждого понятия серии обозначений – аналогов. Эти ряды являются результатом взаимодействия «разнообразных языковых и внеязыковых факторов». Интерес также представляют собой следующие теоретические положения автора. Вариантность в научном языке получила широкое распространение. Именно диахроническое исследование терминологии позволяет разделить понятия вариантности и синонимии. Кутина выделяет ассоциативную вариантность, вариантность по признакам общее / частное, словообразовательную и фонетико-морфологическую вариантность. К вопросу о месте терминологии в системе национального языка автор подходит следующим образом: «Язык новой науки, возникая на базе общего национального языка, тесно связан с ним и зависит от совершающихся в нем движений и перемен <...>. Как раз язык науки и его терминологии дают интереснейшие свидетельства о языке своего времени и тех связях, которые организуют его лексическую систему». Она утверждает, что изучение развития терминосистем – это изучение тенденций развития литературного языка [Татаринов 1995].

В книге О. Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках» терминология рассматривается как нечто, что имеет так называемую архаизирующую функцию, т. е. отражает предшествующее состояние реалий. Отсутствие однозначности и строгости у ремесленных терминов объясняется ее народным характером. С помощью диахронического анализа представляется возможным разграничить

слова, употребляемые в роли терминов от изначально существовавших терминов. Необходимо различать временные и исконные термины. Последние являются определяющими в развитии терминологии [Трубачев 1966].

Л. И. Божно в своей статье «Научно-техническая терминология как один из объектов изучения закономерностей развития языка» исходит из признания терминологии компонентом языковой системы. Для характеристики специфических проявлений в закономерностях развития терминологии он вводит понятие «многостороннее использование языковых средств». Божно показывает все возможные варианты использования языкового материала при создании термина: терминологизация слов общего языка, межотраслевые заимствования, повторная терминологизация и др. [Божно 1971]. Еще одна закономерность в развитии технической терминологии обозначается как «закон сокращения избыточной части коммуникативных сообщений». Автор переносит «принцип экономии» на словообразовательные процессы в терминологии.

В контексте исследования военно-авиационной терминологии имеет смысл обратить пристальное внимание на идеи Л. Л. Кутиной, О. Н. Трубачева и Л. И. Божно. На основе теоретических положений Кутиной возможно разделение вариативности и синонимии в военно-авиационной терминологии. Исследование показало, что термины *cruise speed* и *cruising speed* (крейсерская скорость) [Глоссарий Совета 2012] с высокой степенью вероятности являются примером морфологической вариантности.

По мнению Трубачева, в терминологии военной авиации могут быть выделены определяющие ее развитие исконные термины, например, *wing* (крыло), *body* (фюзеляж) [Helicopter Flying Handbook URL].

На основании рассмотренных Божно вариантов использования языкового материала при создании терминов в военно-авиационной терминологии можно выделить единицы, образовавшиеся в результате:

- терминологизации слов общего языка (*range* в общем языке – «ассортимент» [Cambridge dictionary URL] → *range* в авиации – «дальность летательного аппарата» [Глоссарий Совета 2012], → *blade* в общем языке «лезвие» [Cambridge dictionary URL] → *blade* в авиации – «лопасть винта» [Глоссарий Совета 2012]);

- в результате межотраслевых заимствований (*powerplant* в гидроэнергетике «гидроэлектростанция» [Словарь Мультитран URL] →

powerplant в авиации – «силовая установка» [Глоссарий Совета 2012], *rotor* в автомобилестроении «тормозной диск» [Словарь Мультитран URL] → *rotor* в авиации – «несущий винт») [Глоссарий Совета 2012].

Заключение

Таким образом, в рамках советской школы терминоведения был выработан ряд теоретических положений, которые оказали существенное влияние на развитие не только российской, но и мировой науки о языке. Эти положения легли в основу исследования различных терминосистем и, в частности, терминосистемы военной авиации. Для последней особую важность приобретают работы и идеи Л. А. Капанадзе, Л. В. Успенского, Л. Л. Кутиной, О. Н. Трубачева и Л. И. Божно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л.: Наука, 1967. [Andreev, N. D. (1967). *Statistiko-kombinatornye metody v teoreticheskom i prikladnom jazykovedenii* (*Statistical-combinatorial methods in theoretical and applied linguistics*). L.: Nauka. (in Russ.)].
- Божно Л. И. Научно-техническая терминология как один из объектов изучения закономерностей развития языка // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. М., 1971. № 5. С. 102–109. [Bozhno, L. I. (1971). (*Scientific and technical terminology as one of the objects of studying the laws of language development*). *Philological science. Scientific reports of the higher school*, 5, (pp. 102–109). (in Russ.)].
- Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967. [Budagov, R. A. (1967). *Literaturnye jazyki i jazykovye stili* (*Literary languages and language styles*). Moscow: Vysshaja shkola (in Russ.)].
- Глоссарий Совета Россия – НАТО по вертолетной технике. Москва – Брюссель, 2012. [Glossary of the NATO – Russia Council on helicopter technology (2012). Moscow – Brussels (in Russ.)].
- Денисов П. Н. О некоторых общих аспектах изучения языков науки // Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., 1969. С. 62– 80. [Denisov, P. N. (1969). (*On some General aspects of learning languages of science*). *Modern problems of terminology in science and technology*, (pp. 62–80) (in Russ.)].
- Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М.: Изд-во Московского университета, 1953. [Efimov, A. I. (1953). *Jazyk satiry Saltykova-Shchedrina* (*The language of satire of Saltykov-Shchedrin*). Moscow: Iz-vo Moskovskogo Universiteta. (in Russ.)].

- Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Гослитиздат, 1936. [Zhirmunskij, V. M. (1936). Nacional'nyjazyki social'nye dialekty (*National language and social dialects*). Leningrad: Goslitizdat. (in Russ.)].
- Капанадзе Л. А. Взаимодействие терминологической и общепотребительной лексики // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1995. С. 86–103. [Kapanadze, L. A. (1995). (*Interaction of terminology and common vocabulary*). Development of the vocabulary of the modern Russian language, (зю 86–103) (in Russ.)].
- Степанов Г. В. О художественном и научном стилях речи // Вопросы языкознания. 1954. № 4. [Stepanov, G. V. (1954). (*About artistic and scientific styles of speech*). *Questions of linguistics*, 4. (in Russ.)].
- Татаринов В. А. История отечественного терминоведения: в 3 т. М.: Моск. лицей, 1995. Т. 2. Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. [Tatarinov, V. A. (1995). *Istorija otechestvennogo terminovedenija*: Т. 2. Napravlenija I metody terminologicheskikh issledovanij: Ocherk I hrestomatija (Vol. 2. Directions and methods of terminological research: Essay and anthology). М.: Mosk. licej. (in Russ.)].
- Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках: этимология и опыт групповой реконструкции. М., 1966. [Trubachev, O. N. (1966). Remeslennaja terminologija v slavjanskih jazykah: jetimologija I opyt gruppovoj rekonstrukcii (*Craft terminology in Slavic languages: etymology and experience of group reconstruction*). Moscow. (in Russ.)].
- Успенский Л. В. Материалы по языку русских летчиков // Язык и мышление (сборник). Т. VI. М.–Л.: Академия наук СССР, 1936. С. 161–217. [Uspenskij, L. V. (1936). *Materials on the language of Russian pilots. Language and thinking*, Vol. VI, 161–217. (in Russ.)].
- Энциклопедия «Авиация». М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. [Jenciklopedija “Aviacija” (Encyclopedia “Aviation”). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. (in Russ.)].
- Юшманов Н. В. Грамматика иностранных слов // Словарь иностранных слов / глав. ред. Ф. Н. Петров. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. С. 659–698. [Jushmanov, N. V. (1939). Grammatika inostrannyh slov (Grammar of foreign words). In F. N. Petrov (ed.) Slovar' inostrannyh slov. (pp. 659-698). Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej (in Russ.)].
- Multitran. Computational dictionary. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 12.11.19).
- Cambridge dictionary of English URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (датаобращения: 12.11.19).
- Helicopter Flying Handbook. U.S. Department of Transportation https://www.faa.gov/regulations_policies/handbooks_manuals/aviation/

helicopter_flying_handbook/media/helicopter_flying_handbook.pdf (дата обращения: 17.11.19).

Rotor and Wing International (magazine). URL: <https://digitaledition.rotorand-wing.com/> (дата обращения: 10.11.19).

С. С. Тайдонова

аспирант Национального исследовательского Томского политехнического университета;

e-mail: tsss2018@yandex.ru

АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПЕРЕВОДОВ ЭНДЕМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НА НЕМЕЦКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

В статье представлены результаты анализа способов перевода русских реалионимов на немецкий и английский язык в текстах художественного стиля. Необходимость анализа имеющихся переводов эндемической лексики на указанные языки продиктована отсутствием теоретически фундированных способов перевода ономастического сегмента русского языка и потребностью в выявлении доминирующей переводческой тенденции при переводе реалионимов в произведениях русской художественной литературы.

Ключевые слова: реалионимы; эндемические единицы; способы перевода реалионимов; томские реалионимы.

S. S. Taydonova

Postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University;

e-mail: tsss2018@yandex.ru

ANALYSIS OF EXISTING TRANSLATIONS OF ENDEMIC VOCABULARY INTO GERMAN AND ENGLISH IN FICTION BOOKS

The article presents the results of the analysis of methods for translating Russian realionyms into German and English in literary style texts. The need to analyze the available translations of endemic vocabulary into these languages is dictated by the lack of theoretically substantiated methods of translating the onomastic segment of the Russian language and the need to identify the dominant translation tendency when translating realionyms in Russian fiction books.

Key words: realionyms; endemic units; ways of translating of realionyms; Tomsk realionyms.

Введение

Реалионимы – лингвоспецифические единицы, распространенные на определенном ареале, описывающие типичные для него объекты, процессы и явления, и неизвестные (малоизвестные) за его пределами. В силу их ареальной закреплённости их часто обозначают так же как эндемические единицы.

Различают когерентные разновидности реалионимов в зависимости от территориальной распространенности: в Москве – московские, в Коломне – коломенские и т. п. Томские реалионимы являются обозначением реалий уклада жизни, культуры, истории на территории г. Томска и Томской области, и образуют частный тезаурус общерусского эндемического реалионимикона, например: *Томский деревянный модерн, Томская католическая церковь Св. Марии, ул. Дальнеключевская, Соляная площадь, Праздник кузнеца, Дома усадьбы Акулова*.

Существующие способы перевода реалионимов имеют, как правило, бессистемный характер, поэтому их адекватная и эквивалентная передача часто вызывает трудности. Решающую роль при передаче эндемических единиц играет жанровая приуроченность текста, в силу чего возникает необходимость анализа способов перевода эндемических единиц на указанные языки в текстах художественного стиля, богатых лексическими единицами с национально-культурным колоритом.

Объектом исследования являются способы перевода реалионимов в составе художественных произведений на немецкий и английский язык.

Задача статьи – определить преобладающие стратегии перевода реалионимов с учетом особенностей художественного стиля.

В ходе анализа способов перевода единиц эндемического сегмента на немецкий и английский языки использованы следующие общие и частнонаучные методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение, методы группировки и компонентного анализа.

Материал исследования

Изучение переводческих ошибок в произведениях беллетристики сыграло решающую роль в понимании значимости перевода реалионимов в художественной литературе, так как именно в художественных текстах содержится большое количество лексических единиц с национально-культурным колоритом, отражающих особенности быта того или иного языкового сообщества.

Анализ переводов эндемической лексики на немецкий и английский языки осуществлен на материале следующих художественных произведений: романов «Мастер и Маргарита» (*нем.* «Meister und Margarita», *англ.* «Master and Margarita»), «Как закалялась сталь» (*нем.* «Wie der Stahl gehärtet wurde», *англ.* «How the Steel was tempered»), «Онегин» (*нем.* «Eugen Onegin», *англ.* «Eugene Onegin»), «Двенадцать

стульев» (нем. «Zwölf Stühle», англ. «Twelve chairs»), «Анна Каренина» (нем., англ. «Anna Karenina»), повестей «Тайна заброшенного замка» (нем. «Das Geheimnis des verlassenen Schlosses»), «Вий» (нем. «Der Wj», англ. «The Vj») и поэмы «Мертвые души» (нем. «Die toten Seelen», англ. «Dead souls»).

Отобранные реалионимы на немецком и английском языках составляют 55 единиц, типологическое многообразие которых соотносится со структурной классификацией томских реалионимов, включающей пять классов с различными базовыми схемами. По мере усложнения базовых схем каждый класс распадается на разное количество языковых уровней. На каждом уровне выделяется несколько структурных типов. Данная типология призвана систематизировать способы перевода томских реалионимов, базирующиеся на структурно-системном подходе [Тайдонова 2020].

Часто герои литературных сочинений имеют так называемые имена суггестивные, и перед переводчиком стоит сложный выбор: подвергнуть имя собственное транскрипции или найти способ передачи реалионима. И если переводчик принимает решение перевести антропоним, ему необходимо определить содержание эндемической единицы в языке оригинала и в соответствии с правилами словообразования принимающего языка осуществить передачу.

Для наиболее полной иллюстрации способов перевода реалионимов, относящихся к разным структурным типам, в художественной литературе в состав отобранных примеров для анализа вошли простые (однословные) и сложные (словосочетания) эндемические единицы, например: Гармонь – die Ziehharmonika (нем.), Малая Бронная улица – Malaya Bronnaya Street (англ.).

Результаты исследования

Действия в литературных произведениях могут разворачиваться в реальных местах (города России, знаменитые парки, площади и др.), а также в вымышленных. Названия парков, площадей, бульваров и др. могут быть приурочены к определенным событиям или именам выдающихся личностей, а также отражать историческую информацию об объекте, предмете или событии. В ряде случаев не всегда удастся определить мотивированность названия объекта, например, *Старопанская площадь*.

Автором установлено отсутствие закономерности между принадлежностью реалионима к определенной ономаσιологической группе или какому-либо субклассу онимной лексики и выбором способа его передачи. Реалионимы, относящиеся к разным субклассам, могут быть переведены с помощью одного приема, например: годоним *Коммунальный мост* – *die Kommunalbrücke* (дом.) / *die Kommunalnyj Brücke* (фор.), гидроним *Песчанное озеро* – *der Sandsee* (дом.) / *der Pjestschanoje See* (фор.), экклезионим *Петропавловский собор* – *der Peter-Paul-Kathedrale* (дом.) / *der Petropawlowskij Kathedrale* (фор.). Реалионимы определенной ономаσιологической группы в ряде случаев переводятся разными способами, например: ойкодонимы *Музей археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского* – *Das Florinskij-Museum für Archäologie und Ethnographie Sibiriens*, *Томский областной художественный музей* – *Das regionale Kunstmuseum Tomsk*.

Разнообразие примеров из разных источников охватывает большую часть (89 %) ономастических групп и субклассов томских реалиониомов [Тайдонова 2019]. Анализ переводов реалиониомов на немецком и английском языках позволяет определить переводческие стратегии и ориентиры, доминирующие в текстах образно-художественного стиля, а также успешность передачи всех составляющих реалионима (содержательная сторона, формальная сторона и колорит).

На основе классификации М. Л. Алексеевой отобранные эндемические единицы распределены по способам перевода, чтобы определить, в каких случаях тот или иной прием эффективен и оправдан, а в каких приводит к различным ошибкам. Данная классификация, разработанная на материале реалий государственного устройства России XIX в., охватывают большую часть переводческих операций, а также предметно-тематических областей: этнографические реалионимы, общественно-политические реалионимы и субклассы ономастического сегмента реалиониомов [Тайдонова 2019].

При переводе односложных реалиониомов переводчики также сталкиваются с определенными трудностями и оказываются перед выбором между форенизированным и доместицированным вариантами перевода [Venuti 2008]. Сложные эндемические единицы представлены разнообразными структурными классами и типами соответственно со структурной классификацией томских реалиониомов [Кобенко, Тайдонова 2020]. Отобранные примеры иллюстрируют многообразие

переводческих решений, базирующихся на разных подходах и не имеющих единых критериев в интерпретации эндемических единиц.

1. Прием механической передачи (транслитерирование и транскрибирование).

(1) *Ямичик – Jamschik (фоп.)* (A. S. Puschkin «Eugen Onegin», пер. V. E. Prieb), представитель особой межклассовой прослойки на Руси, состоящий на службе. Переводчик применяет переводческую транскрипцию для сохранения национально-исторического колорита, опираясь на контекст, который, по мнению переводчика, поможет помочь читателю догадаться о значении единицы [Люксембург 2008].

(2) *Щи и каша – Schtschi und Kascha (фоп.)* (Fußnote: russische Grützbreispeise) (L. N. Tolstoj «Anna Karenina», пер. H. Moser), традиционные блюда русской кухни. Данные реалионимы можно перевести в словарном порядке, но переводчик принимает решение сохранить формальную сторону реалионимов для передачи русского колорита, сопровождает реалионим комментарием.

2. Прием создания нового слова (полное калькирование, частичное калькирование и авторский неологизм).

(1) *Старопанская площадь – der Staropan-Platz (дом.)* (I. Ilf, E. Petrov «Zwölf Stühle», пер. T. Reschke), *Staropan Square (дом.)* (I. Ilf, E. Petrov «Twelve chairs», пер. studyenglishwords.com). В данном случае использован прием реконструкции благодаря которому удастся сохранить прозрачность родового понятия. Следует отметить, что русскоговорящему читателю, так же как и читателю языка перевода, сложно понять происхождение названия площади, однако в этом нет необходимости, так как реалионим не несет смысловой нагрузки в данном контексте, а является лишь обозначением места где происходит действие. Структура реалионима соответствует структурному классу 1 (прилагательное + существительное), тип 1 (видовое понятие + родовое понятие).

(2) *Совет рабочих депутатов – der Rat der Arbeiterdeputierten (дом.)* (N. A. Ostrowski «Wie der Stahl gehärtet wurde», пер. E. Dornhof), орган власти в СССР. Переводчик заменяет первый компонент реалионима нейтральным словом, хотя в двуязычном русско-немецком словаре можно найти слово «Sowjet», отражающее национальный колорит эндемической единицы. Переводчик на английский язык для передачи русского колорита использовал вошедшее во многие двуязычные словари (в том числе в русско-английский словарь) слово

«Soviet» – *the Soviet of Workers' Deputies* (фоп.) (N. A. Ostrovsky «How the Steel was tempered», пер. R. Prokofieva). Структура реалионимов соответствует структурному классу 3 (существительное + существительное в д.п.), уровень 2, тип 1.

3. Разъясняющие приемы (описание и пояснение в разных вариантах).

(1) «Вий» – *Wij, der König der Erdgeister* (фоп.), переводчики на немецкий язык W. Lange и P. Lobenstein, наряду с транскрипцией имени собственного, используют прием пояснение. Такое переводческое решение оправдано, учитывая, что имя славянского демонического существа, с которым связан сюжет повести, вызывает трудности понимания у многих читателей языка оригинала, поэтому в языке перевода возникает необходимость в комментариях.

(2) ...в Москве на Патриарших прудах... – ...auf dem Moskauer Patriarschenteichboulevard... (дом.) (M. A. Bulgakow «Meister und Margarita», пер. T. Reschke), автор перевода счел необходимым уточнить, что Патриаршие пруды – это бульвар, таким образом, в представлении немецкого читателя был создан образ места, в котором происходит действие. Переводчиком было принято решение подчеркнуть уникальность данного места, употребив отыменное прилагательное «Moskauer». Данный вариант перевода следует признать адекватным. Структура реалионима соответствует структурному классу 1 (прилагательное + существительное), тип 1 (видовое + родовое понятие).

4. Приемы уподобления (замена своим или чужим аналогом, родовидовые замены, контекстуальный аналог).

1. Оренбургский платок – *a kerchief* (дом.) (I. Ilf, E. Petrov «Twelve chairs», пер. studyenglishwords.com), один из символов России. Переводчик использовал словарное соответствие второго компонента сложной единицы и опустил передачу видового понятия, лишив тем самым эндемическую единицу национального колорита. Структура реалионима соответствует структурному классу 1 (прилагательное + существительное), тип 2, прилагательное (зависимое слово) в составе сложной единицы образовано от топонима Оренбург путем конверсии.

2. Русские блины – *die Pfannkuchen* (дом.) (A. S. Puschkin «Eugen Onegin», пер. V. E. Prieb), традиционное русское блюдо. Для перевода реалионима использован прием замены аналогом в обоих языках. Немецкое соответствие «die Pfannkuchen» в данном случае следует признать удачным, а американский аналог *russian pancakes*

(дом.) (А. S. Puschkin «Eugene Onegin», пер. Н. Spalding), не вполне адекватным, так как панкейки соответствуют русским оладьям. Структура реалионима соответствует структурному классу 1 (прилагательное + существительное), тип 4.

Большинство исследователей придерживаются мнения, что при переводе реалионимов неизбежно приходится жертвовать особенностями формы эндемической единицы, содержанием или национальным колоритом. Для того чтобы потери формальной, содержательной стороны, а также особого колорита реалионимов при переводе были минимальны, используются комбинированные способы перевода на основе транскрибирования, т. е. *Осыпная улица – die Ossypnaja-Straße* (нем.) [Алексеева 2010].

Для достижения максимальной адекватности и эквивалентности переводчиками используются комбинированные способы передачи реалионимов, выделенные нами в отдельную группу.

Существующие способы перевода реалионимов в чистом виде встречаются не всегда, в ряде случаев переводчику приходится использовать их вариации и комбинации в зависимости от жанровых особенностей текста, а также выбора переводческой стратегии (доместикация, форенизация). Комбинированные приемы в большей степени характерны для доместицированных и форенизированных версий перевода реалионимов, для которых характерны выраженные родовидовые внутрикомпонентные отношения.

5. Комбинированные приемы (транскрипция и калькирование в сочетании с другими приемами).

(1) *Малая Бронная улица – die Kleine Bronnaja-Straße* (фор.) (М. А. Bulgakow «Meister und Margarita», пер. Т. Reschke), в переводе на немецкий язык использовано частичное калькирование, первое видовое понятие и родовое понятие сложной эндемической единицы переведены с помощью словарных аналогов в ПЯ, второе видовое понятие – с помощью транслитерации. В английском варианте видовые понятия (первый и второй компоненты) переведены с помощью транскрибирования, родовое понятие – (третий компонент) с помощью словарного аналога в ПЯ – *Malaya Bronnaya Street* (фор.) (М. А. Bulgakov «Master and Margarita», пер. www.weblitera.com). Структура сложной единицы соответствует структурному классу 1 (прилагательное + существительное), тип 1 (видовое + родовое понятие).

2. *Садовое кольцо – Sadowoje-Ring (фоп.)* (М. А. Bulgakow «Meister und Margarita», пер. Т. Reschke), круговая магистральная улица в центре Москвы. Родовое понятие (второй компонент) переведено в словарном порядке с помощью приема калькирование, видовое – (первый) с помощью транскрибирования. Найти логическое объяснение для переводческого решения английского варианта не удалось. Формальная сторона видового понятия необоснованно изменена путем замены окончания, а родовое понятие заменено другим понятием, не совпадающим с понятием в тексте оригинала – *the Sadovaya Boulevard (фоп.)* (М. А. Bulgakov «Master and Margarita», пер. www.weblitera.com). Структура сложной единицы соответствует структурному классу 1 (прилагательное + существительное), тип 1 (видовое + родовое понятие).

(3) *Тверской бульвар – der Twerskiyboulevard (фоп.)* (L. N. Tolstoj «Anna Karenina», пер. Н. Moser), *the Tversky boulevard (фоп.)* (L. Tolstoy «Anna Karenina», пер. С. Garnett), бульвар в Москве, названный по Тверской улице, к которой примыкает. При переводе реалионима на оба языка используется прием реконструкции. Структура сложной единицы соответствует структурному классу 1 (прилагательное + существительное), тип 2, прилагательное (зависимое слово) в словосочетании образовано от топонима Тверь.

При выборе способов перевода реалионимов переводчик вынужден принять субъективное решение с опорой на объективные факторы (жанр текста, *skoros* перевода). В ряде случаев сложно найти грамматическое или логическое объяснение и понять, чем руководствовался переводчик, предложив тот или иной способ перевода реалионима.

Благодаря анализу переводов реалионимов в текстах выборки литературных произведений установлено, что в ряде случаев в одном и том же контексте, переводчики на немецкий и английский языки используют разные критерии перевода эндемической лексики и, соответственно, употребляют разные приемы и способы передачи русских реалий. Так, например, для передачи реалионима *Совет рабочих депутатов* переводчик на немецкий язык выбирает доместицированную версию *der Rat der Arbeiterdeputierten*, в то время как переводчик на английский язык делает выбор в пользу форенизированной версии *the Soviet of Workers' Deputies*.

В переводах эндемических единиц на немецкий и английский языки прослеживается общая тенденция доместикации. В англоязычных

версиях перевода эндемических единиц встретился прием опущения применительно к реалионимам «Казак Кузьма Крючков», «Осыпная улица» и «Смоленский рынок».

Заключение

Доминирование стратегии доместикации при переводе реалионимов на немецкий и английский языки обусловлено особенностями художественного стиля, а также тенденцией к ассимиляции единиц эндемического сегмента языка оригинала путем опущения реалионимов или их заменой функциональными аналогами в языке перевода без пояснений. Выбор в пользу доместицированной версии перевода продиктован стремлением приблизиться к читателю и облегчить восприятие иностранного текста за счет приближения к культуре языка перевода.

Примечательно, что в определенных случаях при переводе реалионимов сохраняется структура сложной эндемической единицы, что может свидетельствовать о закономерности между структурой реалионима и способом перевода. Определить, в данном случае, является ли структура реалионима одним из критериев перевода отобранных примеров, затруднительно. Однако можно констатировать, что при переводе эндемической лексики в художественной литературе прослеживаются элементы структурного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексеева М. Л.* Реалии государственного устройства России XIX века // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 81–86. [Alekseyeva, M. L. (2010). Russian realias denoting the state structure in Russia of the XIX century in German translations. Political linguistics journal, 4(34), 81–86. (In Russ.)].
- Кобенко Ю. В., Тайдонова С. С.* Особенности перевода структурных классов томских реалионимов на немецкий язык // Профессиональная коммуникация : актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. Вып. 13. С. 111–118. [Kobenko, Yu. V., Taydonova, S. S. (2020). Peculiarities of translating structural classes of Tomsk realionyms into German. Professional'naja kommunikacija : aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki, 13, 111–118. (In Russ.)].
- Люксембург М. А.* Реалии в немецком медиатексте. Проблемы лингвокультурологического осмысления и перевода. Ростов-на-Дону: Логос, 2008. [Ljuksemburg, M. A. (2008). Realii v nemeckom mediatekste. Problemy

lingvokul'turologicheskogo osmyslenija i perevoda. Rostov-na-Donu : Logos, 2008. (In Russ.)].

Тайдонова С. С. Корпус томских реалионимов в переводческой перспективе : критерии отбора, подходы к описанию и аспекты анализа // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. № 5 (202). С.79–87. [Taydonova, S. S. (2019). Corpora of Tomsk realionims in translation perspective: selection criteria, approaches to description and analysis aspects. TSPU Bulletin, 5(202), 79–87. (In Russ.)].

Тайдонова С. С. Структурно-ориентированные способы перевода томских реалионимов на немецкий язык в аспекте преодоления эрратологических переводческих практик // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 1. С. 183–195. [Taydonova, S. S. (2020). Structural-oriented ways of translating Tomsk realionyms into German in the aspect of overcoming erratological translation practices. World of linguistics and communication. Electronic scientific journal, 1, 183–195. (In Russ.)].

Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. 2nd ed. London : NY, Routledge, 2008.

УДК 8.81-112.

Ф. Ш. Фаизова

преподаватель, соискатель кафедры русской филологии
Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека;
e-mail: faizova_feruza@mail.ru

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА КОНСТРУКЦИЙ С ПРИЧАСТИЯМИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА

В данной работе рассматриваются статейные списки российских посланников в Среднюю Азию XVII в. с точки зрения истории русского языка, палеографии, графики и орфографии, культурологии, лексикологии, грамматики, стилистики. Они написаны на древнерусском языке русской скорописью XVII в., и для понимания значимости этих документов необходим особый перевод: сначала этап распознавания скорописных обозначений, начертаний букв, диакритических знаков, приемов сокращения слов и других операций для понимания, написанного; затем этап перевода и переложения в систему кириллицы (ширифт ижицы); в заключение – этап перевода на читаемый русский язык. Изучение статейных списков с точки зрения грамматики показало, что в текстах статейных списков российских посланников в Среднюю Азию XVII в. существенную роль выполняют краткие страдательные причастия прошедшего времени, которые будут рассмотрены в данной статье. Эти причастия формировали предикативный центр высказывания и выполняли важную роль в структурировании конструкции по определенному шаблону, соблюдение которого было обязательно при составлении отчетов, протоколов и других констатирующих документов. Выявленные грамматические признаки кратких страдательных причастий прошедшего времени и их функциональные, выразительные особенности должны учитываться при переводе на современный русский язык, чтобы те, кто знакомится с этими письменными памятниками далекого прошлого, могли получить достоверное представление о приемах, средствах, возможностях составления рукописных деловых документов.

Ключевые слова: статейные списки российских посланников; переводоведение; палеография; русская скоропись; грамматика; краткие страдательные причастия прошедшего времени; форма единственного числа; множественное число.

F. Sh. Faizova

Lecturer at the Department of Russian Philology, National University of Uzbekistan;
e-mail: faizova_feruza@mail.ru

DIFFICULTIES IN TRANSLATING CONSTRUCTIONS WITH PARTICIPLES IN ANCIENT RUSSIAN MONUMENTS OF BUSINESS WRITING

This article examines the article lists of Russian envoys to Central Asia of the XVII century from the point of view of language history, paleography, graphics and spelling, cultural studies, lexicology, and grammar. Russian Russian cursive of the XVII century is written in the old Russian language, and to understand the significance of these documents, a special translation is necessary: first, the stage of recognizing cursive symbols, letter outlines, diacritics, word reduction techniques and other operations to understand what is written; then, the stage of translation and transposition into the Cyrillic system (izhitsa font); finally, the stage of translation into readable Russian. The study of the article lists from the point of view of grammar has shown that in the texts of the article lists of Russian envoys to Central Asia of the XVII century, a significant role is played by the short passive past participle, which will be considered in this article. These participles formed the predicative center of the utterance and played an important role in structuring the construction.

Key words: article lists of Russian envoys; translation studies; paleography; Russian cursive; grammar; short passive past participle; singular; plural.

Введение

Современное переводоведение опирается на исследования в таких областях, как лингвистика и социолингвистика, теория и история русского языка, психолингвистика, теория и история литературы, теория коммуникации и информации. Соответственно научные труды в области перевода носят, по мнению А. Д. Швейцера, междисциплинарный характер, а сама теория перевода смогла преодолеть лингвистический и литературоведческий «изоляционизм», наметив определенные тенденции к выработке интегрированного и многомерного подхода к анализу перевода [Швейцер 1967]. Соответственно исследователи языка получили возможность использовать при изучении письменных памятников Древней Руси приемы работы с различного рода текстами, но при этом появились реальные трудности при переводе текстов. Эти трудности проявляются особенно очевидно, если для перевода берется древнерусский текст.

При ознакомлении с памятником древнерусской культуры «Слово о полку Игореве...» [Слово 1972] мы можем обнаружить, что его перевод на русский язык был произведен такими крупными филологами-исследователями, как Р. О. Якобсоном [Якобсон 1985], Д. С. Лихачёвым [Лихачев 2004], О. В. Твороговым [Творогов 1980]. Свой

поэтический перевод или переложение предлагали В. А. Жуковский, А. Н. Майков, К. Д. Бальмонт, Н. А. Заболоцкий, Е. А. Евтушенко, В. В. Набоков и другие. На наш взгляд, обращение к переводу на современный русский язык этого памятника связано как с содержанием, так и с языковым богатством этого произведения.

Статейные списки как лингвистический источник

Одним из жанров делового письма XVII в. являются статейные списки российских посланников. Они достаточно информативны, показательны и интересны с точки зрения истории русского языка, палеографии, графики и орфографии, культурологии, лексикологии, грамматики. Статейные списки составлялись российскими посланниками при выполнении наказов и дипломатических миссий. В частности, записи о выполнении наказа российского посольства в Среднюю Азию XVII в. хранятся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве. Эти списки написаны русской скорописью XVII в. (пример написания статейного списка скорописью дается ниже, см. рис.1).

Приведенный рисунок свидетельствует о том, что необходим особый перевод (расшифровка скорописи): сначала этап распознавания скорописных обозначений, начертаний букв (строчных, заглавных, выносных), диакритических знаков (апостроф, «дужка» (показатели мягкости согласных); паерок (в виде запятой над строкой); титло («покрытие»); знак ударения («оксия»), приемов сокращения слов [Щепкин 1967], глосс (маргинальных и внутритекстовых) [Шаймерденова 1997] и других операций для понимания написанного (см. рис.2); затем этап перевода отрывка из текста и переложения в систему кириллицы-ижицы; в заключение – этап перевода на читаемый русский язык (с соблюдением современной графики). Для иллюстрации этих этапов по переводу древнерусского текста мы приводим пример из статейного списка Бориса и Семена Пазухиных [РГАДА 1669].

Нами сделан перевод на кириллицу-ижицу данного документа.

...В розные числа •РЅ• рѣблев •КѢ• алтын •Д• да плѣнные же
люден неплатежна собоѹ і на празник і на милостинѣ і на конские
і верблюжии кормѣ і от намиѹ лошадеи под пленных і на фсякие
имѣ росходы всего і золото •РМГ• рѣбели •ЗІ• алтын •Д• да ѹ
страханцовѣ посацких люден ѹ івана Берекецкого да ѹ Василииѹ

Горезина за него на откуп пленных •31• аршин сукон кармазинные
да пара соболен цена •1• рублев ...

Текст памятника представлен нами средствами современной графики с сохранением древнерусских *Ѣ, ѣ, Ѹ, ѹ, Ѡ, ѡ, Ѱ*, выносных букв и надстрочных диакритических знаков, но при этом сохраняется оригинальная орфография. Нами произведена разбивка на отдельные слова, указаны прописные буквы.

Для переложения скорописного текста на русский язык, используя различные знаки-символы: титло, точки с обеих сторон заглавных букв, которые обозначали число, и выносные буквы, и «ер», «ерь», «ять», «ук». Нам удалось сделать дословный перевод данного отрывка из статейного списка Бориса и Семена Пахузиных более или менее осмысленным, для того, чтобы была возможность прочитать и понять, о чем идет речь в этом отрывке. Без сомнения, данный текст нуждается еще в стилистической и в грамматической правке. Наш перевод на читаемый русский язык данного отрывка из текста статейного списка Бориса и Семена Пазухиных выглядит следующим образом:

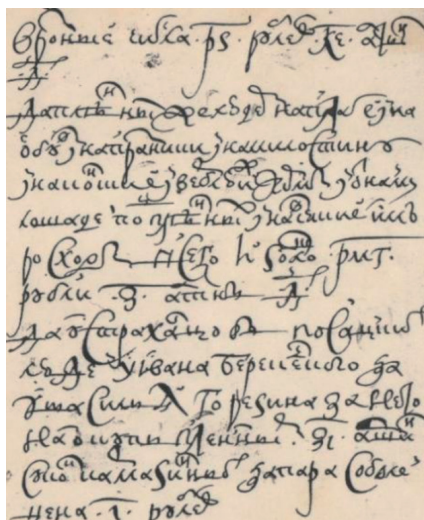

Рис.1. Фотография. Изображение.
Документ [РГАДА 1669]

... В разные числа 106 – рублей 25 алтын 4 да пленные же люди неплатёжные собою; и на праздники, и на милостыню, и на конский и верблюжий корм, и от найма лошадей под пленных и на фсякие им расходы всего и золотом 143 – рублей 7, алтын 4 да у астраханских посацких людей у Ивана Берекецкого да у Василия Горезина за него на откуп пленных 17 аршин сукна кармазинного да пара соболей по цене 10 рублей...

Степень изученности причастий в деловых документах XVII в.

Причастия в текстах деловых документов российских посланников, которые осуществляли свою миссию в Средней Азии, достаточно многочисленны и разнообразны. В статье рассматриваются только страдательные причастия, имеющие форму прошедшего

времени. О. Л. Рюмина и Т. А. Крепких в своей работе отталкиваются от определений из грамматики Смотрицкого [Смотрицкий 1648] и утверждают, что в книжно-литературном (книжно-славянском) языке XVII в. еще не завершился процесс становления категории деепричастия и не произошло расчленение причастий и деепричастий как отдельных классов слов. [Рюмина 2012; Крепких 2012]. П. Я. Черных отмечает, что в деловых документах XVII и XVIII вв. «нерасчленные» причастия встречались достаточно часто, однако указывает, что их образование производилось и от многократных глаголов несовершенного вида [Черных 1962].

Исследования кратких причастий в древнерусских памятниках проводились В. Л. Георгиевой, Б. В. Кунавиным [Георгиева 1968; Кунавин 1993]. Их выводы соотносимы с теми заключениями, к которым мы пришли при анализе функционирования интересующих нас форм причастий в статейных списках российских послов в Хиву и Бухару XVII в.

Грамматические особенности статьейных списков

Причастия в текстах формировали предикативный центр высказывания и выполняли важную роль в структурировании конструкции по определенной устойчивой текстовой формулировке, соблюдение которой было обязательно при составлении отчетов или так называемых статейных списков. Они включали пункты наказов, которые выполняли российские послы и посланники. В нашей статье рассматриваются статейные списки, освещающие дипломатические миссии в Хиву и Бухару в XVII в., которые возглавлялись Иваном Хохловым (1620–1622), Савином Гороховым и Анисимом Грибовым (1641–1643), Семеном и Борисом Пазухиными (1669–1670).

Статьейные списки являются одним из жанров деловой письменности, для которой характерно использование определенных построений, устойчивых форм. По мнению А. П. Майорова, использование клишированных форм является неотъемлемой частью установления статуса делового документа, где недопустимо использование языковых элементов другой жанровой специфики [Майоров 2006]. Исследованные нами страдательные причастия в краткой форме и являются требованием делового клише.

В результате проведенных наблюдений и анализа употребления страдательных причастий, имеющих краткую форму, нами было выявлено следующее:

1. Краткие страдательные причастия передавали волеизъявительный характер делового документа, о чем свидетельствует употребление слова **велено**:

А Борисѹж велено про мощи проведать съвщенно мѹченика Геміона [РГАДА 1669 л.106 об].

2. Форма прошедшего времени имела в кратких страдательных причастиях специальный показатель, а именно – связку «быть», что явствует из приведенного во фрагменте составного именного сказуемого **было послано**:

А послано было ко гсдрю от вѹхарского цр въ поминкахъ с посломъ его съ Адамъбаемъ •В• (т.е.2) аргамака, шатерь изба •Ф• (т.е.9) камокъ

[РГАДА 1669, л.142].

3. В перечне посольских товаров и подарков, преподнесенных среднеазиатским правителям, связка «быть» могла быть не только материально выраженной, но и нулевой. Этот факт можно продемонстрировать отрывком из текста, где краткая форма причастия в роли сказуемого приводится и в полном двухкомпонентном виде **было роздано и продано**, и в сокращенном виде послано, где связка материально не выражена:

что послано с Москвы по указѹ великого гсдѹря цѹря и великого княз Алексея Мнханловича всеа велика и малы и белы Росні самодержца в вѹхарскѹю посылкѹ и владельцомъ в поминке и что сего было роздано и продано •З• (т.е.7) сороковъ соболей •А• (т.е.1) пара соболей •В• (т.е.3) сорокъ соболей пѹпков •S• (т.е.7) портишь овярей золотыхъ •ВІ• (т.е.12)

[РГАДА, л.124 об].

4. В большинстве случаев в соответствии с жанром статейных списков использованы формы среднего рода для выделения самого факта передачи подарков, а субъект действия представлен косвенной формой субстантива, о чем можно судить из следующего фрагмента, где нами выделены краткие причастия **пслано, роздано, продано**:

рописи что послано с Москвы по указу великого гсдр цр и великого кнз Алексея Мнханловича всеа великы и малы и белы Росии самодержца в Бұхарскую посылку и ко всемъ владельцамъ в поминки и что сего и сказаны роздано и продано

[РГАДА 1669, л.114].

5. Менее частотны случаи, когда краткое страдательное причастие употребляется в двусоставном предложении с указанием на субъект мужского или женского рода. Нами приводится пример того, как причастие прошедшего времени согласуется с родом существительного единственного числа именительного падежа – **ферезея поношена, охобень поношена, ферезея продана, вольность положена**, о чем сигнализирует окончание *-а* в глагольных формах:

ферезе обяринна соболен поношена охобень обриннон поношена, •В•де(т.е.2) продана ферезе да охавънь всто •ОВ• (т.е.72) рѣбли..., надъ людми свжими не владетелны и положена у нихъ в томъ изстарн волност

[РГАДА 1641, л.59].

6. Краткие причастия, которые имели мужской род, в статейных списках не так частотны, однако для них прослеживается закономерность согласования с существительным того же рода, что приводило к формированию предикативного центра и смысловой основы конструкции, например, как в следующем предложении, где согласуются слова **царь сослан**:

в Бұхарех прежнен Имамкұли царь очми отѣмнел и сослан на инон город ...

[РГАДА 1669, л.100].

7. При кратком причастии мужского рода могло использоваться также местоимение в форме именительного падежа, причем оно могло быть не только личным, но и относительным, свидетельствующим о том, что употребляется в качестве подлежащего в придаточной части. Это подтверждается примером согласования – **котори посланъ был**:

Да Борис же с товарищи прислали из Бұхар в ынденские города толмача Семена Изманла котори посланъ был зБорисомъ из Астарахани в Бұхары по приказу воринна I воевод князя Ивана Семеновича Прозоровского

[РГАДА 1669, л.129].

8. Кроме форм единственного числа в статейных списках российских посланников встречаются формы множественного числа у страдательных причастий прошедшего времени, где сохраняется тенденция к согласованию существительного и глагольной формы, а именно, **расписаны дрвни, кафтаны оправлены, полоненики окуплены**, как следует из приводимых ниже примеров:

А денежныя казны въ ихъ гсдрствахъ въ казнѣ у царен мало потомуу и расписаны все дрвни на жаловане ратнымъ и всякимъ чиновъ людемъ ...

[РГАДА 1641, л.61];

БорисѸ да СеменѸ кафтаны изарванные травы золотом да по ножѸ оправлены золотом и БорисѸ всего ценою на •КѢ• (т.е.25) рѸблевѸ СеменѸ на •Ві• (т.е.12) рѸблевѸ

[РГАДА 1669, л.61];

окуплены плѣнные рѸсскіе полоненики а сколько на тѸ казнѸ окуплено полоненниковъ и какихъ чинѸ АБДЫ кто писанѸ в росписи под статейным списком

[РГАДА 1669, л.71 об].

9. Форма множественного числа в большинстве случаев представлена без материально выраженной связки, в меньшей степени присутствуют страдательные причастия с материально выраженной связкой, которая, как правило, расположена в постпозиции по отношению к глагольной форме, что подтверждается приводимым примером с использованием причастий **даны были и розданы** :

Роспис гсдрвым црвым і великого князя Мнханаа Федоровича всеа Рүснї соболям которые соболи два сорока даны были гсдрвѸ посланникѸ АнисимѸ ГрибовѸ на роздачѸ от гсдрвыхъ дел и тѣ соболи розданы..

[РГАДА 1641, л.151].

10. В статейном списке Анисима Грибова встречается факт вариативности **даны–дано** (краткая форма множественного числа и краткая форма единственного числа):

да царевыже ближнихъ людеи КүтлүннакѸ да мирохорѸ Ишболтеде даны по пол •З• (т.е.7) аршина сүкна красного цена по пол •В• (т.е.2) рѸбли аршин дано юфтѸ кож красныхъ шелкѸ цена по пол •В• рѸбли с полтиною юфтѸ...

[РГАДА 1641, л.155].

Вариативность даны-дано, возможно, обусловлена тем, что количество выданного товара зависело от того, кому был предназначен товар, какую должность занимал этот человек или каким титулом он обладал.

11. В зависимости от класса исходного глагола в страдательном причастии использовались суффиксы -н или -т для образования формы прошедшего времени, что находит свое проявление в приводимом фрагменте, где использованы причастия продана и взято:

•ХНФ• (т.е. 659) рѹблевѣ **•НІ•** (т.е.18) алтын **•В•** де (т.е.2) продана фѣресе да охавѣнь взято **•ОВ•** (т.е.72) рѹбли а тѣ портиша даны ис казны великого гсѣдр поношеные и в вѣсѣрманехъ рѹского плат болюю ценою не покѣпають

[РГАДА 1669, л. 124 об].

Приведенные нами отрывки из статейных списков свидетельствуют о достаточно частотном и целенаправленном использовании страдательных причастий, которые в форме прошедшего времени констатировали реализацию поставленной перед посланниками задачи и отражении ее выполнения в отчетной форме документа. Именно страдательные причастия являлись наиболее уместными для статейных списков как жанра делового письма, где акцент делается на том, что обязанности, возложенные на посольства, выполнены, и при этом оценивается не сам посол, а его успешная деятельность.

Заключение

Перевод древнерусского делового текста на современный язык – довольно сложное дело, требующее знание основ составления делового документа, учета определенных клише в использовании грамматических форм и лексем.

Краткие страдательные причастия являются необходимым показателем текста, который составлен в жанре статейного списка и отражает грамматические особенности древнерусских памятников XVII в. Выявленные нами грамматические признаки кратких страдательных причастий, представленных в форме прошедшего времени, свидетельствуют об их конструктивных, функциональных, выразительных возможностях, которые должны учитываться при переводе на современный русский язык. Это важно и в связи с тем, что знакомство с письменными памятниками далекого прошлого дает достоверное представление

о правилах, средствах, приемах, составления рукописных деловых документов. Перевод древнерусских письменных памятников – это сложный и кропотливый процесс, который требует не просто знание начертаний букв, но и умение видеть за ними картину маршрута российских посольств, описание быта и нравов народов Средней Азии, своеобразие экономической и культурной жизни региона.

Анализ грамматических особенностей не заслоняет общую картину встреч, переговоров, составления протоколов аудиенций по приему и отпуску российских посланников среднеазиатскими правителями, дипломатических сношений, передачи даров и подарков, демонстрации товаров для продажи и много другого. На наш взгляд, перевод и изучение памятников древнерусской письменности позволяет нам уверенно смотреть в будущее, ведь действительно без исторической памяти невозможно быть будущему [Каримов 1999].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М.: Просвещение, 1968. [Georgieva, V. L. (1968). *Istoriya sintaksicheskikh javlenij russkogo jazyka (History of syntactic phenomena of the Russian language)*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.)].
- Каримов И. А. Без исторической памяти нет будущего // Свое будущее мы строим своими руками. Ташкент: Узбекистан, 1999. С. 128–152. [Karimov, I. A. (1999). *(There is no future without historical memory)*. We build our future with our own hands, (pp. 128–152) (In Russ.)].
- Кунавин Б. В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. [Kunavin, B. V. (1993). *Funkcional'noe razvitie sistemy prichastij v drevnerusskom jazyke (Functional development of the participle system in the old Russian language)*: abstract of PhD in Philology. Saint Petersburg. (In Russ.)].
- Лихачев Д. С. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 4. Т-Я. Дополнения. СПб.: Наука, 2004. [Lihachev, D. S. (2004). *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi (The dictionary of scribes and booklore of Ancient Rus)*. 3. XVII v. Ch. 4. T-Ja. Dopolnenija (Issue 3. XVII century. Part 4. Additions.). Saint Petersburg: Nauka (In Russ.)].
- Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII в. ; отв. ред. А. М. Молдован. М. : Азбуковник, 2006. [Majorov, A. P. (2006). *Oчерki leksiki regional'noj delovoj pis'mennosti XVIII veka (Essays on the vocabulary of regional business writing of the XVIII century)*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)].

- РГАДА, фонд 109, опись 1, 1622 год, дело 1. // Сборнике князя Хилкова (СПб., 1879. С. 388–424).
- РГАДА, фонд 109, опись 2, 1669 год, дело 2. – Данный статейный список и текст «Наказа Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч в 1669 г.», опубликован в «Русской исторической библиотеке». Т.15. СПб., 1894. С. 1–91.
- РГАДА, фонд 134, опись 1, 1641 год, дело 2. Данный статейный список посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару в 1641 г. опубликован лингвистами Д. С. Кулмаматовым, И. Г. Добродомовым, Г. Я. Романовой и историком М. П. Лукичевым. М., 1995.
- Рюмина О. Л., Крепких Т. А. Причастие в языке переводной литературы XVII века (на материале сборника фаций) // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. Гуманитарные науки. Русский язык. 2012. С. 53–58. [Rjumina, O. L., Krepkikh, T. A. (2012). *Participle in the language of translated literature of the XVII century (based on the collection of facets)*. *Vestnik of Anton Chekhov Taganrog State Institute. Humanities*, (pp. 53–58) (In Russ.)].
- Творогов О. В. Слово о полку Игореве (XI–XII вв.) // пер. и коммент. О. В. Творогова. В кн.: Памятники литературы древней Руси: XII в. М., 1980. С. 372–387, 679–688. [Tvorogov, O. V. (1980). *Slovo o polku Igoreve (The Tale of Igor's Campaign)*. *Pamyatniki literatury drevnej Rusi: XII vek*. (pp. 372 – 387, 679–688). Moscow. (In Russ.)].
- Слово о полку Игореве. М.: Детская литература, 1972. [Slovo o polku Igoreve (1972). *(The Tale of Igor's Campaign)*. Moscow: Detskaja literature (In Russ.)].
- Смотрицкий М. Грамматики славенския правильное синтагма. М., 1648. [Smotrickij, M. (1648). *Grammatiki slavenskija pravilnoe sintagma (Slavonic Grammar with Correct Syntax)*. Moscow. (In Russ.)].
- Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Пособие для пед. институтов. 3-е изд. М.: Учпедгиз, 1962. [Chernyh, P. Ja. (1962). *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka (Historical grammar of the Russian language)*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)].
- Шаймерденова Н. Ж. Глоссы как феномен текста. Алматы: БОРКИ, 1997. [Shajmerdenova, N. Zh. (1997). *Glossy kak fenomen teksta (Glosses as a phenomenon of the text)*. Almaty: BORKI. (In Russ.)].
- Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты // отв. ред. В. Н. Ярцева / АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. [Shvejcer, A. D. (1988). *Teorija perevoda: status, problemy, aspekty (Translation theory: status, problems, and aspects)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Щепкин В. Н. Русская палеография. 2-е изд. М., 1967. [Shhepkin, V. N. (1967). *Russkaja paleografija (Russian paleography)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. [Jakobson, R. O. (1985). *Izbrannye raboty (Selected works)*. Moscow: Progress. (In Russ.)].

УДК 811.124: 821.124

И. В. Хорькова

кандидат исторических наук,;
доцент кафедры классической филологии Московского государственного
лингвистического университета;
e-mail: stauross@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ РИТОРИКА АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА В ОСУЖДЕНИЕ СУИЦИДА

В настоящее время в юридическую лингвистику активно внедряется метод нейролингвистического программирования сознания, имеющий генетическую связь с античной риторикой. Христианская патристика явилась правопреемницей риторических приемов Античности. Известный богослов Аврелий Августин, рассуждая о сущности самоубийства, приводит аргументы в русле методов нейролингвистического программирования. Поскольку его взгляды оказали колоссальное влияние на христианское вероучение, исследование методов его аргументации имеет большое значение.

Ключевые слова: Аврелий Августин; христианская патристика; христианская апологетика; нейролингвистическое программирование сознания; риторические приемы; античная риторика.

I. V. Khorkova

PhD (History), Associate Professor at the Department of Classical Philology, Moscow State Linguistic University;
e-mail: stauross@yandex.ru

LEGAL RHETORIC OF AURELIUS AUGUSTINE IN CONDEMNATION OF SUICIDE

Currently, the method of neuro-linguistic programming of consciousness, which has a genetic link with ancient rhetoric, is being actively introduced into legal linguistics. The Christian Church fathers were the successors of the rhetorical techniques of antiquity. The famous theologian Aurelius Augustine, arguing about the essence of suicide, makes arguments in line with the methods of neuro-linguistic programming. Since Augustine's views had a tremendous impact on the Christian faith, the study of his arguments is of great importance.

Key words: Aurelius Augustine; Christian Patristics; Christian apologetics; neuro-linguistic programming of consciousness; rhetorical techniques; ancient rhetoric.

Введение

В настоящее время в юридическую лингвистику активно внедряется метод нейролингвистического программирования сознания, представляющий собой социальную технологию, оказывающую влияние посредством коммуникации. Поскольку наше восприятие мира не зеркально, а символично и избирательно, то нейролингвистическое программирование направлено именно к образному мышлению человека. Внутренняя модель мира – это результат взаимодействия первичного и вторичного опыта, представляющего собой уже имеющиеся знания, своего рода фильтры, которые направляют работу наших органов, выделяют одну информацию, отменяют и искажают другую [Трунов 2011, с. 165]. Умение использовать систему представлений человека для убеждения и представляет собой основной механизм нейролингвистического программирования сознания. Этот новейший метод имеет глубинную генетическую связь с античной риторикой вообще, и античным юридическим красноречием, в частности. Христианская патристика по многим параметрам явилась правопреемницей античной риторики и ее приемов. Поэтому представляется возможным говорить о взаимосвязи и взаимопроникновении методов, используемых в ранней христианской апологетике и нейролингвистическом программировании сознания. Об этом говорят многие исследователи и адепты этой современной методики [Трунов 2011, с. 283].

Целью настоящей статьи является исследование текста известного христианского богослова, писателя и философа Аврелия Августина на предмет нахождения в нем элементов нейролингвистического программирования сознания.

Аврелий Августин: жизнь и труды

Несколько слов о нашем авторе. Аврелий Августин (Aurelius Augustinus Hipponensis) родился в 354 г. н. э. в городе Тагасте африканской провинции Нумидия (современный Алжир) в семье матери-христианки и отца-язычника, что сказалось на его дальнейшей судьбе и формировании взглядов и убеждений. Августин получил хорошее по тем временам образование, увлекался латинской литературой, философией и в течение трех лет учился риторике в Карфагене – крупном культурном центре провинции Африка. Был преподавателем риторики в родном городе, а затем в Карфагене. Жил в Риме и Медиолане

(современный Милан), исповедовал неоплатонизм, увлекался скептицизмом, примыкал к христианско-гностическому учению манихеев. После многих жизненных испытаний в 387 г. Августин принял крещение от Амвросия Медиоланского, основал монашескую общину, а впоследствии стал епископом города Гиппона в Африке. Умер Блаженный Августин во время осады Гиппона вандалами, причтен к лику святых православной, католической и лютеранской церквями.

Блаженный Августин оставил значительное литературное наследие. Наиболее значимыми являются его сочинения – «Confessiones» (Исповедь), «De Trinitate» (О Троице), «De libero arbitrio» (О свободной воле), «De Beata Vita» (О блаженной жизни), «De civitate Dei» (О граде Божьем). Этого автора по праву считают воспреемником риторических традиций Античности. Недаром Августин пришел к религиозно-философским исканиям под влиянием прочитанного диалога Цицерона «Гортензий» и всю жизнь оставался его преданным поклонником [Корнилова 2010, с. 233].

Главным произведением Аврелия Августина по праву считается его фундаментальный труд «О граде Божьем» в двадцати двух книгах, где рассматриваются самые разнообразные вопросы бытия в целом и человеческой жизни, в частности. Огромное влияние, оказанное этим сочинением Блаженного Августина на христианскую догматику, заставляет нас остановиться именно на этом произведении. Античная риторика, которой Августин обучался в Карфагене, и блестящим представителем которой он являлся, очень тесно связана с юриспруденцией и политикой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, исследуя сущностные вопросы бытия, Блаженный Августин обращается к юридической аргументации и юридическим казусам для обоснования своей позиции.

О допустимости суицида

В первой книге своего многотомного труда Августин обращается к вопросу о допустимости самоубийства. Вопрос для тех суровых времен неспраздный. Речь идет о нападениях варваров и пленении ими христианских женщин, которые подвергались в плену различным притеснениям и даже насилию. В ответ на насмешки со стороны язычников гиппонский епископ ставит вопрос о правомерности добровольного ухода из жизни во избежание бесчестия [Августин 1994, с. 30]. С точки зрения христианина, суицид недопустим. И здесь Августин прибегает

к юридической аргументации. Он пишет: «Ведь если не дозвоительно вообще лицу частному своею властью убивать человека, хотя бы и совершившего преступления (никакой закон не дает права на подобное убийство): то и убивающий самого себя, несомненно, человекоубийца; и когда убивает себя, бывает тем преступнее, чем он невиннее в том деле, из-за которого считает нужным убить себя» [Августин 1994, с. 31].

С точки зрения юриспруденции самоубийство не есть уголовное преступление. Задача Августина – своей аргументацией перевести суицид именно в этот разряд и, соответственно, предать ему ярко выраженный негативный характер – представляется весьма непростой. Учитывая тот факт, что самоубийство в Античности расценивалось как проявление силы духа и воли, что многие знаменитые и уважаемые мужи ушли из жизни именно таким образом, Блаженный Августин берется за очень трудное задание и мастерски справляется с ним. Каким образом он это делает?

Августин обращается к римскому историческому преданию раннего царского периода о насилии, совершенном над благородной матроной Лукрецией сыном царя Луция Тарквиния Гордого [Августин 1994, с. 34]. Автор не приводит полностью этот сюжет как хорошо известный его читателям. Полный текст фрагмента мы можем почерпнуть из небезызвестного сочинения римского историка Тита Ливия «*Ab urbe condita*» (История Рима от основания города) [Ливий 1989, с. 61–63]. Вот что гласит предание. Добродетельная матрона Лукреция в отсутствие мужа принимает в своем доме по закону гостеприимства царского сына Секста Тарквиния и ночью подвергается насилию с его стороны. Вызвав на следующий день ближайших родственников и дождавшись их прибытия, она рассказывает о случившемся и будучи не в силах перенести позор, закалывает себя ножом, взяв с них обещание отомстить обидчику. Среди присутствовавших при этом присутствует муж несчастной Тарквиний Коллатин и родственник Луций Юний Брут, которые и берут на себя организацию отмщения. В результате дальнейших событий царь Тарквиний Гордый был низложен и вместе с сыновьями изгнан из Рима. Царская власть была упразднена. Так было положено начало существованию Римской Республики, а двумя первыми консулами стали Юний Брут и Тарквиний Коллатин.

Можно констатировать, что рассмотренный эпизод не проходной, но отображает поворотный момент в ранней римской

истории – переход от царской власти к республике. И недаром именно это историческое предание выбрано Аврелием Августином для назидательного рассмотрения, ведь на самом деле самоубийств в истории достаточно. Именно против вызывавшей восхищение у многих поколений римлян добродетельной Лукреции, невольно послужившей делу изменения политической формы власти в архаическом Риме, направлено острие критики Августина. Как видим, уже сам выбор фигуры Лукреции неслучаен. Это прием, носящий в неориторике название шокового маневра, рекомендованный к применению в случае, когда аудитория не доверяет оратору и не разделяет его взглядов. Именно такова ситуация Августина. Он обращается к римлянам-язычникам, ставя под сомнение авторитет и ценность поступка всем известной и всеми почитаемой исторической героини.

Августин пишет: «В случае насилия, если нет соизволения одного, то злодеяние совершается только тем, кто совершает насилие» [Августин 1994, с. 34]. Далее следует вопрос: сочувствовала ли Лукреция совершаемому над ней насилию или нет? Если нет, то, как пишет далее автор, «было их двое, но прелюбодеяние совершил один» [Августин 1994, с. 34]. Тогда более жестокое наказание постигает невинную, которая прелюбодеяния не совершила. Несправедливо наказывать целомудрие.

«К вам обращаюсь, законы и судьи римские! – пишет Августин, – Вы и после действительно совершенного преступления не позволяете безнаказанно убивать никакого злодея, пока он не будет осужден. Итак, если бы это преступление было передано кем-нибудь на ваш суд, и вы бы нашли, что убита женщина не только не осужденная, но и чистая и невинная, – неужели вы не подвергли бы соответствующему строгому наказанию того, кто это сделал? А сделала это Лукреция: она сама, столь прославленная Лукреция, невинную, чистую, потерпевшую насилие Лукрецию вдобавок ко всему умертвила! Произнесите ваш приговор. Если не можете произнести его потому, что нет на лицо кого вы могли бы наказать, то зачем же вы с такою похвалою отзываетесь об убийце этой невинной и чистой женщины?» [Августин 1994, с. 34–35].

Слова, которыми мы описываем тот или иной факт, программируют то, что мы воспринимаем, выступают в роли «словесных рамок», через которые воспринимается факт. При помощи слов можно изменить внутреннюю модель мира у человека, вставить один и тот же факт в другую рамку. Такой прием в неориторике называется *рефрейминг*.

Это изменение у слушателей или читателей способа видения определенной ситуации или факта, формирование новой точки зрения на реальность. В условиях конфликта или неполной информации, с чем мы имеем дело в настоящей ситуации, текст может оказать большее влияние на аудиторию, нежели фактическое положение вещей [Трунов 2011, с. 260].

Итак, в этом рассуждении Августина на лицо рефрейминг, т. е. изменение у реципиентов способа видения ситуации или факта, формирование новой точки зрения на реальность, изменение восприятия с позитивного на негативное. Интересно, что Августин обосновывает свое мнение, прежде всего с точки зрения юриспруденции, о чем говорит привлечение различных юридических понятий: орудие прелюбодеяния (преступления), казнь, свидетель помыслов, сообщница, чужое преступление, человекоубийство [Августин 1994, с. 33–37].

Использование конкретной лексики с чувственно ориентированными словами различной модальности ведет к внутреннему перепрограммированию сознания реципиентов [Трунов 2011, с. 202]. Именно это мы и видим у Августина, щедро использующего различные фигуры речи в своем рассуждении. «При сохранении святости душевной не теряется и святость телесная, хотя бы тело и потерпело насилие; так же точно, как при нарушении святости душевной теряется святость и телесная, хотя бы тело оставалось неприкосновенным» [Августин 1994, с. 33]. «Не осквернит сладострастие, если будет чужое, а если осквернит, то не будет чужим» [Августин 1994, с. 31]. Здесь мы видим отточенные античной риторикой хиазмы.

Может быть и другой ракурс, под которым рассматривается ситуация. Если Лукреция, не совершив прелюбодеяния, убила себя, то ею движет не любовь к целомудрию, а болезненное чувство стыдливости. Римская женщина, «до крайности жаждавшая доброго мнения о себе», побоялась прослыть сообщницей насильника [Августин 1994, с. 36]. Здесь Августин указывает неблагоприятную причину поведения Лукреции – ложный стыд, а, в конечном счете, гордыня. Известно, какое место занимает этот порок в христианском списке смертных грехов. Подобная характеристика совершенно уничтожает возможность положительной оценки поступка Лукреции.

Однако ответ на поставленный Августином вопрос может быть и иным. Лукреция убила себя, так как в тайне сочувствовала насильнику. Тогда она не может считаться невинной. Отрицанием

человекоубийства утверждается прелюбодеяние, и наоборот. С точки зрения нейролингвистического программирования риторический вопрос направляет мышление, запускает работу мозга в нужном направлении. Рассматриваемый фрагмент из труда Августина изобилует риторическими вопросами. «Или может быть она умертвила себя не невинную, а чувствующую за собой преступление? Что если она, увлеченная сладострастием юноши, сочувствовала ему, хотя он и употребил против нее насилие, и не прощая себя за это, сокрушалась до такой степени, что полагала возможным искупить свое преступление только смертью?» [Августин 1994, с. 35]. Далее Августин прибегает к эффектной антитезе: «Если она прелюбодействовала, за что ее хвалят, а если осталась целомудренной, за что она убита?» [Августин 1994, с. 36]. Ставя так вопрос, наш автор не оставляет аудитории никаких шансов на положительное суждение о Лукреции.

Способ внутреннего программирования сознания называют в неориторике киноопытом или ментальным кино. Киноопыт создает полноценное переживание, затрагивающее телесную и духовную сферы. Мозг воспринимает киноопыт как жизненный, а потому положительно и энергично реагирует на него. Основой киноопыта является повтор, который вносит и надежно закрепляет информацию в мозгу. Многократное повторение придает сообщению видимость достоверности. Чтобы информация отразилась в сознании, ее рекомендуется повторить не менее четырех раз в различной словесной форме. Аврелий Августин повторяет свою ключевую мысль больше четырех раз. «Пока остается неизменным душевный обет, благодаря которому получило освящение и тело, насилие чужого сладострастия и у самого тела не отнимает святости, которую сохраняет твердая решимость воздержания». «Женщина, без всякого со своей стороны соизволения насильственно схваченная и обращенная в орудие чужого греха, не имеет в себе ничего, что могла бы наказывать добровольною смертью» [Августин 1994, с. 33]. Та же мысль, выраженная разными словами, содержится и в тех цитатах, которые были приведены и рассмотрены выше.

Аврелий Августин использует и другие методы нейролингвистического программирования: повторение одного факта словами-синонимами; повторение ключевого слова на некотором текстовом расстоянии в разных падежах (в нашем случае это слово насилие); повторение меняющихся местами слов и словосочетаний (приведенные

выше хиазмы). Выполнение этих рекомендаций создает речевой стереоэффект с органичным звучанием повторяемых стержневых мыслей [Трунов 2011, с. 210].

Следует обратить внимание на то, что античная риторика не только знала и использовала перечисленные выше приемы и варианты повтора, но даже дала им определенные названия: эпимона (повтор одного и того же слова с небольшими вариациями); анадиплозис (повтор слов на границах смежных отрезков); анафора (повтор слов в начале смежных отрезков речи); эпифора (повтор слов в конце смежных отрезков речи); анаэпифора (одновременная реализация анафоры и эпифоры); хиазм (крестообразное изменение последовательности элементов) и другие. Такая дробная классификация, по выражению профессора С. С. Аверинцева, это «искусство для искусства, бескорыстная и безудержная радость дефинирующего рассудка» [Аверинцев 1996, с. 257].

Итак, подытоживает Августин, «величие духа в том, чтобы перенести грубое рабство над телом и невежественное мнение толпы, а не бежать от этого» [Августин 1994, с. 40]. Таким образом, поведение Лукреции, этой признанной героини легендарной римской истории, ничто иное как слабость, которая не может перенести несчастье [Августин 1994, с. 42]. Известный и столь любимый персонаж римской легендарной истории, наделенный истинной римской *virtus* (добродетель), на наших глазах из положительного превращается если не в отрицательного, то по крайней мере в слабого и заслуживающего глубокого сожаления. Ни о какой добродетели здесь уже речь не идет. Рефрейминг закончен.

Заключение

Итак, в аргументации Аврелия Августина отчетливо проступают такие элементы нейролингвистического программирования сознания, как рефрейминг, использование лексики с чувственно ориентированными словами, нацеленными на образный ряд и образное мышление, повторяемость информации разными способами для закрепления в сознании, ритмически организованные отрывки, а также многочисленные тропы и фигуры речи.

Само обоснование блаженным Августином недопустимости суицида носит юридический характер. Он аргументированно причисляет самоубийство к разряду уголовных преступлений, экстраполируя признаки убийства на самоубийство и объявляя его преступлением

человека против себя и Бога. Для большей убедительности он привлекает юридическую терминологию, обращается к римским судьям и законам.

С христианской точки зрения, самоубийство недопустимо ни ради приобретения бессмертия, ни во избежание зла. Заповедь «не убий» относится и к себе, и к ближнему. «Ибо кто убивает себя, убивает ничто иное, как человека» [Августин 1994, с. 39]. Самоубийство занимает в христианском списке грехов особое место. Нельзя не отметить, что как моральная, так и юридическая недопустимость суицида, аргументированно обоснованная Августином, сформировала негативное отношение к нему не только в христианском вероучении, но и в коллективном сознании в целом.

Поскольку разработанные Блаженным Августином подходы к решению многих сущностных вопросов человека и бытия оказали колоссальное влияние на христианское вероучение, мы считаем возможным говорить о важности исследования тех методов, которыми пользуется христианский апологет для обоснования своих взглядов и утверждения их в сознании своих слушателей-реципиентов. Наше исследование показывает, что Августин использовал метод нейролингвистического программирования сознания задолго до того, как он был изобретен и назван. Такой вывод еще раз доказывает необходимость знания исторического фундамента, на котором возвышается здание современной цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Августин Аврелий.* О граде Божьем: в 22 книгах. Т. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. 395 с. [Augustinus Aurelius (1994). O grade Bozh'em v 22 knigah. T.1. (*About the City of God*). Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya. (In Russ.)].
- Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [Averincev, S. S. (1996). Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii. (*Rhetoric and origins of the European literary tradition*). Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». (In Russ.)].
- Корнилова Е. Н.* Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античного мира. М.: Изд-во МГУ, 2010. [Kornilova, E. N. (2010). Ritorika – iskusstvo ubezhdat'. Svoeobrazie publicistiki antichnogo mira. (*Rhetoric is the art of persuading. The originality of the journalism of the ancient world*). Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russ.)].

- Ливий Тит.* История Рима от основания города. Т. 1. М.: Наука, 1989. [Livius Titus (1989). *Istoriya Rima ot osnovaniya goroda*. T. 1. (*History of Rome from the founding of the city*). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Трунов И. Л., Мельник В. В.* Искусство речи в суде присяжных. М.: Юрайт, 2011. [Trunov, I. L., Mel'nik, V. V. (2011). *Iskusstvo rechi v sude prisyazhnyh*. (*The Art of Jury Speech*). Moscow: Yurajt. (In Russ.)].

УДК 81'1; 811.11

Е. Н. Шалова

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания;
старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области права Института международного права и правосудия Московского
государственного лингвистического университета;
e-mail: 4291525@mail.ru

АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДИСКУРСА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ (на примере решений Федерального Конституционного суда ФРГ)

Для анализа дискурса решения суда особо важным является выделение структур, характеризующих данный тип текстов. Проведенное исследование сконцентрировано на явлении, основанном на глобальной организации текстов в терминологии Т. ван Дейка. Проведенный анализ показал, что тексты решений суда строятся на основе конвенциональных схем, в которые встроено глобальное содержание текста. Таким образом, можно говорить о том, что суперструктуры и макроструктуры текста связаны между собой и оказывают взаимное организующее влияние.

Ключевые слова: судебное решение; глобальный уровень; тематические макроструктуры; схематические суперструктуры.

E. N. Shalova

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics; Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University;
e-mail: 4291525@mail.ru

ANALYSIS OF THE DISCOURSE STRUCTURES OF THE COURT DECISION (based on the decisions of the Federal Constitutional court of Germany)

To analyze the discourse of the court decisions, it is particularly important to identify the structures that characterize this type of texts. The foundations of the study are thematic and schematic structures proposed by T. van Dijk. The analysis showed that the texts of court decisions are based on conventional schemes. The global content of the text can be integrated in these schemes. The structure and meaning of the texts of court decisions are not spontaneous: they appear as the result of the codification of procedural actions, while they are aimed at contributing to the successful perception of these texts by the addressee.

Key words: court decision; global content of the text; thematic structures; schematic structures.

Введение

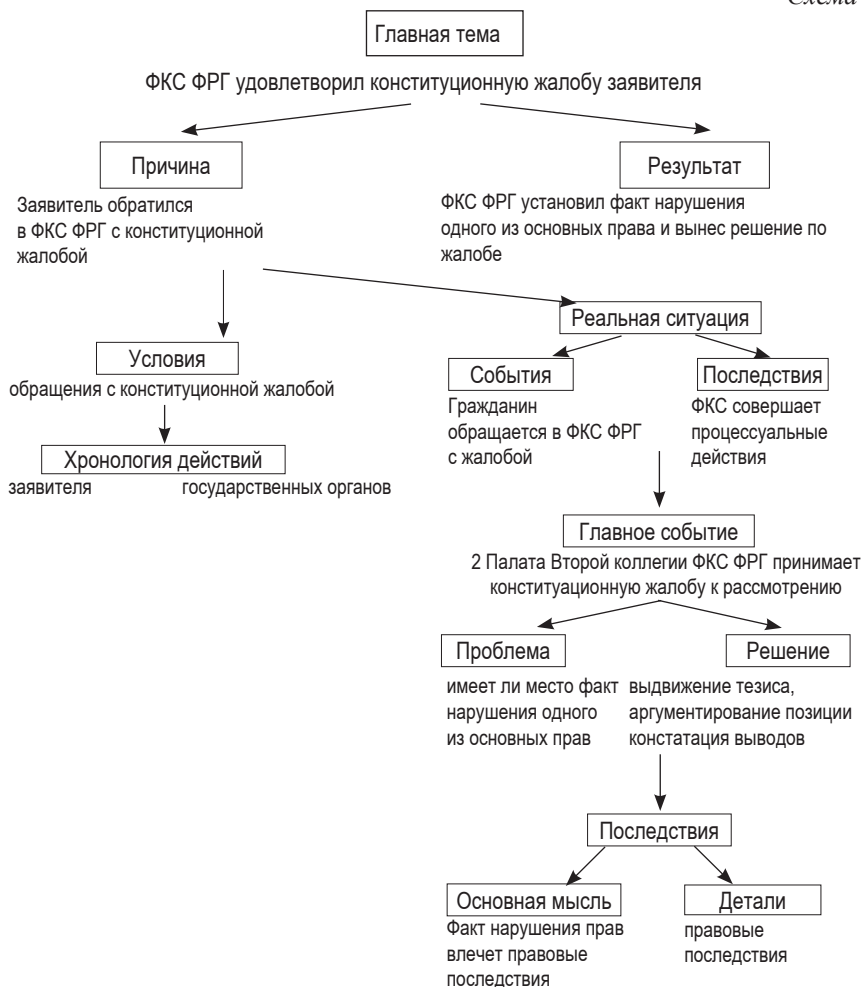
Важным требованием современной лингвистики является дискурсивный подход к изучению текстов, который подразумевает исследование текста с учетом ситуации, в которой он создан, и его взаимосвязи с другими текстами, принимая во внимание целевые установки, статус, мировоззрение и личностные качества автора, а также специфику восприятия данного текста обществом. Следуя позиции О. М. Силкиной, что «текст является предметно-знаковой моделью дискурса» [Силкина 2019], можно говорить о том, что материалом для изучения дискурса могут выступать тексты определенной направленности. Данное исследование сконцентрировано на анализе текстов судебных решений Федерального Конституционного суда ФРГ (ФКС ФРГ) с целью выявления их специфики, дальнейшего описания характеристики структуры текста, а также рассмотрения особенностей дискурса судебного решения. Следуя позиции

Т. ван Дейка, мы полагаем, что «анализ дискурса возможен на уровне, более глобальном, чем микроуровень слов и предложений, а именно – на общем глобальном уровне, то есть на исследовании, прежде всего, тематических макроструктур и схематических суперструктур» [Т. ван Дейк 2000]. Под тематической макроструктурой дискурса мы, вслед за Т. ван Дейком, понимаем «целостную организацию наиболее общих, глобальных тем» [ван Дейк 2000]. Анализ последовательности изложения информации позволяет выявить определенный тип организации тематической макроструктуры текста, к которому можно отнести: хронологическую организацию, последовательную организацию, пространственную организацию, сравнение – противопоставление, преимущества – недостатки, причину – следствие, проблему – решение, тематическую организацию, основную мысль – детали, классификацию, процесс, перечисление, описание, краткое содержание, обобщение с примером. Однако текст или дискурс не всегда следует одной конкретной модели, «модели организации макроструктуры могут быть использованы в сочетании друг с другом» [Хомутова, Силкина 2018]. Следующим термином, релевантным для анализа структур судебного решения, является предложенный Т. ван Дейком термин «схематическая суперструктура», подразумевающий «набор характерных категорий и набор правил и схем, определяющих порядок следования этих категорий <...>». Данные категории обладают постоянными, конвенциональными свойствами, организующими макроструктуры» [Т. ван Дейк 2000].

Модель макроструктуры текста судебного решения ФКС ФРГ

Рассмотрение особенностей тематической макроструктуры текста судебного решения возможно на примере положительного решения ФКС ФРГ 2BvR 1381/17 [Bundesverfassungsgericht URL]. Описание данной структуры мы предполагаем провести на примере следующей модели:

Схема 1

Вершина тематической структуры теста представлена категорией «Главная тема», передающей в сжатой форме основную тему текста: ФКС ФРГ удовлетворил конституционную жалобу заявителя. Данная категория получает дальнейшее раскрытие посредством организации информации по типу: причина – следствие, где в качестве причины выступает факт обращения заявителя с конституционной жалобой и в качестве следствия изложение краткой информации о вынесенном решении:

- Der Beschluss des Oberlandesgerichts Dresden ... verletzt den Beschwerdeführer in seinem Grundrecht ...
- Решение Верховного суда г. Дрезден ущемляет заявителя в его основном праве...;
- Der Beschluss des Oberlandesgerichts Dresden... wird... aufgehoben.
- Решение Верховного суда г. Дрезден будет отменено;
- Die Sache wird an das Oberlandesgericht Dresden zurückverwiesen.
- Дело будет передано на повторное рассмотрение в Верховный суд г. Дрезден;
- Der Beschluss des Oberlandesgerichts Dresden... wird damit gegenstandslos.
- Решение Верховного суда г. Дрезден теряет юридическую силу.
- Das Land Sachsen hat dem Beschwerdeführer seine notwendigen Auslagen zu erstatten.
- Федеральной земле Саксония надлежит возместить заявителю расходы, связанные с направлением жалобы.

Компонент «Причина» выводит читателя на следующий уровень представления информации в рамках компонентов: «Условия» и «Реальная ситуация». Особенностью изложения информации на этом уровне в рамках компонента «Причина» является то, что тематическая структура представляет собой набор выделенных по хронологическому признаку эпизодов, вокруг каждого из которых организуется часть текстовой информации. Применительно к вышеуказанному судебному решению можно вычленить следующие тематические единицы, относящиеся к этому уровню:

А – Действия заявителя:

- 1 – Der Beschwerdeführer, ein russischer Staatsangehöriger, wendet sich mit seiner Verfassungsbeschwerde gegen Beschlüsse des OLG Dresden, mit denen seine Auslieferung... nach Russland für zulässig erklärt... wurde.

– Заявитель, гражданин РФ, обращается с конституционной жалобой на решение Верховного суда г. Дрезден о допустимости экстрадиции заявителя;

2 – Der Beschwerdeführer wird verdächtigt, in seiner Heimat versucht zu haben, die Geschädigte seiner Sexualstraftat... zu töten. Er macht geltend, sowohl der Vorwurf der Sexualstraftat als auch... der Vorwurf des Tötungsdelikts seien falsche Anschuldigungen...

– Заявитель подозревается в совершении уголовных преступлений на Родине, он отклоняет ложные, с его точки зрения, подозрения;

3 – Im Jahr 2015 reiste der Beschwerdeführer nach Polen und beantragte dort Asyl...

– Заявитель в 2015 году выехал в Польшу и ходатайствовал о предоставлении политического убежища в Польше;

4 – ... am 31. Mai 2016 stellte der Beschwerdeführer Anträge auf Asyl in Deutschland

– 31 мая 2016 года заявитель обратился с ходатайством о предоставлении политического убежища в ФРГ;

5 – ... am 15 September 2016 erhob... der Beschwerdeführer Klagen vom Verwaltungsgericht Dresden

– 15 сентября 2016 заявитель обратился с иском в Административный суд;

6 – Der... Beschwerdeführer beantragte beim OLG am 18. April 2017 die erneute Zulässigkeitsentscheidung

– Заявитель вновь обратился с иском в Верховный суд г. Дрезден.

Б – Действия государственных органов заинтересованных стран:

1 – am 26. Januar 2017 gingen die Auslieferungsunterlagen der Generalstaatsanwaltschaft der RF beim Bundesamt für Justiz ein.

– 26 января 2017 Генеральная прокуратура РФ передала в Федеральное ведомство юстиции запрос на выдачу заявителя;

2 – Der Beschwerdeführer wurde am 6. Februar 2017 von dem Ermittlungsrichter des Amtsgerichts Dresden... persönlich angehört

– 6 февраля 2017 года заявитель лично допрошен следственным судьей муниципального суда г. Дрезден;

3 – Die Generalstaatsanwaltschaft Dresden beantragte am 13. Februar 2017 beim OLG Dresden, die Auslieferung für zulässig zu erklären

– Генеральная прокуратура г. Дрезден направила ходатайство в Верховный суд г. Дрезден о допустимости экстрадиции заявителя;

4 – ... forderte das OLG Dresden die Generalstaatsanwaltschaft auf, die Umstände der Asylantragstellung in der Republik Polen... aufzuklären

– Верховный суд г. Дрезден потребовал у Генеральной прокуратуры уточнения обстоятельств ходатайства о предоставлении политического убежища в Польше;

5 – ... am 4. April 2017 erklärte das OLG Dresden... die Auslieferung für zulässig

– Верховный суд г. Дрезден принял решение о допустимости экстрадиции заявителя;

6 – ... am 11. Mai 2017 lehnte das OLG den Antrag auf die erneute Zulässigkeitsentscheidung

– Верховный суд г. Дрезден отклонил новое ходатайство заявителя относительно допустимости экстрадиции.

Компонент «Реальная ситуация» представлен «Событием» и «Последствием», где в качестве «События» фигурирует факт обращения гражданина с конституционной жалобой:

Mit seiner...Verfassungsbeschwerde wendet sich der... Beschwerdeführer gegen die Entscheidungen des OLG Dresden und rügt eine Verletzung seines Grundrechts...

– Заявитель обращается с конституционной жалобой на решения Верховного суда г. Дрезден и критикует нарушение одного из его основных прав;

В качестве «Последствия» дается информация о процессуальных действиях ФКС ФРГ как реакция на обращение.

... hat die 2. Kammer des Zweiten Senats... am 4. Juli angeordnet, die Übergabe des Beschwerdeführers... einstweilen zu untersagen

– Вторая палата Второй коллегии ФКС ФРГ приняла решение о временном приостановлении процесса выдачи заявителя;

Вышеуказанные категории предвеляют следующую: «Главное событие», информация в которой организована по типу: проблема – решение. Компонент «Проблема» вытекает непосредственно из информации о полномочиях ФКС по рассмотрению конституционных жалоб граждан на предмет нарушения одного из основных прав.

Die für die Beurteilung maßgeblichen verfassungsrechtlichen Fragen sind bereits entschieden. Demnach ist die Verfassungsbeschwerde zulässig und begründet...

– Вопросы конституционно-правового характера, имеющее решающее значение для вынесения решения уже решены. В соответствии с этим конституционная жалоба является допустимой и обоснованной...

Компонент «Решение» содержит информацию, структурированную по принципу: А – выдвижение тезиса; Б – аргументирование позиции; В – констатация выводов:

А – Die Verfassungsbeschwerde ist zulässig

– ФКС ФРГ считает конституционную жалобу допустимой к рассмотрению;

Die Verfassungsbeschwerde ist begründet

– ФКС ФРГ считает конституционную жалобу обоснованной;

Б – Auch wenn im konkreten Fall aus Art. 16a Abs. 1 GG kein Asylantrag folgt, muss der Grundgedanke dieser Norm... dabei berücksichtigt werden. Soweit ernstliche Gründe für die Annahme einer politischen Verfolgung... bestehen, hat das Gericht die beantragte Auslieferung demnach für unzulässig zu erklären... Dies folgt verfassungsrechtlich aus Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG...

- Даже если в данном конкретном случае из текста п. 1 ст. 16а Основного закона не вытекает право обращения с ходатайством о предоставлении политического убежища..., то основная идея этой конституционной нормы должна быть принята судом во внимание. С учетом того, что существуют веские причины предполагать политическое преследование, суд должен был заявить о недопустимости экстрадиции... Это следует из положений Конституции, а именно – п. 1 абз. 4 ст. 19.

В – Den Anforderungen des Art. 19 Satz 1 GG wird der Beschluss des OLG Dresden nicht gerecht

– ФКС ФРГ считает решение Верховного суда г. Дрезден не соответствующим требованиям п. 1 ст. 19 Основного закона ФРГ;

Непосредственно из категории «Главное событие» вытекает, образуя самый нижний уровень, категория «Последствия», тематическая информация которой представлена типом: основная мысль – детали. Компонент «Основная мысль» содержит информацию по установлению факта нарушения права:

Im Umfang der festgestellten Grundrechtsverletzung...
принимая во внимание факт нарушения Основного закона...

В компоненте «Последствия» приводится информация о процессуальных последствиях решения, изначально приведенная в рамках компонента «Результат»:

... wird der Beschluss des OLG Dresden... aufgehoben, die Sache wird an das OLG zurückverwiesen

– решение Верховного суда г. Дрезден будет отменено, дело будет передано в Верховный суд г. Дрезден для пересмотра.

Анализ категорий показал явно выраженный последовательный порядок представления тем в тексте решения, что является существенным отличием текстов судебного решения от текстов, например новостей или научных текстов. Данный порядок представления информации позволяет адресату (правоприменителю), прежде всего, своевременно корректировать и обновлять ранее изложенную информацию, в итоге получить полную картину о специфике ситуации.

В результате анализа модели тематической макроструктуры текста судебного решения, можно сделать вывод, что в основе процесса реализации тематической структуры в тексте лежит несколько определяющих принципов: важная информация располагается в начале решения; далее релевантная информация подвергается уточнению посредством дополнительных сведений о заявителе, о действиях участников события в хронологическом порядке, о последствиях этих действий; дается уточнение о позиции ФКС ФРГ по данному вопросу.

Кроме того, тематическая макроструктура испытывает дробление на отдельные тематические разделы нижнего уровня, представленные категориями, которые строятся по определенному типу, испытывающему организующее влияние как со стороны схематической суперструктуры, так и со стороны процессуальных норм права.

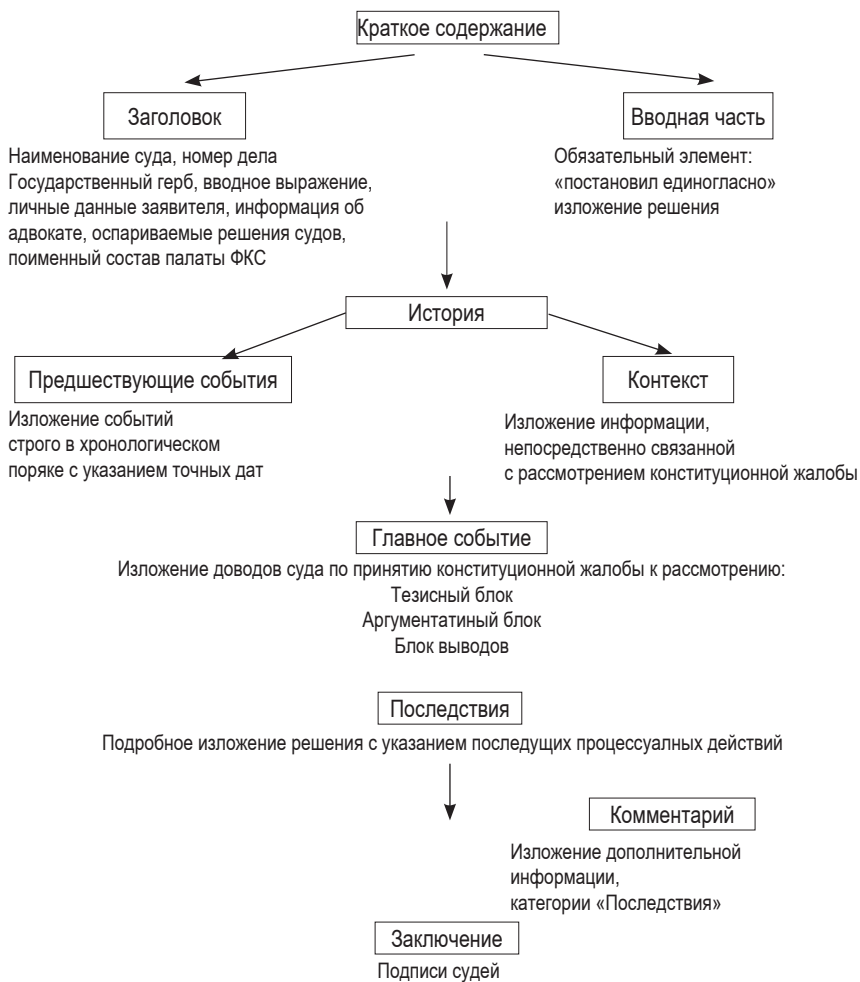
Модель суперструктуры текста судебного решения ФКС ФРГ

Основными категориями модели суперструктуры текста судебного решения ФКС ФРГ могут быть: Краткое содержание, включающее Заголовок и Вводную часть; История, представленная Предшествующими событиями и Контекстом; Главное событие; Последствия; Заключение. Анализ вердиктов суда позволяет говорить, что перечень и порядок расположения основных категорий строго фиксирован. Это

вызвано тем, что порядок категорий во многом определяет порядок подачи информации в тексте, что проявляется в последовательной реализации тематических элементов макроструктуры текста.

Рассмотрим вышеуказанное решение ФКС ФРГ, представленное в виде модели, отражающей его суперструктуру:

Схема 2

Модель суперструктуры решения ФКС ФРГ

Категория «Краткое содержание», объединяющая в себе компоненты «Заголовок» и «Вводная часть», демонстрирует константную структуру, где порядок и перечень элементов имеют четкую последовательность. Компонент «Заголовок» структурно находится в самой вершине текста и предваряется наименованием суда и номером дела. Далее по центру приводится государственный символ – герб и обязательное вводное выражение: «IM NAMEN DES VOLKES – ОТ ИМЕНИ НАРОДА». Затем следуют личные данные заявителя (приводятся всегда в анонимной форме), информация об адвокате, представляющем интересы заявителя. Далее структура Заголовка содержит изложение решений судов, которые оспариваются заявителем на предмет нарушения одного из его конституционных прав. Поименный состав палаты суда и обязательный элемент: «*hat einstimmig beschlossen* – постановил единогласно» предваряют информацию особой важности, а именно – краткое изложение решения ФКС по данной жалобе (всегда выделяется графически), представленное в компоненте «Вводная часть».

Таким образом, спецификой текстов решений ФКС ФРГ в Заголовке и Вводной части является то, что общим правилом для данных текстов служит, во-первых, представление информации в строго фиксированной последовательности, информация имеет идеологический характер. Это проявляется в том, что в Заголовке изображен Государственный герб ФРГ, подчеркивая мысль, что ФКС ФРГ является не только высшим государственным судом в области конституционного правосудия, но и конституционным органом. Наличие обязательного элемента: «IM NAMEN DES VOLKES» указывает на положения Основного закона ФРГ об осуществлении государственной власти народом через определенные органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Последующая информация о заявителе, поданная в решении в анонимной форме, вытекает из Закона ФРГ о защите персональных данных. Во-вторых, информация особой важности в сжатой форме всегда подается в начале сообщения, образуя вершину тематической макроструктуры текста. Из этого следует, что структура и смысловая направленность текста решения ФКС ФРГ непроизвольны и испытывают взаимное организующее влияние. За категорией «Краткое содержание» следует категория «История», структурно представленная компонентами «Предшествующие события» и «Контекст». Компоненты «Предшествующие события» и «Контекст» развиваются в тексте в линейной последовательности, предполагающей

четкое выполнение сначала одного действия и только потом переход к следующему. Поэтому события в данной категории и последствия данных событий изложены строго в хронологическом порядке, с указанием точных дат. Следует отметить, что данная категория, как и последующие категории, выделены графически. К графическим характеристикам категорий данного судебного вердикта следует отнести: четкую сегментацию текста и его расположение на бумаге, шрифтовой набор, боковую разметку, дополнительные пробелы, скобки, знаковые обозначения. Категория «Главное событие» структурно находится сразу после Истории и, «представляя собой многоуровневое образование, непосредственно отражает характер аргументации, типичной для письменного вердикта суда» [Шалова 2019]. Категория «Последствия» расположена после Главного события и частично совпадает с изложением решения ФКС ФРГ, приведенным в категории «Краткое содержание». Категория «Заключение» применительно к вышеуказанному тексту судебного решения ФКС ФРГ содержит подписи судей 2 Палаты Второй коллегии в количестве трех человек.

Рассмотрение приведенных в модели категорий позволяет сделать вывод, что Краткое содержание, включающее Заголовок и Вводную часть, может рассматриваться как начальная категория модели. Следующая категория «История» включает в себя подробную информацию о событиях, произошедших до момента основного события, но фактически известных, изложенных в тексте в хронологическом порядке, а также о действиях лиц в связи с этими событиями. Категория «История» всегда предваряет категорию «Главное событие», отражая информацию, релевантную для описания событий, происходящих на момент создания текста, а именно – изложение доводов, которыми руководствуется суд при принятии решения. Особенностью вышеуказанной категории является то, что она, вероятно, отражает характер аргументации и особенности мышления, которые оказывают непосредственное влияние на структуру данной части текста. Категория «Последствия» отражает вербальную реакцию суда на оценку информации, изложенной в категории «Главное событие». Заключение, являясь обязательной категорией, содержит подписи судей. Однако данный перечень может быть дополнен факультативной категорией «Комментарии», последние могут содержать информацию о совершении процессуальных действий, которые суд, в силу своих полномочий, поручает выполнить другому органу.

Заключение

Специфическим свойством текстов судебного решения является то, что и макроструктура, и суперструктура судебного решения представлены в тексте в определенной последовательности. Вершина макроструктуры дается в начале, затем последовательно идет изложение следующих, более низких уровней сообщения, включающих детали содержания. Кроме того, все части текста судебного решения ФКС ФРГ имеют конвенциональную природу и испытывают серьезное влияние процессуальных норм, поэтому могут рассматриваться как обязательные категории формальной организации текста. Для вышеприведенного судебного решения характерно использование полной структуры, когда в нем присутствуют все категории, при этом универсально значимыми являются категории: Краткое содержание (Заголовок и Вводная часть); История (Предшествующие события и Контекст); Главное событие; Последствия; Заключение. Факультативной является категория – Комментарии. Проанализированный вердикт ФКС ФРГ демонстрирует четкую структурную последовательность обязательных категорий. Определенные особенности структуры судебного решения ФКС ФРГ обусловлены тем, что для судебного решения ФКС ФРГ как юридического текста характерна модель композиционно-смысловой структуры текста в линейной последовательности, когда основная идея представляется в самом начале и последовательно раскрывается с помощью вербального выражения всех компонентов текста. Это проявляется в жесткой структуре и в большей нагрузке на категорию «Краткое содержание».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация // Благовещенск. РИО БГК им. И. А. Бодуэна до Куртэнэ, 2000. [Deik, van T. A. (2000). *Yazy'k. Poznanie. Kommunikaciya (Language, knowledge, communication)*. Blagoveshchensk: RIO BGK im I. A. Boduena de Kurtene (In Russ.)]
- Силкина О. М. Суперструктура научной аннотации: универсальное и культурно-специфическое (на материале английского, немецкого и русского языков) // Научный результат. Вопросы теоретической прикладной лингвистики. № 3. Т. 5. С. 82–96. [Silkina, O. M. (2019). *Superstruktura nauchnoj annotacii: universal'noe i kul'turno-specificheskoe (na materiale anglijskogo, nemeczkogo i russkogo yazy'kov)* (*Superstructure of a scientific annotation: universal and culturally specific (based on the material of English, German and*

Russian languages)). *Nauchnyj resul'tat. Voprosy teoreticheskoy prikladnoj lingvistiki*. 3 (pp. 82–96) (In Russ.)]

Хомутова Т. Н., Силкина О. М. Макроструктура научной статьи // Вестник ЮУрГУ, Серия «Лингвистика», 2018. № 4. Т. 15. С. 21–30. [Xomutova, T. N., Silkina, O. M. (2018). Makrostruktura nauchnoj stat'i (*Macrostructure of a scientific article*). *Vestnik YuUrGU, Seriya "Lingvistika"*, 4. (pp. 21–30) (In Russ.)]

Шалова Е. Н. Аргументация в тексте письменного решения Федерального Конституционного Суда ФРГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 13 (829). С. 106–117. [Shalova, E. N. (2019). Argumentaciya v tekste pis'mennogo resheniya Federal'nogo Konstitucionnogo Suda FRG (*Argumentation in the text of the written decision of the Federal constitutional Court of Germany*). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 13 (829) (pp. 106–117) (In Russ.)]

Bundesverfassungsgericht Entscheidungen: 2 BvR 1381/17. // Bundesverfassungsgericht-Startseite. Bundesverfassungsgericht Entscheidungen: 2 BvR 1381/17. // Bundesverfassungsgericht-Startseite (Decisions of the Federal constitutional Court of Germany. Start page). URL: www.bundesverfassungsgericht.de/DE/Homepage/homepage_node.html. (дата обращения: 29.03.2018).

УДК 82

С. В. Косихина

кандидат филологических наук;
доцент кафедры русского языка и теории словесности
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: svkosihina@yandex.ru

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ПЕРЕВОДЧИКА (И. Ф. АННЕНСКИЙ)

В статье исследуются особенности переводческой манеры И. Ф. Анненского на основании сравнительного анализа итальянского стихотворения Ады Негри «Nevicata» и его перевода – стихотворения в прозе «Под снегом», выполненного И. Ф. Анненским. Следуя принципам Д. С. Лихачева, который настаивал на строгом историческом изучении текста, мы обратились к рукописям И. Ф. Анненского, хранящимся в его архиве. В статье впервые публикуется черновой автограф перевода стихотворения «Nevicata» с сохранением первоначальных вариантов, авторской пунктуации и деления на строфы, что позволяет представить текст в его многослойности. Кроме того приводится оригинал стихотворения Ады Негри и его подстрочный перевод, выполненный автором статьи. Филологический анализ текста И. Ф. Анненского позволяет сделать выводы об особом способе ритмизации прозы, когда семантика находит свое воплощение в целостном ритмико-интонационном образе. «Неточности» и «дефекты» в переводе, которые, по мнению И. Ф. Анненского, являются необходимыми для переводчика, свидетельствуют о наполнении стихотворения в прозе «Под снегом» «новым психическим содержанием».

Ключевые слова: И. Ф. Анненский; Ада Негри; «Nevicata»; «Под снегом»; автограф; перевод; ритмико-интонационный образ; ритмизация прозы.

S. V. Kosikhina

PhD, Assistant Professor at the Department of the Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University;
e-mail svkosihina@yandex.ru

CREATIVE LABORATORY OF A TRANSLATOR (I. F. ANNENSKIY)

The article focuses on the peculiarities of translation manner of I. F. Annenskiy on the base of comparison analysis of the Italian poem «Nevicata» by Ada Negri and its translation – the poem «Under the snow» by I. F. Annenskiy. Following the

principles of D. S. Likhachev, who insisted on the strict historical analysis of the text, it was considered necessary to turn to Annensky's manuscripts from his archives. Being published for the first time the draft of «Nevicata» translation in the following article preserved initial variants, author's punctuation and strophes partition that allows the reader to see various layers of the text. Moreover, the article has the original poem by Ada Negri and its interlinear translation, done by the article's author. Philological analysis of I. F. Annenskiy's text makes it possible to draw conclusions about a specific way of prose rhythmic as semantics finds its embodiment in a complete rhythmic inflection image. «Inaccuracies» and «flaws» in the translation that are essential for a translator according to I. F. Annenskiy can be viewed as an evidence of filling the poem «Under the snow» with a «new psychical content».

Key words: I. F. Annenskiy; Ada Negri; «Nevicata»; «Under the snow»; autograph; translation; rhythmic inflection image; prose rhythmic.

Введение

Анализ особенностей произведений, которые переводил И. Ф. Анненский, неизбежно приведет к еще одному переводу: с языка искусства на другой язык – язык исследователя. Смягчить субъективизм в данном случае позволит только особый подход, опирающийся на строгое историческое изучение. Именно такой способ изучения литературного произведения Д. С. Лихачев называл единственно возможным и настаивал на исследовании черновиков, позволяющих воссоздать историю создания произведения, историю авторских замыслов, их изменение, а также форму воплощения. Работа с рукописными материалами И. Ф. Анненского в Российском Государственном архиве литературы и искусства в Москве позволила нам увидеть авторские пометы карандашом, зачеркнутые варианты, расположение текста на листе и авторскую пунктуацию, на основании которых нами были сделаны выводы о намерениях автора, их эволюции, а также степени их законченности. Сопоставление черновиков И. Ф. Анненского, где были представлены переводы стихотворений итальянской поэтессы Ады Негри, и самих оригиналов на итальянском языке позволило нам увидеть серьезные расхождения между авторским текстом и переводом. Сравнение, в свою очередь, переводов и оригинальных произведений И. Ф. Анненского дало возможность определить место переведенных стихотворений в творческой эволюции поэта.

Материалом для нашего исследования послужило стихотворение Ады Негри «Nevicata» и перевод этого стихотворения, сделанный Иннокентием Анненским.

История публикации стихотворения в прозе «Под снегом»

В 1979 г. в издательстве «Наука» в «Книгах отражений» И. Ф. Анненского впервые было опубликовано произведение «Под снегом» под общим названием «Стихотворения в прозе» из цикла «Autopsia». Эту публикацию подготовил А. В. Федоров, который, судя по записям архива, первым работал с рукописями поэта. Нам удалось познакомиться с этими оригиналами: среди рукописных материалов И. Ф. Анненского в РГАЛИ «за единицей хранения 57 числится серая папка, в которой хранятся восемнадцать листов черновых автографов поэта. В машинописной описи № 1 эта папка получила название «Autopsia» и другие стихотворения в прозе, которое ей присвоили по заглавию первого стихотворения» [Косихина 2008]. Произведение «Под снегом» находится на втором листе. Нумерация первых семи листов, сделанная сверху красным карандашом, принадлежит самому И. Ф. Анненскому: этим же карандашом поэт делал исправления на отдельных листах.

По сравнению с другими стихотворениями в этой рукописи мало исправлений. Но при этом одно исправление заметно выделяет этот перевод на фоне всех остальных: только у него есть два варианта названия, причем зачеркнутый вариант заведомо далеко уходит от итальянского оригинала. Именно этот факт и заставил нас обратить более пристальное внимание на перевод и сравнить его с исходным текстом Ады Негри.

Публикуя текст по автографу, мы будем сохранять авторскую орфографию и пунктуацию. В этом мы руководствуемся принципами Ю. М. Лотмана и Д. С. Лихачева, которые утверждали, что «модернизация графики – явление не столь уж безобидное и безболезненное для авторского текста, как это принято думать» [Лотман 1996], именно поэтому «ни в коем случае не следует механически менять знаки препинания у автора XIX и XX вв. по школьным правилам современной орфографии» [Лихачев 2006].

Следует отметить, что стихотворение в прозе «Под снегом» было опубликовано А. В. Федоровым в соответствии с современной пунктуационной нормой, при этом были не только добавлены необходимые, по мнению исследователя, знаки препинания, но и произвольно изменено деление на прозаические строфы.

Автограф перевода И. Ф. Анненского, оригинал итальянского стихотворения Ады Негри «Nevicata», подстрочный перевод

В нашей публикации зачеркнутые рукой И. Ф. Анненского варианты слов и словосочетаний мы будем указывать в квадратных скобках, а границы строки обозначать вертикальной чертой.

[Снѣгурочка]
Под снѣгом
На поля и [улицы]дороги, |
Легко и неслышно кружась падаютъ снѣжные |
хлопья Рѣзвятся бѣлые [танцоры]плясуны въ |
небесномъ просторѣ и усталые неподвижные цѣлыми тысячами отдыха-
ютъ |
на землѣ а тамъ заснуть на крышах, на |
дорогах, на столбахъ и деревьяхъ. |
[Миръ повсюду][Все мирно] кругомъ – тишина |
[Миръ молчитъ]въ глубокомъ забытѣи и ко |
всему равнодушный миръ безмолвен, |
Но въ этомъ безбрежномъ покоѣе |
сердце обернулось къ прошлому и |
думаетъ объ усыпленной любви. |

(РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. Хр. 57. Шифр 2700/113)

Оригинал стихотворения Ады Негри из сборника “Fatalita”	Подстрочник, выполненный автором статьи
NEVICATA Sui campi e su le strade Silenziosa e lieve, Volteggiando, la neve Cade. Danza la falda bianca Ne l’ampio scherzosa Poi sul terren si posa Stanca. In mille immote forme Sui tetti e sui camini, Sui cippi e nei giardini Dorme.	СНЕГОПАД На поля и дороги, Тихий и лёгкий, Кружась, снег Падает. Танцует волна белоснежная В широком небе, шутливая, Затем на землю ложится, Уставшая. В тысяче неподвижных форм На крышах и на каминах, На столбах и в садах Спит.

Tutto dintorno è pace: Chuiso in oblio profondo, Indifferente il mondo Tace... Ma ne la calma immensa Torna ai ricordi il core, E ad un sopito amore Pensa	Всё внутри в покое, Закрыто в забвеньи глубоком. Безразличный мир Молчит. Но в необъятном спокойствии Возвращается к воспоминаниям сердце И об усыпленной любви Думает
[Ada Negri 1892]	

Сравнительный анализ ритмико-интонационного рисунка итальянского стихотворения и перевода, выполненного И. Ф. Анненским

В «Книгах отражений» прозаическая миниатюра «Под снегом» разделена на два абзаца, при этом в автографах поэта перевод делится на три абзаца, не считая первой строки, о которой следует сказать особо. Эта строка выделяется на фоне остального текста: она является самой короткой и состоит всего из двух существительных с предлогами, что полностью соответствует итальянскому оригиналу:

Sui campi e su le strade

На поля и дороги,

В переводе поэт добавляет лишь запятую, тем самым удлиняя паузу оставшегося белого поля строки, что замедляет общий ритм. Изменению ритмико-интонационного рисунка способствует и замена при переводе двусложного размера на трехсложный: хорей первой строки в стихотворении Ады Негри превращается у Анненского в анапест. Таким образом, первая строка перевода может свидетельствовать о первоначальном замысле поэта перевести рифмованное и ритмизованное итальянское стихотворение с сохранением ритма и деления на строки и строфы. Но уже во второй строке И. Ф. Анненский нарушает это соответствие итальянскому оригиналу, соединив вторую и третью строки. При этом, отказавшись от рифмы и избрав жанровую форму стихотворения в прозе, Иннокентий Анненский выстраивает собственный интонационно-мелодический рисунок. Итальянское стихотворение, состоящее из пяти строф с богатой кольцевой рифмой, построено

таким образом, что каждый элемент подчеркивает ритм и движение. Большую роль в этом играет и прием визуализации: четыре короткие строки в каждой строфе заканчиваются последней строкой, представленной только одним словом, выделенным заглавной буквой. Все пять слов, вынесенных Адой Негри на отдельную строку, связаны с глаголом: «падает», «устал», «уснувшая», «молчит», «думает».

В своем переводе И. Ф. Анненский подчеркивает движение иным образом: поэт ритмизирует прозу так, что лексическое значение получает свое отражение в ритме, который кардинально отличается от оригинала. Например, значение кружения снежных хлопьев в танце И. Ф. Анненский зашифровывает в ритмическом рисунке перевода, используя трехдольный размер. Только трехдольность в музыке способна передать вращение, поэт использует трехсложный размер, повторяющий ритм вальса. При этом он передает не только ритм вальса, но и воспроизводит его основной элемент – чередование правого и левого поворота. Этот эффект достигается И. Ф. Анненским за счет чередования трехсложных размеров, на границе которых находится пиррихий. Четырехстопный анапест («На поля и дороги, легко и неслышно кружась» $_ _ / _ _ / _ _ / _ _ / _ _ / _ _ / _ _ / _ _ /$) сменяется дактилем («Падают снежные хлопья» $/ _ _ / _ _ / _ _ / _ _ /$), повторяющим не только количество ударов в такте вальса, но и с точностью передающим акцентированный ритм этого танца, такт которого начинается с ударного счета. Изменение характера движения, где танец теряет свою стройность и постепенно угасает, поэт передает с помощью ритма, заложенного на уровне более крупных единиц – лексических повторов и синтаксических параллелизмов. Перечислительная интонация с обилием пауз также способствует общему замедлению ритма («а там заснут на крышах, на дорогах, на столбах и деревьях»), который резко прерывается с помощью авторского тире («кругом – тишина в глубоком забытьи»). Долгая пауза в данном случае становится воплощением того индивидуально-неповторимого душевного переживания, которое невозможно выразить в слове. Таким образом, И. Ф. Анненский, прикасаясь к итальянскому оригиналу, наполняет его иным эмоционально-психическим содержанием, которое находит свое воплощение прежде всего в целостном ритмико-интонационном образе. Интонация переживается поэтом как некое заданное содержание и предшествует отбору слов: по мнению И. Ф. Анненского, «в лирике определителем настроения являются нередко именно созвучия,

если не мелодичность фразы или ритмический рисунок, а вовсе не тот или другой словесный символ» [Анненский 1979]. На то, что в переводах И. Ф. Анненского, «интонация важнее слов», которые «всегда второстепенны», обращал внимание и М. Л. Гаспаров: «Слова никогда не выражают вполне мысль поэта» [Гаспаров 1998]. В стихотворении «Nevicata», не чувствуя сопротивления материала, Анненский стремится точно перевести итальянские слова, но при этом перевод с языка на язык уступает переводу с чувства на чувство, что находит свое отражение на невербальном уровне. В данном случае перевод можно сравнить с тем, что Ю. М. Лотман называл «искусством эстетики тождества» [Лотман 2005], т. е. системой с фиксированной областью содержания и «механизмом, сохраняющим неавтоматичность, и потому постоянно ощущаемым» [Лотман 2005]. Таким образом, ритмико-интонационный рисунок становится в стихотворении тем «возбудителем информации», который приводит к «возрастанию информации внутри сознания получателя» [Лотман 2005].

Анализ семантических смещений в переводе И. Ф. Анненского

Этому увеличению внутренней информации способствуют и семантические смещения при переводе слов. Анненский-переводчик всегда отрицал возможность точного перевода: «Самая буквальность переводов подчеркивает их безнадежную неверность» [Анненский 1979]. Наиболее заметным случаем расхождения перевода с оригиналом стихотворения «Nevicata» становится повтор слова «дороги», при этом в коротком итальянском стихотворении Ады Негри, состоящим всего из шести десятков слов, не только не повторяется это слово, но и вообще отсутствуют повторы. Слово «le strade», имеющее в итальянском языке несколько значений, И. Ф. Анненский сначала переводит как «улицы», но затем отдает предпочтение другому значению этого слова – «дороги», о чем свидетельствуют исправления в автографе. Эту замену вполне можно объяснить поиском слова, позволяющим безупречно выстроить ритмический рисунок, опирающийся на трехдольный размер с нужным ударным слогом. Повторное появление слова «дороги» уже невозможно объяснить через ритмическую организацию стихотворения, так как словоформы «на каминах» и «на дорогах» имеют равное количество слогов с одинаковой позицией ударного слога, а, следовательно, причину заведомо неточного перевода слова «камины» нужно искать в семантике. Итальянское слово «camini» латинского

происхождения (*camīnus*), и потому имеет схожее звучание и написание как в итальянском языке, так и в русском языке, куда это слово пришло через немецкий язык (*Kamin*). На фоне точного перевода остальных слов отказ от слова, которое имеет соответствие в русском языке, и замена его словом семантически и ассоциативно далеким, причем уже встречающимся в переводе, могут свидетельствовать, во-первых, о ключевой роли слова «дорога» в стихотворении, и во-вторых, о чуждости слова «камины», с точки зрения И. Ф. Анненского, для общего замысла произведения. Анализ данных «неточностей» в переводе И. Ф. Анненского позволяет сделать вывод о том, что поэт намеренно стремится избавить картины природы от присутствия человека: улицы и камин превращаются у него в дороги, а сады – просто в деревья. На фоне этого безлюдья особо зримым в стихотворении становится «думающее» сердце лирического героя, которое является коррелятом «ожившей», но засыпающей природы. При этом общеязыковая метонимия «сердце» способствует своеобразному расщеплению «лирического я», что позволяет субъекту речи не только посмотреть на себя со стороны, но и «обернуться к прошлому», прочертив таким образом «дорогу» от себя – сегодняшнего – к себе – далекому, усыпившему когда-то любовь. Образ холодного сердца заставляет нас обратиться к первоначальному заглавию стихотворения – «Снегурочка», которое, будучи зачеркнутым, навсегда осталось в архивных документах И. Ф. Анненского, так и не вернувшись больше в его творчество. С одной стороны, появление этого слова в переводе можно объяснить поиском русского слова женского рода с корнем «снег», так как итальянское слово в заглавии *nevicata* (снегопад), а также само слово *neve* (снег) принадлежат к женскому роду. С другой стороны, можно предположить, что поэт искал тот образ, который отражал бы иное прочтение итальянского стихотворения. При этом И. Ф. Анненский не мог не понимать, что слово «Снегурочка» воспринималось бы в итальянском стихотворении «инородным телом» [Лютман 1996]: этот персонаж являлся уникальным для русской культуры и отсутствовал в западной новогодней и рождественской мифологии, а самого слова «Снегурочка» («*nevolina*» и «*fanciulla di neve*») не было в итальянском языке – оно зафиксировано в итальянских словарях лишь после 1953 г. Таким образом, это слово могло стать «ключом» к расшифровке нового смысла, которое поэт привносил в перевод. Отказ И. Ф. Анненского от «прямого заглавия» и замена его на «неопределенно-двусмысленное» [Барзах 1999], где отсутствует

номинация предмета речи, приводит к сплошной предикативности стихотворения, так как тема воспринимается таким же неизвестным, как и рема. Избегая таким образом всего «конкретного, ограниченно-го и обрезанного» [Анненский 1979], И. Ф. Анненский рождает в стихотворении «мистическую музыку недосказанного» [там же], которая, в свою очередь, раскрывает «красоту свободной человеческой мысли» [там же] и усиливает ее творческий момент. Именно под воздействием «музыки стиха», «под наплывом поэтических звуко сочетаний», с точки зрения Анненского, и возникают «лучи наших грез», где есть и «слезы наших воспоминаний», и «силуэты милых нам лиц» [там же].

Заключение

Прикасаясь к смыслу итальянского стихотворения «Nevicata», И. Ф. Анненский наполняет его иным эмоционально-психологическим содержанием. По мнению поэта, художественный перевод несет на себе не только печать личности переводчика и его индивидуальной манеры, но и обязательно включает в себя «новое психическое содержание», которое воплощается прежде всего в целостном ритмико-интонационном образе. В переводе «Nevicata» не только смещаются смысловые акценты, но и, прежде всего, кардинально изменяется ритмико-интонационный рисунок. Именно эти изменения позволяют И. Ф. Анненскому сделать перевод «своим», превратив его в «отзвук души поэта на печаль бытия», которая открывает в падающем снеге другую, «созвучную себе мистическую печаль» [Анненский 1979].

Незадолго до смерти в одном из писем к А. В. Бородиной И. Ф. Анненский вспомнил событие, оставившее глубокий след в его жизни: «Это было более 25 лет тому назад; зимой, в морозную, густо-белозвездную ночь мы по дороге во Ржев заплутались на порубе <...>. Если когда-нибудь в жизни я был не...счастлив...а блажен, то именно в эту ночь. Рядом со мной была женщина, которую я любил, но она была решительно ни при чем в этом таинстве; я был поэтом, но мне и в голову не приходило подойти к этому замороженному не-я с покровами слова, с назойливостью ритма, с попыткой какого бы то ни было ограничения <...>. Если бы вторая такая ночь – так иногда я думаю <...>. И вдруг мне становится жалко той старой, невозвратимой, единственной. Да и не слишком ли много бы было на одно человеческое сердце две такие ночи: стенки бы, пожалуй, не выдержали...» [Анненский 1979].

Целое десятилетие отделяло перевод «Nevicata» от этого события. Вспоминал ли И. Ф. Анненский вместе со своим лирическим героем то сокровенное, скрытое, хранимое? Поделился ли с ним *своим* воспоминанием – *единственным и незабытым*? Не связано ли у поэта с тем событием слово «Снегурочка», которое никогда больше не появится в творчестве, став символом той единственной, «невозвратимой» «белозвездной» морозной ночи?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Анненский И. Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. [Annenskij, I. F. (1979). *Knigi otrazhenij. (Books of Reflections)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Барзах А. Обратный перевод. СПб.: Митин журнал, 1999. [Barzah, A. (1999). *Obratnyj perevod. (The reverse translation)*. Saint-Petersburg: Mitin zhurnal. (In Russ.)].
- Гаспаров М. Л. Еврипид Иннокентия Анненского // Еврипид. Трагедии: в 2 т. М.: Наука, 1998. Т. 1. [Gasparov, M. L. (1998). *Eviprid Innokentiya Annenskogo // Evripid. Tragedii: V 2 t. (Innokentiy Annensky's Euripides). Euripides. Tragedies*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Косихина С. В. Неизданные переводы И. Ф. Анненского: Цикл стихов в прозе “Autopsia” // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: «Филология». Вып. 3(13). М., 2008. С. 40–72. Kosihina, S. V. (2008). (*Unpublished translations by I. F. Annensky, Poetic circle in prose “Autopsia”*). *St. Tikhon's University Review. Philology*, 3 (13), (pp. 40–72). (In Russ.)].
- Лихачев Д. С. Текстология. М.: Наука, 2006. [Lihachev, D. S. (2006). *Tekstologiya (Textology)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство–СПб., 1996. [Lotman, Y. M. (1996). *O poetah i poezii (About poets and poetry)*. Saint-Petersburg: Iskustvo–SPb. (In Russ.)].
- Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство–СПб., 2005. [Lotman, Y. M. (2005). *Ob iskusstve. (About art)*. Saint-Petersburg: Iskustvo–SPb. (In Russ.)].
- Negri Ada, *Fatalita*. Milano: Fratelli Treves, Editori. 1892. [Negri, Ada. (1892). *Fatalita (Fate)*. Milan: Fratelli Treves, Editori. (In Ital.)].

УДК 82-1/-9

Д. Д. Усенок

аспирант кафедры всемирной литературы
Московского педагогического государственного университета;
e-mail: dmi.usenok@yandex.ru

«ДНЕВНИК “ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКОВ”» А. ЖИДА КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА

В статье проанализирован дневник А. Жид, который создавался параллельно с романом «Фальшивомонетчики». В нем писатель рассуждал о будущей книге, литературе, природе вдохновения и записывал то, что с ним происходило в период работы над произведением. Понятия «дневника» и «черновика» определили сложность структуры романа, и приложенный к нему дневник является художественным продолжением произведения. Дневник «Фальшивомонетчиков» также проливает свет на то, какую значительную роль сыграла фигура Ф. М. Достоевского в процессе воплощения авторского замысла. Имплицированные связи между произведениями писателей, выявленные в статье, способствуют лучшему пониманию романа А. Жид и тому, какое важное место русская литература и, в частности, Достоевский занимали в сознании французского писателя.

Ключевые слова: дневник; А. Жид; Фальшивомонетчики; Ф. М. Достоевский; роман; фабула; структура; модернизм; герой.

D. D. Usenok

PhD Student, Department of World Literature, Moscow State Pedagogical University;
e-mail: dmi.usenok@yandex.ru

«THE DIARY OF “LES FAUX-MONNAYEURS”» BY ANDRÉ GIDE AS A SEQUEL TO THE NOVEL

The article analyzed the diary by André Gide he wrote along with his novel *Les Faux-Monnayeurs* (The Counterfeiters). In this work, the writer was reasoning about the future book, literature, nature of inspiration and put down what happened to him when he was writing the novel. The “diary” and “draft” notions determined the complexity of the novel’s structure and the diary attached to the novel is a fictional sequel to the work. The Diary of *Les Faux-Monnayeurs* also sheds light on what an important role F. M. Dostoevsky played for André Gide in his pursuit to embody the author’s intention. Implicit relations between the works of writers revealed in the article give insight into the novel by André Gide and promote better understanding of how important the Russian literature and particularly Dostoevsky was for the French writer.

Key words: Diary; A. Gide; *Les Faux-Monnayeurs*; F. M. Dostoevsky; novel; fibula; structure; modernism; character.

Введение

Взгляды Андре Жиды (1869–1951) на литературу всегда определялись его стремлением преодолеть рамки собственной стилистики, общественной морали и других освоенных им пределов. Не зря его главными художественными достижениями стали роман «Фальшивомонетчики» (1925), определивший последующее развитие «нового романа» во Франции, и «Дневник» (1887–1950), по праву считающийся одним из главных автобиографических произведений XX в. Жанр дневника всегда сопровождал творчество французского модерниста и получил свое развитие в выдающемся романе «Фальшивомонетчики». «Я создаю персонаж романиста, которого делаю центральной фигурой романа; и сюжетом книги, если угодно, как раз и является борьба между тем, что преподносит ему действительность и тем, что он мечтает из этой действительности сделать» [Жид 1990, с. 351]. Эти слова принадлежат писателю, Эдуарду, одному из персонажей романа Андре Жиды «Фальшивомонетчики», который ведет в романе собственный дневник. Во многом это высказывание объясняет метод, который выбрал Жид, работая над своим произведением, хотя Эдуарда трудно назвать главным героем романа. Эдуард играет роль персонажа, благодаря которому Жид инициирует развитие своей книги, подвергает сомнению собственные эстетические взгляды. Но писатель, по задумке Жиды, не мог стать главным героем произведения. «Фальшивомонетчики» – первый и единственный роман французского классика. Впоследствии Жид считал эту книгу своим высшим художественным достижением. Одной из особенностей романа стало то, что в нем отсутствовал главный герой: повествование ведется от разных лиц, а иногда в сюжет вторгается и сам автор, комментируя текст и демонстрируя литературные приёмы, составляющие структуру книги.

«Фальшивомонетчики» Андре Жиды многократно становились объектом изучения: форма и содержание романа препарировались французскими и отечественными исследователями. О «Фальшивомонетчиках» как о метаромане писала В. Б. Зусева в статье «Фальшивомонетчики Андре Жиды: Роман автора и роман героя». О содержании книги писала Н. П. Михальская [Михальская 2003, с. 39; Зусева 2006]. В Советской России «Фальшивомонетчики» вышли вскоре после своей публикации во Франции (1926). В качестве приложения к роману был напечатан дневник «Фальшивомонетчиков» – текст, в котором

писатель открывает читателю секреты своего мастерства и иллюстрирует эволюцию своего замысла. «Подношу эту тетрадь упражнений и этюдов моему другу Жаку де Лакретелю и всем, кого интересуют вопросы ремесла», пишет в эпиграфе Андре Жид. Роман был издан в переводе А. А. Франковского в Государственном издательстве «Художественная литература». Дневник «Фальшивомонетчиков» был опубликован в России только в первых изданиях 1920-х и 1930-х гг. и никогда не появлялся в последующих. Последний раз роман был переиздан в 1936 г. в преддверии приезда А. Жида в СССР. Возвращение литературного наследия А. Жида в Россию осуществится только в конце 1980-х гг. В этой связи важно подчеркнуть, что дневник «Фальшивомонетчиков» не был изучен ранее в России и нуждается в критическом анализе, поскольку является продолжением романа и помогает читателю интерпретировать замысел писателя.

Структура дневника «Фальшивомонетчиков»

Дневник «Фальшивомонетчиков» открывается признанием, что первая задача, которую перед собой поставил писатель, прежде чем приступить к работе над романом, это вопрос о главном герое, от лица которого следует вести повествование. А. Жид признается, что у него есть материал для двух книг. Он сомневается в том, что замысел можно реализовать, введя в сюжет одного главного персонажа. Чтобы выразить накопившиеся идеи, Жиду было необходимо использовать большое количество героев, которых связывает сложная система взаимоотношений. Очень быстро он отвергает идею выстроить сюжет на противопоставлении двух сестер с разными биографиями, поскольку называет это «жалким приемом романтиков» [Жид 1936, с. 350]. Первый персонаж, в значимости которого был уверен Андре Жид, это писатель, Эдуард. Впоследствии читатель узнает о том, что Эдуард (двойник автора) работает над своим романом «Фальшивомонетки» и транспонирован Жидом из дневника в текст романа для того, чтобы лучше показать, как автор соотносится с сочиняемым им текстом. В одном из своих рассуждений Эдуард высказывает мысль, касающуюся классиков литературы. Он считает, что помимо самих произведений необходимо печатать писательские черновики и дневники, потому что они могут дать пытливому читателю гораздо больше, чем готовый художественный текст [Жид 1990, с. 352]. Дневник «Фальшивомонетчиков» в этом смысле является продолжением романа,

в котором автор выступает комментатором и критиком собственного текста. Приложение к роману в виде дневника можно рассматривать как продолжение литературной стратегии А. Жида по созданию модернистского романа. Это литература, которая размышляет о самой себе, как пишется роман, о том, что такое литературное творчество.

Дневник писался параллельно «Фальшивомонетчикам», и он обладает той же художественной ценностью, что и роман А. Жида. В первой записи, которая датируется 17 июня 1919 года, он рассматривает Лафкадио, персонажа «Подземелий Ватикана» (1914), как предполагаемого главного героя новой книги. Дневник состоит из двух частей, двух тетрадей. Первая тетрадь связана с размышлением Жида о реализации собственного замысла. Он намечает план книги, который впоследствии претерпит существенные изменения, рассуждает о тех факторах, которые способствовали возникновению названия «Фальшивомонетчики». Отдельные фрагменты – это рефлексия автора о своих героях и тех идеях, которые волнуют Жида. Писателя больше волнуют идея будущей книги, чем ее герои. Он хочет описать идеологии и мировоззренческие концепции (социалистическую, националистическую и христианскую), которые могут стабилизировать ситуацию в Европе, но по вине полумер, которые принимают предполагаемые будущие персонажи, мировой войны не удастся избежать [Жид 1936, с. 356]. Жид прилагает предполагаемый план будущей книги: Книга I. – «Хитроумные»; Книга II. – «Новое вино и старые мехи»; Книга III. – «Вероломный хранитель тайны». В дальнейшем, как известно, план книги и её содержание будет сильно отличаться от изначальной задумки. Размышляя о замысле, Жид пишет, что не может продвинуться в своей работе, пока не выбирает Эдуарда в качестве одного из героев. Персонаж, именуемый в дневнике Жида Лафкадио, впоследствии окажется прототипом для Бернара и Оливье, каждый из которых позаимствует свои особые черты. Проницательный читатель быстро догадывается, что Дневник «Фальшивомонетчиков» не лишён игры, которая направляет, а иногда усыпляет бдительность читателя. Первым персонажем, которого Жид окончательно решает сделать персонажем книги, становится писатель Эдуард, который, по задумке автора, тоже ведет свой дневник и пишет свой роман «Фальшивомонетчики». В своем дневнике к роману Жид подчеркивает, что при всей видимой схожести между ним и Эдуардом, Эдуард имеет несколько другие взгляды на литературу, и в отличие от Жида, никогда

не напишет свой роман, поскольку он дилетант. Писатель критично относится к своему персонажу, его дилетантизм выражается в том, что, как пишет Жид, в своем художественном поиске Эдуард ищет только самого себя. «Истинное самопожертвование для него почти невозможно» [Жид 1936, с. 371]. «Каждый раз Эдуард излагает идею своего романа по-разному, он пускает пыль в глаза», размышляет в дневнике А. Жид [Жид 1936, с. 371]. В дневнике Жид комментирует писательскую деятельность Эдуарда и объясняет, почему ему так и не удастся написать собственный роман «Фальшивомонетки», проводя различие между собой и своим персонажем. Эдуард озабочен своими идеями и своей личностью, а настоящий писатель думает о герое. Заканчивая первую тетрадь, французский модернист напишет: «Я не должен заносить сюда ничего, кроме замечаний общего порядка о зарождении, формировании и обосновании моего романа. Надо, чтобы эта тетрадь стала в некотором роде “записной книжкой Эдуарда”» [Жид 1936, с. 361].

Вторая тетрадь в большей степени состоит из фрагментов, которые вошли или, наоборот, не попали в роман, из рассуждений об уже избранных персонажах и логике развития сюжета. Нередко Жид признается, что зашел в тупик, поскольку не слышит того, что ему говорят его герои. В этом смысле, как пишет А. Жид, хороший писатель отличается от графомана: бездарный литератор навязывает героям собственные идеи, а настоящий писатель прислушивается к своим персонажам, пытаясь уловить то, что они хотят ему сказать. Но на соседней странице комментария к роману читатель обнаруживает следующее высказывание: «Заставить, может быть, Эдуарда сказать следующее: “Скука, видите ли, – это необходимость помещать свои персонажи в соответствующую обстановку. Они живут во мне мощной жизнью, я даже охотно бы сказал: живут за мой счёт”» [Жид 1936, с. 370]. Но кажущееся противоречием допущение не более, чем игра, – А. Жид хочет показать до какой степени устаревшая форма повествования зависит от неумолимой воли повествователя. Эдуард, который во многом является двойником автора, ведет в романе свой «дневник» и своими рассуждениями стимулирует развития сюжета. Между двумя дневниками прослеживается связь, они влияют друг на друга и, как следствие, на создание романа. Жид позволяет своему герою теоретизировать о том, что такое настоящий «чистый» роман, а сам пишет за него ту книгу, о которой мечтает его персонаж. «Чистым» романом

Эдуард, вслед за автором «Фальшивомонетчиков», называет произведение, которое, по выражению Жида, очищено от элементов, которые не принадлежат роману. В качестве «чистых» жанров Жид называет мемуары, письма, драму XVIII в., проповедь, противопоставляя им лирическую поэзию и роман. Не поясняя, какие конкретны элементы он считает чужеродными роману, Жид приводит в пример Стендаля, чьи книги максимально приближены к эстетической чистоте формы, и гений Бальзака, который, впрочем, позволял себе привнести в свои романы чужеродные элементы, которые не могут быть ассимилированы. Эдуард, по мнению А. Жида, не сможет написать такой роман потому, что слишком много теоретизирует, не беря во внимание, например, «Двойную ошибку» Мериме, который называет наиболее чистым романом из прочитанных им произведений [Жид 1936, с. 374]. Эдуарда заботит возможность стать новатором, а не сам процесс работы. В своем дневнике Жид объясняет причины неудачи Эдуарда и рассуждает о перспективах развития других героев своего романа. В обеих тетрадах дневника «Фальшивомонетчиков» писатель ищет персонажа, который мог бы быть естественным в своем существовании: заниматься чем-либо без оглядки на мнения окружающих и фальшивые ценности, определяющие жизнь. Дневник продолжает эстетику романа, но он также представляет непрерывную критику собственной книги и своих сюжетов. Дневник представляет собой критику романа вообще. «Фальшивомонетки» Эдуарда становятся черновиком к роману А. Жида, в некотором смысле работой над ошибками, что следует из записей в комментариях к роману Жида. Разница в том, что Эдуарда больше интересуют идеи, а Жида – люди, его герои.

Жанр «дневника» у Ф. М. Достоевского и А. Жида

Андре Жид в своем дневнике «Фальшивомонетчиков» отвлекается на общие рассуждения о литературе и пишет о событиях своей жизни, которые сопровождают работу над книгой. Он рассуждает о природе вдохновения, рассказывает читателю о своих поездках, хотя, казалось бы, это не имеет никакого отношения к его первоначальному замыслу – записывать в дневник только то, что напрямую касается будущего романа. Здесь важно отметить, что А. Жид работал одновременно над двумя книгами. Он писал «Фальшивомонетчиков» и готовил большой курс лекций о творчестве Достоевского, что впоследствии стало сборником статей, лекций и эссе «Достоевский»

(1923) которая во многом поспособствовала популяризации русского классика во Франции. Чтение лекций о Ф. М. Достоевском сказывается на готовящемся к публикации романе Жид «Фальшивомонетчики» (1925), поскольку он работал над произведениями одновременно. Жид разрабатывает эстетику своего произведения, и это помогает ему лучше понять структуру книг Достоевского, а поэтика «Фальшивомонетчиков» выстраивается в соответствии с полифонией романов русского писателя. А. Жид начинают занимать не только идеи и личность писателя, но и инструменты литературной техники Ф. М. Достоевского, проблемы формы.

Первая часть книги о Достоевском посвящена переписке русского классика. Впоследствии он несколько раз вернется к теме эпистолярного жанра и публицистики Ф. М. Достоевского, сравнивая их с художественным творчеством писателя. А. Жид противопоставляет удовольствие и работоспособность, с которыми Достоевский писал свои художественные произведения, отвращению, с которым Достоевский писал письма. Он объясняет это тем, что «Достоевский, так прекрасно умеющий говорить от чужого лица, затрудняется, когда ему надо говорить от своего лица» [Жид 2002, с. 210]. А. Жид подчеркивает, что для Ф. М. Достоевского определяющим фактором было то, что в письме невозможно передать ту глубину чувства и мысли, которая составляет духовную жизнь человека. «Дневник писателя», по мнению Жид, показывает читателям, до какой степени его автор был замечательным романистом, а его статьи А. Жид находит посредственными. Но текст «Дневника Писателя» обретает совсем другой статус, когда в нем возникают художественные эпизоды. А. Жид добавляет: «Но мы находим здесь и нечто большее – то есть нечто более показательное: Достоевский в «Дневнике писателя» два раза дает нам возможность присутствовать при процессе творчества романиста, которым почти невольно, почти бессознательно занят его ум» [Жид 2002, с. 288]. Жид приводит отрывок из «Дневника Писателя», в котором Достоевский в статье допускает себе отойти от избранной темы и рассказать о том, как любит, бродя по улицам, присматриваться к прохожим и гадать, кто эти люди, как живут и чем занимаются. Он наблюдал за мастеровым, который направлялся куда-то с маленьким мальчиком, и по ходу прогулки Достоевский выдумывал его биографию. Вымышленный сюжет, который занимает Достоевского, становится частью нехудожественного повествования и занимает большую

часть текста. Описывая уголовные дела, происходящие в это время в России, Достоевский предугадывает их ход, предполагая возможное развитие событий. Наблюдательность русского писателя, сочетающаяся с невероятным даром вымысла, придаёт его публицистике новое качество, Жид видит в этом признак большого художественного дара, который проявляется во всем, чем бы ни занимался русский классик. Публицистическая или любая другая деятельность нужна художнику только для того, чтобы, по мнению Жида, найти новый сюжет. В этом смысле отвлечения самого Жида от размышлений о своём романе тоже составляют необходимую составляющую текста «Фальшивомонетчики». Личность Андре Жида тоже становится персонажем книги, и его творческий поиск, трудности при написании книги и даже его досуг становятся частью общего нарратива. Среди разговоров Андре Жида о себе внимательный читатель обнаруживает писательские наблюдения, которые впоследствии повлияли на развитие романа. Это и подслушанный разговор в поезде, и размышления о «чистом» романе, которые ведет Эдуард и прояснение влияний, который испытывал писатель во время работы над книгой.

Влияние «Бесов» Ф. М. Достоевского на «Фальшивомонетчиков» А. Жида

Многое в романе и в дневнике указывает на то, что «Фальшивомонетчики» – роман полемический по отношению к современникам и писателям прошлого. Дневник открывает причины, по которым роман посвящен Роже Мартен дю Гару – во время работы над книгой, Жид показывал писателю отрывки, имел ввиду его эстетический опыт, отталкиваясь от него. Но когда Андре Жид только начинал работу над будущей книгой, он в наибольшей степени учитывал опыт Ф. М. Достоевского, о чем свидетельствуют некоторые записи из его дневника. Название «Фальшивомонетчики» А. Жид выбрал задолго до того, как приступил к написанию романа. Находясь в поиске подходящего рассказчика, Жид подбирал материал, который станет фоном для основного действия. В своем дневнике, приложенном к роману, он пишет, что хочет оттолкнуться в работе над книгой от газетных вырезок 1906–1909 гг., рассказывающих о делах фальшивомонетчиков-анархистов и об истории самоубийств школьников в Клермон-Ферране [Жид 1936, с. 354]. Эта запись отсылает читателя к истории создания романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871), отправной точкой

для которого послужила реальная история убийства студента. Приведенные исторические события возникают в романе лишь в нескольких эпизодах и не играют для «Фальшивомонетчиков» существенной роли. Когда роман находился в стадии зарождения, Жид в дневнике наполнял понятие фальшивомонетчиков следующим содержанием: «Общество фальшивомонетчиков («кружок») принимает только людей скомпрометированных. Каждый из его членов должен принести в залог что-нибудь такое, при помощи чего его можно было бы шантажировать» [Жид 1936, с. 354]. Запись, сделанная Жидом, напрямую коррелирует с задумкой Достоевского в «Бесах». Пятерка Верховенского держалась на шантаже: основанием для сплоченности такой группы было убийство человека и неразглашение о совершенном преступлении. Человек проверялся на способность пойти до конца в любом деле. Молчание о готовящемся преступлении было условием пребывания в так называемой пятерке. Именно это практикуют подростки, герои «Фальшивомонетчиков», шантажируя и провоцируя мальчика Бориса, принуждают его к самоубийству. Фальшивые принципы кружка, которые навязываются Борису, преподносятся как игра, неудачная острота, превращающаяся в подлинную трагедию.

Однако главная схожесть между произведениями проявляется не столько в замысле, сколько в том, что стоит за мотивировкой персонажей. Один из главных мотивов романа Достоевского – это тема неподлинной исповеди. Наиболее наглядно это открывается читателю в главе «У Тихона» романа «Бесы», в которой Ставрогин приходит на исповедь, но он не рассказывает священнику о совершенном преступлении, а приносит ему написанный текст. Рассказывая о том, что он совратил девочку, Ставрогин как будто бы раскаивается, но Тихон говорит ему, что этот «документ» не выглядит покаянием. Ставрогин, как может показаться, казнит себя за содеянное, но слог выдает его самолюбование и желание шокировать читателя. Через Ставрогина говорят его бесы, и для Достоевского важно то, что дьявол, незримо присутствующий в романе, не может раскаяться, хотя его слова зачастую кажутся правдоподобными. Все герои «Бесов» красноречивы и убедительны, но они одержимы, и поэтому их действия приводят невиновных людей к гибели и порождают хаос. Ставрогин не участвует в политическом кружке, но его преступление самое страшное – он не имеет возможности раскаяться в собственном грехе. Он не только надругался над ребёнком, но и любит собственным поступком.

В романе «Преступление и наказание» (1866) Соня говорит Раскольникову после убийства старухи, что это преступление он совершает над собой, и Ставрогин делает то же самое. Он проводит над собой эксперимент, переступая через законы нравственности, и это для Достоевского самое страшное, что может произойти с человеком.

Тема неподлинной исповеди присутствует и в романе Андре Жида. В своем дневнике А. Жид пишет: «В “Идиоте”, которого я сейчас перечитываю, сказано про молодых людей, что у них было очень неотчётливое представление границ своей власти. Прекрасный эпиграф для одной из глав» [Жид 1936, с. 372]. Герои Жида, общаясь друг с другом, никогда не достигают искренности в собственных словах. Бернар, как и Оливье, бунтует против своих родителей, но впоследствии они становятся заложниками своего бунта. Они должны соответствовать тому статусу, на который претендуют. В этом смысле очень показательна их переписка во второй части романа. Бернар уезжает в Швейцарию с кумиром Оливье, Эдуардом, чем вызывает в своем друге сильную ревность. Автор сталкивает своих персонажей, заставляя показать, что они не властны над своими эмоциями и поступками. Их письма выглядят подлинно дружескими и откровенными, но, как и в случае, со Ставрогиным, их выдает стиль письма. А. Жид показывает, что его герои хотели бунтовать против окружающего мира, но ими овладевают такие же человеческие эмоции, в которых они обвиняли своих родных. Оливье легко поддается лестным речам Пассавана и ревнует своих друзей – Эдуарда и Бернара. Бернар не знает, что делать после своего бунта против родителей. Он живет по наитию, но наталкивается на разность во взглядах с Эдуардом, на которого он возлагал надежды, сталкивается с неприятием своих чувств со стороны Лауры и неспособностью позаботиться о мальчике Борисе, в котором он видит родственную душу, поскольку мальчик такой же незаконнорожденный, как и сам Бернар. Персонажи Жида не совершают преступления, но они говорят теми словами, которые хотели бы выдать за свои. В этом смысле все персонажи книги фальшивы. Бернар, говоря Лауре о своих чувствах, признается, что говорит словами из прочитанных книг. Его чувства навязаны литературой. Но их настоящие (фальшивые?) ценности не имеют ничего общего с их поступками. Н. П. Михальская пишет об этом так: «Разменными монетами становятся фальшивые слова и чувства, искренность подменяется лицемерием. В такой среде ощущает себя изгоем

герой романа – молодой человек Бернар Профитандье» [Михальская 2003, с. 39]. В финале Бернар действительно возвращается в дом, где он вырос, не сумев построить литературную карьеру, о которой мечтал. Бернар пытается играть по правилам мира, в котором желает реализоваться, но первый же его поступок оборачивается подлостью – он прочитывает дневник Эдуарда. Неудача, которую терпит Бернар, толкает его к тому, чтобы вернуться в дом Профитандье, но, по наблюдению Михальской, он возвращается, «но уже иным, чем прежде. Нельзя утверждать, что приобретённый им опыт велик, но этот опыт приобрел он сам» [Михальская 2003, с. 39]. А. Жид не выносит приговора своему герою. Он не состоялся, как персонаж, которого можно противопоставить буржуазному обществу, но благодаря своему порыву, Бернар сделал важный шаг на пути идентификации собственной личности и обретения своего мнения.

Андре Жид, комментируя в дневнике работу над романом, признается, что за поступками его персонажей стоит сатана, который, по выражению автора утверждается в нашем отрицании. Даже если поступками Оливье или издателя, Пассавана, движут как будто благородные мотивы, они всегда оборачиваются вредом ближнему, которому они хотели помочь и пользой для самого себя. Своими письмами Оливье и Бернар стремятся «уколоть» друг друга, хвастаясь воображаемыми достижениями, в которые не верят сами. Про Винцента, брата Оливье, А. Жид пишет следующее: «Он кончает тем, что верит в существование сатаны, как в своё собственное, т. е. кончает верой в то, что он и есть сатана» [Жид 1936, с. 376]. Жид поместил фигуру дьявола за кулисы своего романа. Формально он не появляется, как персонаж, но неявно присутствует в ключевых эпизодах произведения.

В этом кроется причина признания автора, что сюжет ускользает у него из-под рук, и поэтому он вынужден вмешаться в собственное повествование. Его герои ненадежны. В них нет того содержания, которое нужно писателю для развития своей книги. Жиду приходится положиться на писателя, Эдуарда, но и в нем он не находит подлинной жизни, о которой пишет роман. Мир Эдуарда – это мир идей, количество которых, запутывает его и не дает освободиться от собственных наваждений. Дневник Эдуарда, который преимущественно составляет структуру «Фальшивомонетчиков», входит в противоречие с тем, что мы узнаем со слов автора, когда он вмешивается в собственный роман, а так же из диалогов других персонажей книги. Традиционное

повествование не может быть выстроено в книге, в которой автор не верит собственным персонажам и, комментируя сюжет, признаёт неправдоподобность отдельных сцен. Вторая часть книги заканчивается признанием, что он не знает, как развивать собственный сюжет. С одной стороны, это художественный прием, служащий для того, чтобы проявить идею произведения. Но, с другой стороны, это объясняет нетипичную структуру романа, и отсутствие привычной для читателя фабулы.

Заключение

«Фальшивомонетки» провозглашают кризис старого мира и традиционной литературы. Архитектура книги соответствует замыслу автора – он обманывает ожидания читателя, обнажая структуру романа, но при этом повествователь обманывает и самого себя. Финал произведения выдаёт невозможность создать роман, отвлеченный от действительности. В дневнике «Фальшивомонетчиков» писатель признается, что не смог следовать методу, принятому в начале работы над книгой. Автор хотел бы дать героям возможность самим выражать себя, но он признается, что слишком часто вмешивается в собственное повествование. Дневник дал читателю увидеть, как эволюционировал замысел романа, и какие его элементы Жид посчитал неудачными. Жид начинал с изложения волнующих его идей, но по мере развития фабулы стал в большей степени интересоваться своими персонажами. Критика собственного сочинения занимает значительную часть дневника. С другой стороны, дневник дает читателю увидеть, с кем из писателей французский эстет ведет полемику, а кого берёт себе в союзники. По мнению писателя, жизни человека хватает часто только на то, чтобы избавиться от предрассудков своего времени (навязанных порой семьёй), но не хватает для того, чтобы построить свой мир. Поэтому центральной темой «Фальшивомонетчиков» было выбрано детство и борьба с устоявшимся пониманием этого периода в жизни. Становление художественного мира для Андре Жид интереснее результата. Незавершенность, «дневниковость» – это запечатление того, как развивается писательская мысль. Для Жид важно сделать из читателя соавтора, который силой своего воображения воссоздаст по своему представлению психологию и мотивацию персонажей, осмысляет возможное развитие незаконченной фабулы. Смерть мальчика Бориса не означает крушения авторских надежд, это

символ роковой ошибки на пути человеческого развития и становления. У Оливье и Бернара впереди вся жизнь, и Жид не делает однозначного вывода об их судьбах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Жид А. Фальшивомонетчики. Ленинград: Художественная литература, 1936. [Jid, A. (1936). *Falshivomentchiki (The counterfeiters)*. Leningrad: Hudojstvennaya literatura (In Russ.)]
- Жид А. Достоевский // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. [Jid, A. (2002). *Dostoyevskiy (Dostoevsky)*. *Sobranije sochineniy*: Т. 6. Moscow: TERRA – Knijniy klub (In Russ.)]
- Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР / Сост., вступ. ст. Л. Н. Токарева : пер. с фр. М.: Моск. рабочий, 1990. [Jid, A. (1990). *Podzemelja Vatikana. Falshivomentchiki. Vozvrasheniye iz SSSR (Lafcadio's Adventures or The Vatican Cellars. The counterfeiters. Return from the U.S.S.R.)*. Moscow: Mosk. Rabochij (In Russ.)]
- Зусева В. Б. Фальшивомонетчики Андре Жид: Роман автора и роман героя, 2006. [Zuseva, V.B. (2006). *Falshivomentchiki Andre Jida: Roman avtora i roman geroya I roman geroya (The counterfeiters of André Gide: The author's novel and the character's novel)*. (In Russ.)] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/falshivomonetchiki-a-zhida-roman-avtora-i-roman-geroya/viewer>.
- Михальская Н. П. Андре Жид // Зарубежная литература. XX век. М.: Дрофа, 2003. [Mihalskaya, N. P. (2003). *Andre Jid (André Gide)*. *Zarubejnaya literature. XX vek*. Moscow: Drofa. (In Russ.)]
- Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: ПХГА, 2013. [Fokin, S. L. (2013). *Figuri Dostoevskogo vo frantsuzskoy literature XX veka (Figures of Dostoevsky in the 20th- Century French Literature)*. SPb: RHGA (In Russ.)].

УДК 008'930.95, 81'276.6:355, 81'362

Ю. Н. Сдобнова, А. О. Манухина

Сдобнова Ю. Н., канд. филол. наук, доцент; декан факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vk-sdobnova@yandex.ru

Манухина А. О., канд. филол. наук;
врио зав. кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: amanuhina@mail.ru

ACADEMIA КАК НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ФРАНЦИИ И РОССИИ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ЯЗЫКА

Статья посвящена изучению исторической связи России и Франции в области науки, культуры и языка. Прослеживаются особенности восприятия ученым сообществом России опыта Франции по основанию новой для Европы научной организации – Академии. В работе рассматривается влияние Академии наук Франции на создание и развитие Российской академии наук: исследуется период длиной в 300 лет, начиная с эпохи Петра I вплоть до нашего времени. Научное партнерство России и Франции, направленное на сохранение исторического и культурного достояния, можно считать удачным примером взаимодействия Франкофонии и Русофонии.

Ключевые слова: академия, национальный язык, государственная языковая политика, научное сотрудничество, Франкофония и Русофония.

Yu. N. Sdobnova, A. O. Manuhina

Sdobnova Yu. N., PhD (Philology), Dean of the Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: vk-sdobnova@yandex.ru

Manuhina A. O., PhD (Philology), Associate Professor, Department of Phonetics and Grammar of the French language, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: amanuhina@mail.ru

ACADEMIA AS A SCIENTIFIC ORGANIZATION: HISTORICAL RELATIONS BETWEEN FRANCE AND RUSSIA IN THE FIELD OF SCIENCE AND LANGUAGE

The work is devoted to the study of the historical connection between Russia and France in the field of science, culture and language. The author traces the peculiarities of the Russian scientific community's perception of the French experience in founding a new scientific organization for Europe - the Academy. The article examines the influence of the French Academy of Sciences on the creation and development of the Russian Academy of Sciences: it examines a period of 300 years, starting from the epoch of Peter I up to our time. The scientific partnership between Russia and France, aimed at preserving the historical and cultural heritage, can be considered a successful example of interaction between Francophonie and Russophonie.

Key words: Academy, national language, state language policy, scientific cooperation, Francophonie and Russophonie.

В настоящее время Россия активно развивает международное сотрудничество с Францией. Современная научная дипломатия направлена на использование достижений науки с целью сохранения исторического и культурного достояния, частью которого является и язык нации: как отмечал президент Академии Российской А. С. Шишков (1813–1841) в известном в XIX сочинении «Славянорусский корнеслов» [Шишков 2011] «Хочешь погубить народ, истреби его язык». РАН и Академия наук Франции продолжают по разным научным направлениям многовековое партнерство, значимое для отечественных и французских ученых. Так, 25 мая 2018 г. руководство Академий наук России и Франции подписало на XXII Санкт-Петербургском Международном экономическом форуме (ПМЭФ) меморандум, закладывающий основы широкого взаимодействия ученых из России и Франции (<https://scientificrussia.ru/articles/ran-i-akademiya-nauk-frantsii-sohranyaya-nasledie>).

Российская академия наук и Академия наук Франции исторически связаны более 300 лет, что свидетельствует об их общем культурном наследии. История возникновения Французской академии наук отражает общеевропейскую тенденцию становления научной мысли и официального признания властью огромной значимости науки. Академии в Италии, Франции, Англии, Германии как особые научные организации были созданы в XVII в. Первой в Европе Академией была Accademia dei Lincei («Академия рысьеглазых»), основанная в 1603 г. в Риме. В XVII в. появились первые европейские

научно-исследовательские центры: Accademia del Cimento («Академия опытов») во Флоренции (1657), организации «Общество испытателей природы» в немецком Швайнфурте (1652) и «Лондонское королевское общество» (1660). Именно тогда «были достигнуты важные результаты в осознании сущности науки, ее значимости для общества, в понимании необходимости взаимодействия ученых не только в пределах страны, но и на международной арене» [Девятова, Купцов 2011, с. 127].

L'Académie française берет свое начало в 1635 г. Цель создания Académie française – «сделать французский язык не только элегантным, но и способным трактовать все искусства и науки», что зафиксировано в жалованной грамоте кардинала Ришелье (Lettre patente от 29 января 1635 года): «La principale mission de l'Académie sera de travailler avec tout le soin et toute la diligence possibles à donner des règles certaines à notre langue et à la rendre pure, éloquente et capable de traiter les arts et les sciences» [Академии URL]. Созданию Французской Академии предшествовала почти вековая (начиная с XVI в.) традиция развития языкознания: «Синтаксические особенности разговорного и письменного языка и слога разработаны подробно очень издавна. Труды Этьеня (P. Etienne) вышли еще в первой половине XVI века; труды Фабра де Вожла (Cl. Fabre de Vaugelas) в первой половине XVII в. Едва ли грамматика какого языка выработала и вырабатывает свои вопросы с таким успехом, как Французская» [Срезневский 1860, с. 4].

Именно создание Французской академии ознаменовало новое, типичное для Европы той эпохи отношение к языку – *amenagement de la langue*, что подразумевало государственную языковую политику. Французский язык XVII в., как и многие языки Европы на тот период, находился в стадии активного формирования. Лексический состав французского языка отличался пестротой и хаотичностью, что могло стать социальной проблемой.

Огромное научное и общекультурное значение имела разработка первого словаря французского языка как языка национального: «Решая задачу нормирования языкового употребления, составители приводили в порядок лексическую систему, касаясь практически всех уровней языка: фонетики, орфографии, морфологии, стилистики, синтаксиса» [Захарова 2009, с. 14]. Результатом работы членов Академии стал опубликованный в 1694 г. Словарь Академии Французской, (Dictionnaire de l'Académie française, DAF), который

впоследствии в течение 300 лет переиздавался 8 раз [Семенов, Сдобнова 2019, с. 90]. Главная задача Французской академии не изменилась с XVII в. – это «нормализация и усовершенствование французского языка»: «c'est une institution française dont la fonction est de normaliser et de perfectionner la langue française» (<http://www.xn-academie-franaise-npb1a.fr/linstitution-lhistoire>).

Академия наук Франции, Académie des sciences (имевшая изначально название Académie royale des sciences) появилась через 30 лет, в 1666 г., при «короле-Солнце» Людовике XIV, и была одной из первых академий в мире, созданная как альтернатива традиционной европейской схоластико-католической доктрине: «Ils veulent sortir la science des dissertations scolastiques et trouver les bases de la connaissance dans l'étude raisonnée des résultats des expériences» (<https://www.academie-sciences.fr>). С самого своего основания Académie royale des sciences стремилась объединить работу ученых различных областей (астрономов, математиков, физиков, химиков, анатомов-физиологов, ботаников) и ставила целью исследование окружающего мира с позиций картезианской философии Рене Декарта и естественно-научных взглядов физика, математика и философа Марена Мерсенна. Этой идее служения науки вне идеологии Академия наук остается верна и в наши дни: «Elle encourage et protège l'esprit de recherche, et contribue aux progrès des sciences et de leurs applications» (<https://www.academie-sciences.fr>).

В настоящее время Académie française и Académie des sciences составляют единый орган – Институт Франции (Institut de France).

Инициатором связи России и Франции в области науки выступил первый Российский император Петр. Петр I с особым уважением относился к Людовику XIV и внимательно изучал всё, что было связано с его правлением.

Тот факт, что выбор российского императора пал именно на Францию, обусловлен высоким авторитетом на международной арене французской культуры и французского языка (особенно во второй половине XVII в.): в период царствования Людовика XIV французский был не только литературным и академическим языком, но и средством международного общения аристократии и буржуазии, который тем самым потеснил употребляемую в эпоху Средневековья и Возрождения латынь.

Примечательно, что еще во время своего первого путешествия по Европе, так называемого Великого посольства (1697–1698), молодой

Петр стремился посетить Францию, но получил решительный отказ от короля. Посещение Франции состоялось почти двадцать лет спустя, после смерти Людовика XIV, во время второго путешествия Петра Великого по Западной Европе (1716–1717). Петр во время визита в Париж с жадностью впитывал все, что было связано с наукой, искусством и просвещением: он был в обсерватории, в анатомическом институте, в картинной галерее, в библиотеке, посетил Сорбонну. Поездка Петра I в Париж стала основой для уже складывающихся дипломатических отношений между Францией и Россией. Отдельно стоит отметить посещение Петром I Академии наук в Париже: во время заседания Академии сам Петр выступил инициатором научного обмена между Францией и Россией. Российский император был принят 22 декабря 1717 г. в ряды Французской академии наук иностранным почетным членом: *associé étranger hors de tout rang*.

Петр I именно после визита в Париж начал претворять в жизнь реформы. Их задачей было создать в России свою Академию наук. Петр I говорит о преимущественности опыта Франции в 1724 г. в «Проекте положения об учреждении Академии наук и художеств»: «И понеже сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается, подобна есть (кроме сего розличия и авантажа, что сия Академия и то чинит, которое универзитету или коллегии чинить надлежит), того для я надеюсь, что сие здание удобнейше Академиею названо быть имеет» [Проект положения 1975, с. 32]. В то же время, по замыслу Петра, Академия объединила бы в себе Académie royale des sciences и Collège de France. С одной стороны, она должна была представлять собой научно-исследовательский центр, с другой – совмещать науку с обучением молодежи, то есть являться одновременно Академией наук в современном понимании (наподобие Académie royale des sciences) и своего рода высшим учебным заведением (наподобие Collège de France). В качестве совещательного органа для оценки и обсуждения результатов научных изысканий была установлена Академическая Конференция. Как во французском Collège de France, исследователи обладали некоторой свободой для научного творчества: так, прогрессивная для XVII–XVIII вв. философия картезианства могла свободно обсуждаться в научных дискуссиях. Для поднятия научного уровня Академии и повышения ее престижа на мировой арене Петр приглашает для исследовательской работы и преподавания иностранных ученых, среди которых был французский астроном и географ

Жозеф-Никола Делиль (Joseph-Nicolas De L'Isle), швейцарские ученые: физик и математик Даниил Бернулли (Daniel Bernoulli), юрист и математик Николай Бернулли (Nikolaus Bernoulli). По приказу Петра I в России начали проводить научные изыскания: в Казань был отправлен французский ученый Шарль Бодан, занимавшийся археологическими работами. Таким образом, впервые налаживаются научные связи России и европейского, в частности, французского, академического сообщества.

В XVIII в. иностранными почетными членами Академии наук и художеств становятся многие выдающиеся ученые Франции: Вольтер (избран в 1746 г.), Жан Лерон д'Аламбер (1764), Дени Дидро (1773). Интересно, что Дени Дидро в 1765 г. продал в Россию свою знаменитую библиотеку, и Екатерина II лично позаботилась о приобретении книг и их доставке в Петербург. В 1778 г., после смерти Вольтера, библиотека писателя была также приобретена императрицей, и впоследствии вся огромная коллекция книг и артефактов была выставлена в Эрмитаже.

Спустя почти 60 лет после создания в Петербурге Академии наук и художеств, Екатериной II и княгиней Е. Р. Дашковой по образцу Académie française была основана Академия Российская. Как и Académie française, Академия Российская имела целью «очищение и упорядочение языка» и издание в 1789–1794 гг. первого Словаря, что было зафиксировано в ее уставе («Краткое начертание Императорской Российской Академии»): «Императорская Российская академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение российского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение» [Дашкова 1987, с. 160]. За основу взяли *Dictionnaire* Французской Академии, поскольку он считался одним из самых авторитетных словарей в Европе, и переиздавался уже в четвертый раз на момент открытия Академии Российской. Составители Словаря Академии Российской «талантливо и разумно использовали опыт Французской академии в новом для русской лексикографии деле – составлении нормативного толкового словаря русского языка» [Захарова 2009, с. 17].

Важным этапом в работе Академии Российской стал XIX в., когда пост президента Академии занимал А. С. Шишков (1754–1841). За почти тридцать лет его руководства (1813–1841) появилось множество работ по сопоставительному изучению французского и русского

языков. В этот период в России работали многие иностранные ученые, внесшие вклад в сближение франкофонной и русской культур: например, швейцарский ученый-лексикограф Карл Филипп Рейф (1792–1872), служивший в Российской Академии и Императорской Академии наук. Он создал «Граматику русскую для употребления иностранцев» («Grammaire Russe à l'usage des étrangers», 1821 г.) и «Толковую грамматику русского языка» («Grammaire raisonnée», 1829 г.), а его Словарь, представленный комиссии в 1832 г., был удостоен особой премии Императорской Академии наук.

По образцу Национальной библиотеки Франции в Париже А. С. Шишков стремился создать «Славянскую библиотеку» при Академии, где были бы собраны артефакты и документы, относящиеся к русской и в целом славянской истории и культуре. С этой целью собирались материалы в Польше, Сербии, Чехии и Болгарии, снаряжались экспедиции в славянские земли. В этот период А. С. Шишковым был написан «Славянорусский корнеслов» [Шишков 2011], труд по исследованию происхождения русского и других славянских языков, в котором были предприняты попытки объединить этимологический и морфологический словари.

К сожалению, ввиду недостатка финансирования и изменений в политической ситуации А. С. Шишкову не удалось реализовать грандиозный проект по созданию библиотеки, но предпринятые им усилия и собранные коллекции книг по древним и современным славянским языкам послужили основой для дальнейшего развития славяноведения и российской науки в целом. В первой половине XIX в. появились такие выдающиеся труды, исследовавшие русский язык, как «Русская грамматика» А. Х. Востокова (1831), «Общий церковно-славяно-русский словарь» П. И. Соколова (1834).

Исторический путь дальнейшего развития Академии в России во многом повторяет судьбу Академии Франции, и здесь речь идет не о прямом заимствовании Россией зарубежного опыта, а скорее об определенных социально-политических и исторических условиях, в рамках которых наука и культура развиваются по схожему пути.

В конце XVIII в. во Франции существовало пять самостоятельных Академий (<https://www.academie-sciences.fr>). После Великой французской революции в 1795 г. в соответствии с вновь созданной Конституцией был учрежден Национальный институт (Institut national), переименованный впоследствии в 1803 г. в Институт Франции,

который объединил пять национальных (бывших королевских) академий. Институт Франции в настоящий момент является основным официальным научным учреждением Франции.

Академия в России в XIX в. также пошла по пути объединения и укрупнения: после смерти А. С. Шишкова, в соответствии с постановлением императора Николая I, Российская Академия в 1841 г. стала структурным подразделением Императорской академии наук в Санкт-Петербурге: с 1841 по 1917 гг. в рамках Академии наук существовало особое Отделение Русского языка и словесности.

Таким образом, рассмотренный в рамках статьи опыт исторического сотрудничества Академий Франции и России на протяжении 300 лет можно считать удачным примером взаимовлияния научной мысли двух стран и образцом взаимодействия Франкофонии и Русофонии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Академии // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб., 1861. [*Akademii. Enciklopedicheskij slovar', sostavlennij russkimi uchenymi i literatorami* (In Russ.)] URL: <http://opentextnn.ru/history/archeology/glossary-archeology/jenciklopedicheskij-slovar-sostavlennij-russkimi-uchenymi-i-literatorami-spb-1862> (дата обращения: 13.07.2020).
- Дашкова Е. Р. Записки // Письма сестер М. и К. Вильмот из России / под ред. С. С. Дмитриева. М.: Из-во МГУ, 1987. С. 160–165. [*Dashkova, E. R. (1987). Zapiski. Pis'ma sester M. i K. Vil'mot iz Rossii (Notes. Letters from sisters M. and K. Wilmot from Russia)*. Moscow: publishing of MSU (In Russ.)].
- Десяткова С. В., Купцов В. И. Возникновение первых академий наук в Европе // Вопросы философии. № 9. М.: Наука, 2011. С. 126–135 [Devyatova, S. V., Kupcov, V. I. (2011) *Vozniknovenie pervykh akademij nauk v Evrope* (The emergence of the first academies of Sciences in Europe). Questions of philosophy, 9, 126-135. Moscow: Nauka (In Russ.)].
- Захарова Е. А. Отражение лексикографической практики «Словаря Академии Французской» в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) // Российская Академия (1748–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. СПб., 2009. С. 13–26 [Zaharova, E. A. (2009). *Otrazhenie leksikograficheskoy praktiki «Slovary Akademii Francuzskoj» v «Slovere Akademii Rossijskoj»* (1789–1794). Rossijskaya Akademiya (1748–1841): yazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov (Reflection

- of the lexicographic practice of the «Dictionary of the French Academy» in the «Dictionary of the Russian Academy» (1789–1794). Russian Academy (1748–1841): language and literature in Russia at the turn of the XVIII–XIX centuries), (pp.13–26). (In Russ.)].
- Liste des membres depuis la creation de l'Academie des sciences. URL: <https://www.academie-sciences.fr/fr/Liste-des-membres-depuis-la-creation-de-l-Academie-des-sciences/les-membres-du-passe-dont-le-nom-commence-par-p.html> (дата обращения: 15.07.2020).
- Official website of the French Academy of Sciences. URL: <https://www.academie-sciences.fr/fr> (дата обращения: 15.07.2020).
- Official website of the French Academy. URL: <http://www.academie-francaise.fr> (дата обращения: 19.07.2020).
- Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г. К. Скрыбин. М.: Наука, 1975. С. 31–39. [Proekt polozheniya ob uchrezhdenii Akademii nauk i hudozhestv (1724). Ustavy Akademii nauk (*Draft regulations on the establishment of the Academy of Sciences and arts. Statutes of the Academy of Sciences*), 31–39. (In Russ.)].
- Семенов С. Г., Сдобнова Ю. Н. Франкофония: Структура, деятельность, лингвосоциокультурные маркеры. Французский язык как базовый актив в системе международных отношений: учебное пособие. М.: Языки народов мира, 2019. 162 с. [Semenov, S. G., Sdobnova, Y. N. (2019). Frankofoniya: Struktura, deyatel'nost', lingvosociokul'turnye markery. Francuzskij yazyk kak bazovyj aktiv v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij (*Structure, activity, linguistic and socio-cultural markers. French as a basic asset in the system of international relations*). Moscow: Yazyki narodov mira. (In Russ.)].
- Срезневский И. И. О французских словарях по поводу словаря А. П. Поатвеня. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1860. [Sreznevskij, I. I. (1860). O francuzskih slovaryah po povodu slovaryu A. P. Poatvenya (*About the French dictionaries about the dictionary A. P. Poativen*). Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. (In Russ.)].
- Шишков А. С. Славянорусский корнеслов. М.: Духовное преображение, 2011. [Shishkov, A. S. (2011). Slavyanorusskij korneslov (*Slavonic Russian korneslov*). Moscow: Duhovnoe preobrazhenie. (In Russ.)].

УДК 81.34

К. С. Куликова

кандидат филологических наук;
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: xenia_kulikova@inbox.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ВИЗУАЛЬНОГО НАРРАТИВА НА ПРИМЕРЕ АНИМАЦИОННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА «ПРИНЦЕССА И ЛЯГУШКА»

С учетом меняющейся картины мира и новых способов восприятия и обработки современными людьми информации (включая визуальный нарратив), преподавателям иностранных языков следует решить актуальную методологическую задачу – разработать корпус художественных фильмов (в том числе анимационных), обладающих значительным культурологическим потенциалом и содействующих выработке необходимых языковых и речевых навыков и всестороннему интеллектуальному и духовному развитию личности обучающихся.

Ключевые слова: культурологический аспект; визуальный нарратив; иностранный язык; анимационный художественный фильм.

Ks. S. Kulikova

PhD., Associate Professor of the department of English phonetics, faculty of the English language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: xenia_kulikova@inbox.ru

CULTURAL POTENTIAL OF THE ENGLISH VISUAL NARRATIVE ON THE EXAMPLE OF THE ANIMATED FEATURE “THE PRINCESS AND THE FROG”

Taking into account the ever-changing worldview and new ways in which modern people perceive and process information (including visual narrative), foreign language teachers should especially focus on the main methodological task – creating a corpus of feature films (including animation) which will have significant cultural potential and contribute not only to gaining the necessary language and speech skills, but also to the comprehensive intellectual and spiritual development of students.

Key words: cultural aspect; visual narrative; foreign language; animated feature.

1. Введение

На сегодняшний день факт, что достигнуть профессионального владения иностранным языком не представляется возможным без погружения в естественную среду, а, следовательно, без глубокого

и детального изучения культуры носителей изучаемого языка, получает всё более широкое признание. Несмотря на это, в рамках многих учебных заведений данному языковому аспекту все еще уделяется недостаточное внимание как с точки зрения подбора материала для изучения, так и с точки зрения необходимости учитывать психологические характеристики современных студентов. В частности, программы многих практических языковых дисциплин незаслуженно обходят вниманием визуальный нарратив.

В англоязычной литературе термин «визуальный нарратив» [Caputo 2003] используется для описания широкого спектра жанров визуального повествования, начиная от новостей и информации (фотожурналистика, документальный фильм) до развлечений (искусство, художественные фильмы, телевидение, комиксы, графический роман). Визуальный нарратив также представляет интерес для академического сообщества – исследователи, мыслители и педагоги анализируют силу воздействия, которое «изобразительное повествование» оказывает на отдельных людей и на общество в целом с точки зрения личностного, языкового и культурного развития.

Соответствующая дисциплина для изучения нарративной структуры и способов влияния на человеческое восприятие называется нарратологией [Ronen 1990; Prince 2012; Culler 2001; Phelan 2007; Phelan, Herman, McNale 2010]. Термин был впервые введен во франкоязычной литературе Цветаном Тодоровым [Todorov 1969]. Теоретическое происхождение дисциплины прослеживается до трудов Аристотеля [Аристотель 1998], однако, согласно общепринятому мнению, нарратологию в современном виде развивали русские формалисты [Пропш 1928], также отправной точкой считаются теории Михаила Бахтина о гетероглоссии, диалогизме и хронотопе, впервые представленные в работе «Диалогическое воображение» [Бахтин 1975].

Современная лингводидактика рассматривает любой связный текст как мощное средство формирования не только необходимых лингвистических (произношение, грамматика, словарный запас, беглость и образность устной и письменной речи), но и культурных компетенций, ведь высокопрофессиональное владение языком невозможно без знания национальных особенностей страны изучаемого языка. Иными словами, лингвокультурная компетенция отражает взаимосвязь языковых средств и системы социальных ценностей; соответственно, формирование данной компетенции необходимо каждому,

кто стремится овладеть иностранным языком. Всестороннее изучение лингвокультурного аспекта способствует достижению глубокого понимания образа жизни и мышления носителей данного языка или же, если прибегнуть к яркой метафоре, способствует формированию у студентов вторичной языковой личности, обладающей менталитетом носителя данного языка.

Поскольку «качественный» иноязычный дискурс всегда содержит значительную долю национального компонента, необходимой задачей представляется обучение студентов умению распознавать, анализировать и комментировать культурно-исторические реалии, встречающиеся им в рассматриваемом нарративе, поскольку именно эти реалии оказывают большую помощь в раскрытии лексико-семантических особенностей изучаемого языка. Более того, интересные культурные факты способствуют формированию эмоциональной привязанности к предмету обучения (в данном случае к языку), что, в свою очередь, ведет к повышению мотивации и исследовательского интереса и существенно облегчает педагогический процесс как для преподавателей, так и для студентов.

Следует также учитывать, что восприятие современного человека и особенно людей, принадлежащих к молодому поколению, существенно сдвигается в «зрительную» сторону в связи с широким распространением визуальных СМИ, новейших технологий, таких как смартфоны и планшеты, а также высокой популярности социальных сетей, большинство из которых основано на прочтении письменного текста, подкрепленного визуальной составляющей (мемы, фотографии и т. д.). Высококачественный (что, конечно же, является обязательным условием) визуальный нарратив обладает широким культурологическим и эмоциональным потенциалом, и его детальное изучение совместно с коллективом товарищей будет наилучшим образом способствовать формированию у студента самых необходимых лингвистических и лингвокультурных навыков.

2. Материалы и методы

С целью проверки способности обучающихся распознавать и исследовать культурологический потенциал визуального нарратива, отвечающего их интересам и образовательным нуждам, и формирования у них мотивации автором данной статьи был проведен эксперимент на базе оригинальной (англоязычной) версии 49-го полнометражного

анимационного художественного фильма производства Walt Disney Animation Studios «Принцесса и лягушка» (2009 г., режиссеры Рон Клементс и Джон Маскер), являющегося вольным переложением книги Элизабет Доусон Бейкер *The Frog Princess*, основанной, в свою очередь, на произведении братьев Гримм «Сказка о Короле-лягушонке, или о Железном Генрихе». Данный анимационный фильм был номинирован на премии «Оскар», «Золотой Глобус» и «Грэмми», имеет высокий рейтинг по версии платформы Google (91 %) и обладает значительным культурологическим потенциалом.

Участниками эксперимента стали 206 студентов обоих полов (147 девушек и 59 молодых людей), обучающиеся на третьем курсе лингвистических факультетов московских вузов и имеющие отличные и хорошие оценки по дисциплинам «практика английского языка», «грамматика английского языка», «анализ дискурса», «чтение литературы» и «второй иностранный язык (французский)». Выбор второго языка обоснован тем фактом, что местом действия в данном анимационном фильме является штат Луизиана 1920–1930-х гг., а, точнее, столица штата город Новый Орлеан и байу (бухта) реки Миссисипи (экзотизм, искаженное английское произношение французского словосочетания *bas lieu* («низина») – вялотекущий водоем в дельте или в аллювиальной долине реки). Сюжет «Принцессы и лягушки» во многом вращается вокруг влияния франкоязычных этнических групп на обычаи, нравы и язык жителей данного региона, что представляет дополнительный интерес для студентов, чьим вторым иностранным языком является французский.

В первой части эксперимента участникам было предложено заполнить особые опросные листы (с сохранением анонимности), составленные автором настоящего исследования с целью ознакомления с мнением и пожеланиями студентов по поводу художественных произведений, входящих в программу обучения иностранным языкам и предназначенных для анализа дискурса и культурологического анализа, а также по поводу формы подачи данных произведений (письменная или визуальная). Анкета состояла из семи следующих вопросов: «Любите ли Вы читать книги на языке оригинала?»; «Любите ли Вы смотреть кинофильмы на языке оригинала?»; «Смотрите ли Вы кинофильмы во время занятий английским языком?»; «Удовлетворены ли Вы предложенным в вузе выбором книг для изучения языка?»; «Удовлетворены ли Вы предложенным в вузе выбором кинофильмов

для изучения языка?»; «Как Вы относитесь к возможности совместного выбора книг для изучения языка Вашими коллегами и преподавателем?» и «Как Вы относитесь к возможности совместного выбора кинофильмов для изучения языка Вашими коллегами и преподавателем?» В качестве вариантов ответов на поставленные вопросы предлагались следующие: «да», «нет», «положительно», «отрицательно», «затрудняюсь ответить»; также участники эксперимента имели возможность добавить к каждому ответу развернутый персонифицированный комментарий. Для подсчета процентного соотношения использовался стандартный пакет Microsoft Excel.

Во второй части эксперимента студентам было предложено в свободной форме письменно зафиксировать любую культурологическую информацию, которую они смогли почерпнуть из предложенного визуального нарратива, в частности, (не)известные им аллюзии и (не)известные лексические единицы или словосочетания.

3. Результаты и дискуссия

Результаты опроса, проведенного в рамках первой части эксперимента, представленные в Таблице 1, весьма информативны с точки зрения методических задач, стоящих перед преподавателем для обеспечения формирования у учащихся качественных языковых и межкультурных компетенций.

Таблица 1

Предпочтения обучающихся в отношении формы и содержания художественных произведений, входящих в программу обучения иностранным языкам и предназначенных для анализа дискурса и культурологического анализа

Вопросы	да (в %)	нет (в %)	положи- тельно	отрица- тельно	затруд- няюсь ответить
Любите ли Вы читать книги на языке оригинала?	100	—			
Любите ли Вы смотреть кинофильмы на языке оригинала?	100	—			
Смотрите ли Вы кинофильмы во время занятий английским языком?	21	79			

Удовлетворены ли Вы предложенным в вузе выбором книг для изучения языка?	9	84			7
Удовлетворены ли Вы предложенным в вузе выбором кинофильмов для изучения языка?	11	80			9
Как Вы относитесь к возможности совместного выбора книг для изучения языка Вашими коллегами и преподавателем?			93		7
Как Вы относитесь к возможности совместного выбора кинофильмов для изучения языка Вашими коллегами и преподавателем?			94		6

Абсолютное большинство участников эксперимента отметили в опросных листах любовь к чтению книг и особенно (что было указано в личных комментариях) к просмотру художественных фильмов, в том числе анимационных, на языке оригинала, даже несмотря на некоторые трудности, которые возникают у них в процессе, а именно – необходимость консультироваться со словарем в случае прочтения письменного нарратива или необходимость повторного прослушивания некоторых фрагментов или подключения субтитров в случае с визуальным нарративом. Однако подавляющее большинство участников эксперимента также отметили, что несмотря на любовь к классике, предпочли бы для прочтения в рамках изучаемых дисциплин также произведения более современных англоязычных (и франкоязычных) авторов, в частности Терри Пратчетта, Нила Геймана, Чарльза Паланика, Анны Гавальды и Бернара Вербера, иными словами, за исключением Пратчетта, в основном представителей Поколения Х. Обосновывая свой выбор, студенты указали, что данные произведения лишены «скучного морализаторства», больше соответствуют современному мышлению, поднимая эмоциональные и этические проблемы, характерные для сегодняшнего социума, а также предоставляют больше возможностей почерпнуть слова и выражения, актуальные в языке на данный момент.

Примечательно, что обосновывая удовлетворенность выбором предложенных фильмов, студенты прежде всего отметили тот факт, что во время занятий хотели бы видеть меньше документальных

интервью с историками или деятелями театрального искусства, предпочитая получать данную информацию из письменных источников, и больше художественных фильмов, в которых также обсуждаются серьезные злободневные вопросы, однако присутствует захватывающий сюжет и мелодраматическая развязка – в отличие от книг, «плохой конец» в фильмах желателен для участников опроса в крайних случаях, на экране они предпочитают видеть «торжество справедливости». Один из студентов даже написал, что с удовольствием прочел «Мартина Идена» Джека Лондона и «Дивный новый мир» Олдоса Хаксли, однако экранизации данных произведений смотреть бы не стал. Также студенты хотят слышать «красивую и правильную» речь знаменитых актеров, чтобы иметь возможность работать над произношением и наблюдать язык тела и жесты, присущие носителям языка.

Предложение в образовательных целях просмотреть анимационный художественный фильм было встречено с единодушным энтузиазмом студентами обоих полов; участники эксперимента признали, что эстетическое удовольствие от анимационного визуального ряда дает им дополнительную мотивацию к обучению и способно превратить урок в радостное событие, которого они станут ждать с нетерпением. Наконец, возможность совместного с преподавателем и товарищами выбора как письменного, так и визуального нарратива с целью изучения языка является, по мнению подавляющего большинства участников эксперимента, наиболее предпочтительным вариантом – признавая, что богатый языковой опыт преподавателя является главным аргументом, студенты отмечали, что проявленные преподавателем доверие к их вкусам и мнению как представителей современного поколения повышает их мотивацию к обучению «на сто из ста».

Результаты второй части эксперимента показывают, что анализ культурного потенциала на основе такого визуального нарратива, как анимационный фильм, является прекрасным тренировочным упражнением с точки зрения изучаемого языка, духовного развития студентов и повышения их работоспособности и мотивации.

Из 98-минутного анимационного визуального нарратива всеми участниками эксперимента было выписано, в общей сложности, 47 новых слов и выражений, а также 11 названий (происходящих из конголезских и французских языков) различных горячих и сладких блюд креольской кухни, традиционных для штата Луизиана, значения 7 из которых были неизвестны им ранее. Также студентами были отмечены

восемь этнических культурологических единиц, упомянутых в анимационном фильме, в том числе имя Сиднея Беше, слова «байу» и «каджуны», упоминание зайдеко, Шривпорта и прозвище Нового Орлеана «Город полумесяца». Ранее известными участникам эксперимента были только 2 из 8 этих культурологических единиц, а именно – праздник Марди Гра (аналог восточнославянской Масленицы) и марка автомобиля «Паккард».

Известными для студентов аллюзиями оказались: имя аллигатора Луи (намек на мэтра джаза, великого Луи Армстронга), звезда Эванджелина (на самом деле являющаяся планетой Венерой), а также отсылки к творчеству прославленного американского драматурга Теннесси Уильямса – уличный трамвай, на котором главная героиня, официантка Тиана, добирается до работы, прозвище «Большой Папа», которым Шарлотта Ла Бафф адресуется к своему отцу (имя богатого патриарха из пьесы «Кошка на раскаленной крыше» (Williams 1958), одна из наиболее известных и любимых работ писателя) и окрик: «Эй, Стелла!», которым мистер Ла Бафф подзывает свою собаку на балу (Tennessee Williams, *A Streetcar Named Desire*, London: Signet; 1986); участники эксперимента, опознавшие окрик, рассказали, что ставили пьесу «Трамвай “Желание”» в студенческом театре.

Также в прологе анимационного фильма участники эксперимента заметили заголовок газеты, которую читает пассажир трамвая: «Избран Вильсон» (имеется в виду Вудро Вильсон, 28-й президент США) и таким образом заключили, что завязка сюжета имеет место в ноябре 1912 года. Это привело к обсуждению еще одного небезынтересного культурологического момента – до 1933 г. в США действовал «Сухой закон», однако и на бал-маскараде в особняке Ла Баффов, и на речном судне, и в ресторане главной героини подают алкоголь. Справившись в энциклопедических источниках, участники эксперимента выяснили, что данный момент вовсе не является «киноляпом», как они предположили изначально – запрет на продажу и употребление алкоголя широко игнорировался в США в целом и особенно в Новом Орлеане. Затем несколько участников эксперимента проявили наблюдательность, отметив, что сцена с появлением аллигатора Луи напоминает постер к фильму ужасов 1999 года режиссера Стивена Майнера «Лэйк Плэсид: Озеро страха». Еще один из участников эксперимента заметил, что охотники в байу напоминают ему Джорджа Милтона и Ленни Смолла, главных героев трагической повести Джона Стейнбека «О мышах

и людях», опубликованной в 1937 г. и рассказывающей историю двух сезонных рабочих во времена Великой депрессии [Steinbeck 1993]. Кроме того, посмотрев сцену, где Тиана разговаривает с фотографией своего отца, одетого в военную форму, студенты сделали вывод, что Джеймс героически погиб в Первой мировой войне, что подкрепляется не только датами, но и медалью в виде креста, висящей сбоку на рамке портрета (крест «За выдающиеся заслуги» (*Distinguished Service Cross, DSC*) – персональная высшая военная награда Армии США).

Неизвестными для студентов и крайне заинтересовавшими их после ознакомления аллюзиями были: более тонкая отсылка к Луизиане, связанная с именем «Эванджелина» – это имя носит главная героиня одноименной (в русском переводе) эпической поэмы Генри Уодсворта Лонгфелло, рассказывающей о девушке, разыскивающей возлюбленного, с которым ее разлучила Депортация акадийцев, они же каджуны (массовая депортация британцами в XVIII веке французских поселенцев из Приморских провинций Канады, повлекшая смерть тысяч человек) [Longfellow 2015]. В просмотренном анимационном фильме светлячок Рэй, влюбленный в звезду Эванджелину, сообщает о том, что является каджуном. Участники эксперимента также прежде не знали, что слово «аллигатор» (gator) на сленге означает «джазмен» (аллигатор Луи в «Принцессе и лягушке» виртуозно играет джаз). Анимационный стиль эпизода, в котором Тиана воображает свой будущий ресторан, основывался на живописи афро-американского художника Аарона Дугласа, одного из ведущих деятелей Гарлемского ренессанса (культурное движение, возглавляемое ведущими афро-американскими писателями и художниками в 1920–1930-е гг.) [Hills 2009].

В заключение, участники эксперимента в связи с незнанием данных реалий обошли вниманием тот факт, что главный антагонист просмотренного анимационного фильма, колдун вуду по имени Доктор Фасилье, весьма напоминает Барона Субботу (Baron Samedi) – духа-лоа (в религии вуду – это невидимые духи, осуществляющие посредничество между Богом и человеком; являются аналогом христианских святых), связанного со смертью и изображающегося в виде очень худого человека в черном фраке и черном цилиндре (одежда похоронных дел мастера) [Deren 1975; Cotterell 2006]. Полученные от преподавателя разъяснения привели к оживленной дискуссии, после которой многие студенты признали, что с гораздо большей легкостью преодолели психологический барьер перед говорением, поскольку были увлечены

свежей темой, и практически не испытали трудностей при подборе лексических единиц и словосочетаний для выражения своего мнения.

Следует отметить, что некоторые участники эксперимента также обнаружили в просмотренном ими визуальном нарративе так называемые пасхалки – секреты в фильме, заложенные создателями [Salen, Zimmerman 2006], хотя подобная задача перед ними не ставилась. Итак, в самом начале «Принцессы и лягушки» видно, как из окна вытряхивают коврик с тем же рисунком, что и ковер-самолет из анимационного фильма «Аладдин» (1992), который также снимали Рон Клементс и Джон Маскер. Трамвай, на котором Тиана едет на работу, имеет номер «A113» – это номер классной комнаты в Калифорнийском институте искусств (CalArts); в 1970-х годах Джон Маскер и Рон Клементс, а также исполнительный директор Disney / Pixar Джон Лассетер и режиссер Pixar Брэд Берд изучали в этой аудитории анимацию. На полке с игрушками Шарлотты Ла Бафф можно увидеть куклу, изображающую принцессу Мериду из анимационного фильма студии Pixar «Храбрая сердцем» (2012, режиссеры Бренда Чапман и Марк Эндрюс). Во время парада Марди Гра на одной из платформ изображен король Тритон из анимационного фильма «Русалочка» (1989, режиссеры снова Рон Клементс и Джон Маскер). Танец Шарлотты на балу-маскараде напомнил участникам эксперимента финальную сцену в «Спящей красавице» (1959), включая платье Шарлотты. Когда доктор Фасилье призывает тени из ада, чтобы отправить их в погоню за принцем Навином, одно из существ похоже на Джека Скеллингтона, протагониста еще одного полнометражного кукольного фильма Walt Disney Animation Studios «Кошмар перед Рождеством» (1993, режиссер Генри Селик).

В результате все участники эксперимента выразили восхищение лингвистической (новые слова и выражения) и культурологической информацией, полученной ими в ходе ознакомления с предложенным визуальным нарративом, оценив и моральные, этические и социальные идеи, затронутые в «Принцессе и лягушке» – расовое равенство, уважение между полами, а также важность честного труда, настоящей дружбы и сохранения семейных ценностей. Помимо этого, студенты отметили, что получение данного лингвистического и культурологического опыта было сопряжено с прекрасным времяпрепровождением, которое вызвало у них прилив «рабочих» сил и вдохновения на выполнение вязанных с просмотренным визуальным нарративом заданий.

Спустя некоторое время после проведения эксперимента участники должны были отчитаться о долгосрочных впечатлениях, оставленных у них просмотром данного визуального нарратива. Многие из студентов сообщили, что за это время перечитали произведения Тенниси Уильямса, а ранее незнакомые с творчеством писателя восполнили этот пробел. Также участники эксперимента упомянули, что тем или иным образом использовали культурологическую информацию, почерпнутую из «Принцессы и лягушки», в своей учебной деятельности, избрав анимационные фильмы, французские заимствования, депортацию акадийцев, американский джаз и даже религию вуду (а именно – лингвистическое происхождение ве́ве – религиозных символов, используемых в гаитянском вуду и предположительно происходящих от идеографическо-мнемонической письменности Нигерии [Dayrell 1911, Battestini 1999]) в качестве тем для различных тезисов, докладов и курсовых проектов по лексикологии, стилистике, истории первого и второго языка и истории стран первого и второго языка, а также культурологии. В довершение, группа студентов продемонстрировала сертификат, врученный им за достижение второго места в кулинарном состязании, во время которого они приготовили фигурирующий в исследованном визуальном нарративе суп гамбо. Студенты подтвердили, что именно просмотр «Принцессы и лягушки» сподвигнул их к выбору данного блюда для конкурса, и что до ознакомления с анимационным фильмом «Принцесса и лягушка» они не знали о существовании гамбо. Очевидно, что визуальное повествование как способ воздействия на чувства вызвало у студентов яркие эмоциональные переживания, необходимые для поддержания интереса к процессу обучения в целом, и стремление к дальнейшему анализу культурного аспекта того визуального ряда, с которым они были ознакомлены.

4. Выводы

Проведенное исследование подтверждает мнение автора о том, что широкий культурный потенциал, содержащийся в визуальном нарративе, способствует выработке у учащихся обязательных языковых и культурологических навыков и развитию необходимых эмоциональных, личностных и поведенческих (мотивация и трудолюбие) черт. В этой связи представляется необходимым создание, обогащение и постоянное обновление корпуса визуальных нарративов (кино- и мультипликационных фильмов), лексические единицы

и грамматические конструкции, употребляемые в которых, отвечали бы современным реалиям изучаемого языка (в данном случае английского) и современным социальным нормам и явлениям, а также находили бы отклик у студентов, с точки зрения их интересов и потребностей, как профессиональных, так и личностных, естественным образом видоизменяющихся в процессе эволюции социума. Включение в учебный процесс на постоянной основе лучших образцов киноискусства как визуального нарратива и создание разноплановых заданий на основе визуального нарратива (упражнения на понимание смысла происходящего, выбор активного вокабуляра, устные обсуждения языковых, культурных и моральных вопросов с использованием отобранного вокабуляра, а также упражнения на аудирование и тренировку произношения) будет как нельзя лучше мотивировать студентов к изучению языка и способствовать их культурному и духовному обогащению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии. Минск: Литература, 1998. 1391 с. [Aristotel (1998). *Poetika. Ob iskusstve poezii (Poetics. About the art of poetry)*. Minsk: Literatura. (in Russ.)].
- Бахтин М. Диалогическое воображение. М.: Художественная литература, 1975. 423 с. [Bakhtin, M. (1975). *Dialogicheskoye voobrazheniye (Dialogic imagination)*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russ.)].
- Пропп В. Морфология сказки. Ленинград: Academia, 1928. 152 с. [Propp, V. (1928). *Morfologiya skazki (Morphology of a fairy tale)*. Leningrad: Academia (in Russ.)].
- Battestini, S. P. X. African writing and text. NY: Legas Publishing, 1999.
- Caputo, T. C. Visual storytelling: the art and technique. NY: Watson-Guptill, 2003.
- Cotterell, A. A Dictionary of World Mythology: A Wide Ranging Guide to Myths, Legends, Deities and Spirits. Oxford: OUP, 2006.
- Culler, J. The pursuit of signs: semiotics, literature, deconstruction. London : Routledge, 2001.
- Dayrell, E. 1911. Further notes on 'Nsibidi signs with their meanings from the Ikom District, Southern Nigeria // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 41. P. 521–540.
- Deren, M. The Voodoo Gods. London: Granada, 1975.
- Hills, P. Painting Harlem modern: the art of Jacob Lawrence. Berkeley: California University Press, 2009.
- Longfellow, H. W. Evangeline, A Tale of Acadie; London: Leopold Classic Library, 2015.

- Phelan, J.* Experiencing fiction: judgments, progressions, and the rhetorical theory of narrative. Columbus: Ohio State University Press, 2007.
- Phelan, J., Herman, D., McHale, B.* Teaching narrative theory. NY: MLA, 2010.
- Prince, G.* Narratology: The form and functioning of narrative. Berlin : Walter De Gruyter, 2012.
- Ronen, R.*, 1990. Paradigm shift in plot models: An outline of the history of narratology. *Poetics Today*. P. 817–842.
- Salen, K., Zimmerman, E.* The Game design reader: a 'Rules of the play' anthology. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2006. 960 p.
- Steinbeck, J.* Of Mice and Men. London: Penguin, 1993.
- Todorov, T.* Grammaire du Décameron. Paris: Mouton, 1969.
- Williams, T.* A Streetcar Named Desire. London: Signet, 1986.
- Williams, T.* Cat on a Hot Tin Roof. London: Signet, 1958.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 13 (842)

VESTNIK
of Moscow State
Linguistic University
Humanities
Issue 13 (842)

Ответственные за выпуск 13 (842):
кандидат филологических наук доцент *Л. В. Моисеенко*
кандидат филологических наук доцент *А. О. Манухина*

Редактор *Е. М. Евдокимова*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн обложки: *А. Г. Проскуряков*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 28.12.2020
Усл. печ. л. 14,25. Формат 60х90/16
Заказ № 117/20

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и/или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ
Ссылка на издание обязательна